

ТАНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

ТАНСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ТАН С К И Е Н О В Е Л Л Ы

ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО,
ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
О.Л. ФИШМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М О С К В А

1 9 5 5

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академик *В. П. Волгин* (председатель), академик *В. В. Виноградов*, академик *М. Н. Тихомиров*, член-корреспондент АН СССР *Н. И. Конрад* (заместитель председателя), член-корреспондент АН СССР *С. Д. Сказкин*, член-корреспондент АН СССР *Д. С. Лихачев*, член-корреспондент АН СССР *Д. Д. Благой*, профессор *И. И. Анисимов*, профессор *С. Л. Утченко*, кандидат исторических наук *Д. В. Ознобишин* (ученый секретарь)

Серия основана академиком *С. И. Вавиловым*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

член-корреспондент АН СССР Н. И. КОНРАД

Редактор перевода
профессор *В. С. КОЛОКОЛОВ*

ОТ РЕДАКЦИИ

В наше время, когда 600-миллионный китайский народ вступил в новую эру своей истории, встав в ряды борцов за создание социалистического общества, одной из задач советских китаеведов является раскрытие богатейшего культурного наследия этого народа.

Культурное наследие китайского народа велико и многогранно. Одну из частей этого наследия составляет литература, которая насчитывает более двух с половиной тысячелетий своего развития, притом развития непрерывного и засвидетельствованного памятниками.

Особое место в истории китайской литературы занимает время Танской империи (VII—X вв.)¹. Это — эпоха великих поэтов, классиков поэзии Китая: Ли Бо (701—762), Ду Фу (712—770) и Бо Цзюй-и (772—846). Их творчество заслуженно получило высокую оценку в нашей стране².

Но танский период истории китайской литературы ознаменовался и формированием художественной повествовательной литературы. Появляется короткий рассказ, «танская новелла», как ее принято называть в историко-литературных работах. Этот жанр литературы времен Тан известен гораздо меньше и должным образом еще не

¹ См. Послесловие, стр. 181—206.

² См. В. М. Алексеев. Стихотворения в прозе поэта Ли Бо, воспевающие природу. — «Записки Вост. отд. Русск. археол. об-ва», т. XX, 1911, стр. 185—195; Антология китайской лирики VII—IX вв. Москва—Петербург, Гос. изд-во «Всемирная литература», 1923; «Восток». Сборник первый. Литература Китая и Японии. Academia, 1935; Бо Цзюй-и. Четверостишия. Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Л. Эйдына. М., Гослитиздат, 1949.

оценен¹. А между тем он важен, так как, с одной стороны, связан с историей китайской повествовательной литературы в целом, а с другой — оказал влияние на развитие театра и драмы: темы многих танских новелл легли в основу сюжетов драматических произведений XIII—XVII вв. Большой интерес представляет танская новелла и для изучения процесса складывания художественной повествовательной литературы в средние века. Многое, что характерно для общественной обстановки, в которой формировалась и развивалась танская новелла, особенности социальной среды, в которой она бытовала, ее содержание и даже последующее влияние на драму — многое из этого как бы перекликается с теми признаками, которые присущи новелле раннего европейского Возрождения, разумеется, при полной самобытности и неповторимом своеобразии каждого из названных двух явлений.

Эти причины и побуждают нас познакомить советских читателей с несколькими образцами танской новеллы в русском переводе.

В приложении сообщаются необходимые сведения об эпохе, к которой относится танская новелла, о том пути, по которому прошла повествовательная литература в Китае, дается характеристика и самой новеллы.

Перевод сделан с китайского издания, подготовленного основоположником новейшей реалистической китайской литературы — Лу Синем, который был не только писателем, но и историком литературы своего народа. Именно Лу Синь первый в Китае обратил внимание соотечественников на эту важную часть литературного наследия китайского народа, остававшуюся в тени. Благодаря Лу Синю танская новелла получила широкое освещение в трудах современных китайских историков литературы.

¹ Первым нас познакомил с танской новеллой Б. А. Васильев, поместивший в вышеуказанном сборнике «Восток» перевод новеллы Бо Син-цзяня «Повесть о прекрасной Ли» с обстоятельным предисловием, в котором дается понятие об этом жанре повествовательной литературы в Китае. Диссертация Л. Д. Позднеевой специально посвящена новелле Юань Чжэня «Повесть об Ин-ин».

ТАНСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

ШЭНЬ ЦЗИ-ЦЗИ

ИЗГОЛОВЬЕ¹

В седьмом году правления *«Кайюань» среди *даосских монахов был некий старец Люй, владевший секретом бессмертных. Отправившись в *Ханьдани, он по дороге остановился на одном постоялом дворе. Поправил шапку, распустил пояс и сел, опираясь на мешок. Вдруг видит юношу в одежде из грубой ткани верхом на черном жеребце. Оказалось — некий Лу, он ехал в деревню и тоже решил остановиться на этом постоялом дворе. Лу уселся вместе со старым *даосом на одной цыновке, и они стали оживленно беседовать и шутить. Через несколько времени Лу, взглянув на свою потрепанную одежду, сказал, тяжело вздохнув:

— Посмотрите, вот человек родился на свет для больших дел, а его преследуют неудачи, трудности и ничего ему не удастся!

— Посмотреть на тебя — и молодой ты, и здоровый, — заметил старик, — тебе бы только радоваться, а не вздыхать о неудачах. В чем дело?

— А что у меня за жизнь? — возразил юноша. — Разве она по мне?

— Уж если такая жизнь не по тебе, — сказал старик, — то что же тебе подошло бы?

¹ Новелла под названием «Старец Лю» помещена в 88-й главе (раздел «Люди необычайные») сб. «Тайпин гуанцзи».

Звездочкой отмечены отдельные слова или выражения, поясняемые в примечаниях, которые даны в конце книги. Звездочка ставится перед поясняемым словом или выражением. Примечания расположены в алфавитном порядке.

Юноша ответил:

— Великий муж, родившись в этом мире, добивается успеха и создает себе славное имя. За пределами столицы — он полководец, при дворе — он первый вельможа. Он ест лучшие яства, слушает лучшую музыку. Он дает возможность возвыситься своему роду и разбогатеть своей семье. Вот чего я хотел бы! Я думал об учении, стремился обогатить себя знаниями, надеялся в свое время выдержать экзамены. Но вот я уже взрослый, а все занимаюсь обработкой полей. Как же мне не горевать?

Только он все это сказал, как почувствовал, что его очень клонит ко сну. Как раз в это время хозяин гостиницы поставил варить кашу из пшена. Старец вытащил из своего мешка изголовье и подал его Лу со словами:

— Приляг-ка на мое изголовье, и все помыслы твои сбудутся. *Изголовье было сделано из фарфора, с отверстиями на двух концах. Только юноша коснулся его головой, как увидел, что отверстия эти стали расширяться и засияли ярким светом. Он поднялся, вошел в отверстие и пошел. Шел, пока не добрался до своего собственного дома. Прошло несколько месяцев. Он женился на девушке из семьи Цуй, родом из *Цинхэ. Девушка была хороша собой и очень богата. На радостях Лу стал каждый день наряжаться в новые платья и ездить на резвых лошадях. На следующий год он сдал экзамены на степень *цзиньши, получил высокую должность и облачился в чиновничью одежду. Был издан указ о назначении его военачальником *Вэй-наня. Вскоре его перевели на должность цензора; затем повысили, назначив секретарем по составлению указов. Через три года его перевели в *Тунчжоу на должность правителя Шэньси. Лу обратил внимание на оросительные сооружения и провел от Шэньси канал длиною в восемьдесят *ли, чтобы облегчить сообщение. Народ, получивший от этого большие выгоды, поставил каменную плиту, на которой были записаны заслуги Лу. Затем его назначили правителем *Бяньчжоу и старшим инспектором *Хэнаньдао, а потом пригласили занять должность начальника столичного округа.

В том году воинственный и справедливый император воевал с *жунами и ди, расширяя свою территорию. Он объединил под своей эгидой *туфаньского Симола и *чжунунского Манбучжи, завоевал *Гуаша. Только что случившееся убийство наместника Ван-Цзюньхуана потрясло весь край, где текут реки *Хуанхэ и Хуаншуй.

Вспомнив о талантах Лу как полководца, император назначил его на должность столичного цензора и наместника *Хэсидао. Лу покорил западных инородцев, срубил семь тысяч голов, увеличил территорию провинции на девятьсот ли, построил три большие городские стены, чтобы противостоять возможным нападениям. Пограничные жители воздвигли каменную плиту на горе *Цзюйяньшань для прославления его подвигов.

Когда Лу вернулся ко двору, заслуги его были занесены на бамбуковые дощечки, милости и почести прямо сыпались на него. Сначала его назначили советником в управление гражданских чинов, затем повысили на должность начальника податного управления, одновременно дав ему должность императорского историографа. Вельможи относились к нему с уважением, народ любил его.

Благодаря проискам тогдашнего первого министра, ненавидевшего Лу и распускавшего о нем всякие ложные слухи, Лу был понижен в должности и назначен правителем *Дуаньчжоу, но через три года его снова повысили, назначив советником императора. Вскоре он уже был начальником высшего правительственного совета и вместе с секретарем совета Сяо и советниками Сун Бэем и Гуан Тинем держал в руках бразды правления в течение десяти с лишним лет. Он составлял планы, издавал тайные указы, постоянно бывал на приеме у императора, давал советы и получил, наконец, звание первого советника.

Товарищи Лу по службе завидовали ему и ложно обвинили его в нарушении законов, изменнических связях с пограничными военачальниками. Был отдан приказ о его аресте. К воротам уже подъехали стражники, чтобы взять его. Испуганный таким неожиданным оборотом дела, Лу сказал жене:

— Когда я жил у себя на родине в *Шаньдуне, было у меня хорошее поле в пять *цинов, его хватало, чтобы защитить меня от холода

и голода. И зачем только мне понадобилось искать чиновничьей службы? Теперь попал вот в такую беду. Хотел бы я надеть короткую куртку, оседлать моего черного жеребца и ехать по дороге в Ханьдань! Только ведь невозможно это!

Выхватил меч и, если б не мольбы жены, закололся бы.

Все недруги требовали его смерти, один только начальник управления чинов заступился за него, и смертную казнь заменили ссылкой в *Хуаньчжоу. Прошло несколько лет. Император, узнав, что с Лу обошлись несправедливо, велел ему принять должность секретаря правительственного совета и пожаловал титулом *яньского князя. Опять посыпались на него исключительные милости.

Родилось у него пять сыновей. Первого звали Цзянь, второго — Чуань, третьего — Вэй, четвертого — Ци, пятого — И. Все они обладали незаурядными способностями.

Старший сын Цзянь сдал экзамены на степень цзиньши и был назначен делопроизводителем палаты наград и наказаний. Второй сын Чуань стал цензором; Вэй — начальником управления, ведающего всеми обрядами в императорском храме предков; Ци — правителем *Вань-наня. А самый умный из сыновей — И — двадцати восьми лет от роду стал ближайшим советником императора. Жены их происходили из самых знатных родов Китая и подарили Лу больше десяти внуков. Лу дважды посылала на границу, затем снова назначила на должность первого советника. Он жил то в столице, то в провинции. В течение пятидесяти с чем-то лет он занимал исключительное, блестящее положение. По характеру своему Лу был склонен к мотовству, очень любил развлечения и удовольствия. В женских покоях у него было много певиц и наложниц, все — первые красавицы. Его постоянно жаловали угодами, именьями, красавицами, великолепными конями, все в несметных количествах. Наконец, он постепенно стал дряхлеть, неоднократно просил отставки по старости, но не получал согласия императора. Когда он заболел, знатные вельможи наперебой приезжали по поручению двора, чтобы справиться о его состоянии. Не было ни одного знаменитого врача, который бы не лечил его.

Чувствуя приближение смерти, Лу направил императору следующее послание: «Ваш слуга — родом из Шаньдуна. Он находил радость жизни в земледелии на своем поле и огороде. Как-то обратил на себя Ваше благосклонное внимание и был удостоен высоких чинов. Часто получал награды, жил богато. За пределами столицы был полководцем, при дворе — первым советником. Постоянно находился в разъездах. В нескончаемых заботах и тревогах проходили годы, один за другим. За такие Ваши милости стыдно мне было не отплатить преданной службой на благо Вашему мудрому правлению. В заботах, тревогах жил день ото дня и не заметил, как подошла старость. Сейчас мне уже больше восьмидесяти лет, я занимаю высокое положение в стране, но уже близок к смерти; тело мое одряхлело, тяжелая болезнь истощила силы, и жду я, что вот-вот окончится срок моей жизни. Думаю, что больше уже не смогу принести Вам пользы, и если своим высочайшим ответом Вы отпустите меня на покой, то окажете этим мне, ничтожному, великую милость, разрешив расстаться навсегда с мудрой династией. Исполненный чувства благодарности и преданности, почтительно подношу Вам это прошение об отставке».

Императорский ответ гласил: «Благодаря своим высоким достоинствам Вы, почтенный, стали Нашим первым советником. За пределами столицы Вы держали в руках наших подданных, при дворе поддерживали порядок и согласие. Вам Мы обязаны сорока годами мира и процветания. Сейчас Вы подобны малолетнему ребенку, заболевшему краснухой: через несколько дней такой ребенок бывает уже на ногах. Разве это такая тяжелая болезнь, что нужно предаваться унынию и скорби? Сегодня Мы приказали главнокомандующему *Гао Ли-ши поехать к Вам узнать о Вашем здоровье и отвезти Вам *иглу для уколов, которой Мы сами пользовались. Мы выражаем надежду на то, что Вы скоро поправитесь и все обойдется благополучно».

В тот же вечер Лу умер.

Юноша потянулся и проснулся. Видит: лежит он на постоялом дворе, рядом с ним сидит старик Люй, а хозяин *не успел еще доварить кашу, — все как и было. Юноша вскочил и воскликнул:

— Так это был всего лишь сон!

— Именно так и бывает в жизни, — ответил старец.

Долго сидел юноша в печальном раздумье, а затем стал благодарить старца:

— Я полностью познал высокие милости, позор, бедность и богатство, благополучие и лишения, жизнь и смерть. Таким образом, вы, учитель, раскрыли всю бессмысленность моих желаний. Посмею ли я не извлечь урока для себя?

Несколько раз почтительно поклонился старцу и уехал.

ШЭНЬ ЦЗИ-ЦЗИ ИСТОРИЯ ЖЭНЬ¹

Жэнь была лиса-оборотень.

Был некий Вэй, по имени Инь, девятый в роде, приходившийся по материнской линии внуком князя Вэй из *Синьяня, служивший гонцом при государе. Он смолоду отличался невоздержанностью, любил вино.

Зять его младшей тетки по отцу звался *Чжэн-лю; имя его указывать не буду. Чжэн смолоду изучал военное искусство, тоже любил вино и красавиц; был беден, не имел своего дома и жил у родных жены. Они с Вэй Инем прекрасно понимали друг друга и постоянно развлекались вместе.

В шестую луну лета девятого года правления *«Тяньбао» Вэй Инь и Чжэн-лю вместе совершали прогулку по улицам *Чаньяня и решили зайти выпить в увеселительном квартале *Синьчанли. К югу от улицы Сюаньпин Чжэн-лю попросил извинить его, сказав, что он должен ненадолго отлучиться, но попозже придет в кабачок. Вэй Инь верхом на белой лошади поехал на восток, а Чжэн-лю — на осле — к югу. Выехав в северные ворота улицы Шэнпин, Чжэн-лю повстречал трех женщин, шедших по дороге. Та, что шла в середине, одетая в белое платье, была поразительно хороша собой. Увидев ее, Чжэн-лю и удивился, и обрадовался, подхлестнул своего осла и стал то заезжать вперед, то следовать за ними сзади; хотел познакомиться, но не решался. А та, что была в белом платье, частенько бросала на него взгляды искоса, словно и ее тянуло к нему. Чжэн-лю стал с ней заигрывать:

¹ Новелла помещена в 452-й главе (раздел «Лисы») сб. «Тайпин гуанцзи».

— Такая красавица, а идет пешком! Как же это так?

— Что же мне остается, как не идти пешком, если тот, кто едет верхом, не спешил, чтобы услужить мне? — засмеялась девушка в белом платье.

— Мой жалкий осел не достоин того, чтобы такая красавица ехала верхом на нем, — сказал Чжэн-лю. — Все же позвольте немедленно предложить его вам. А мне будет достаточной наградой, если получу позволение сопровождать вас!

Поглядев друг на друга, они рассмеялись. Спутницы ее подзадоривали их, так что постепенно они совсем сдружились. Чжэн-лю последовал за ними на восток. Когда добрались до «Увеселительных садов», уже спустились сумерки. Показался красивый дом, окруженный стеной с воротами для экипажей. Собираясь войти в дом, девушка в белом платье обернулась к Чжэн-лю:

— Прошу вас подождать немного! — и удалилась. Одна из сопровождавших ее служанок задержалась у ворот и спросила Чжэн-лю о его фамилии и о его семье. Чжэн-лю сказал ей и в свою очередь осведомился о девушке в белом. Служанка ответила:

— В роду Жэнь она двадцатая.

Прошло совсем немного времени и Чжэн-лю пригласили войти. Он привязал осла к воротам, положил шапку на седло. Первой навстречу ему вышла женщина лет тридцати с небольшим. Это была старшая сестра Жэнь.

Она расставила свечи, поднесла Чжэн-лю несколько чарок вина. Наконец, вышла принарядившаяся и сама Жэнь. Много пили и очень веселились. Только поздней ночью легли спать. Изящество Жэнь, прелестная фигура, пение, смех, манеры, готовность услужить — все было очаровательно. Другой такой среди людей, верно, и найти невозможно.

Перед рассветом Жэнь сказала:

— Надо вам уходить. Мой брат известный человек среди актеров и певцов, он служит у первого советника и с рассветом выходит из дома. Вам никак нельзя здесь задерживаться.

Условились о дальнейших встречах, и Чжэн-лю ушел. Добрался до уличных ворот, но они еще были заперты. У ворот была хижина

чужеземца, торговавшего лепешками. Он только что зажег фонарь и разжигал очаг. Чжэн-лю уселся отдохнуть под навесом, *ожидая удара барабана, и стал беседовать с хозяином.

— Если повернуть отсюда на восток, будут ворота, — чей это дом? — спросил Чжэн-лю, имея в виду то место, где он ночевал.

— Там обвалившаяся ограда да заброшенная земля, — сказал хозяин, — никакого дома нет.

— Я только что проходил мимо, а ты говоришь, что нет, — возразил Чжэн-лю.

Начался спор. Наконец хозяин сообразил в чем дело и сказал:

— А-а! Знаю! Там есть лиса, которая постоянно заманивает мужчин к себе на ночлег, я ее три раза встречал. Уж не повстречались ли вы, сударь, с ней?

— Нет, — солгал Чжэн-лю, покраснев.

Как только рассвело, Чжэн-лю снова пошел взглянуть на это место; увидел, что стены и ворота стоят как прежде; заглянул внутрь, а там все в развалинах и заросло травой.

Чжэн-лю вернулся домой, зашел к Вэй Иню. Тот стал его бранить за то, что он не пришел в условленное время. Чжэн-лю не выдал себя и отговорился делами. Вспоминая о красоте Жэнь, он мечтал снова увидеть ее. Она никак не выходила у него из головы, забыть ее было невозможно.

Прошло более десяти дней. Чжэн-лю, гуляя, забрел в лавку платья на Западном рынке и вдруг увидел Жэнь, как и в первый раз в сопровождении служанок. Окликнул ее. Она, пригнувшись, стала протискиваться в толпу, чтобы избежать встречи с ним. Чжэн-лю, продолжая звать ее, устремился вперед. Тогда она повернулась к нему спиной и, закрываясь веером, спросила:

— Вы ведь знаете все, зачем же приближаетесь ко мне?

— Ну, знаю, а что ж тут дурного? — возразил ей Чжэн-лю.

Она отвечала:

— Постыдное это дело, не могу я смотреть вам в лицо.

— Можно ли бросить того, кто так много о вас думает? — сказал Чжэн-лю.

— Как я могу вас бросить? Я только боялась вызвать в вас отращение к себе.

Чжэн-лю поклялся ей в верности в самых убедительных и искренних выражениях.

Тогда Жэнь, убрав веер, повернулась к нему, и блеск ее красоты засиял, как прежде.

— Таких, как я, много среди людей. Просто вы не знаете их, а во мне нет ничего исключительного.

Чжэн-лю попросил ее «устроить радость» [свидания] с ним, и Жэнь ответила:

— Обычно люди ненавидят нашу породу, а если находятся такие, кто не испытывает к нам ненависти, то мы их губим. Но я не такая. Раз вы не проявили ко мне отвращения, я хочу служить вам и до самой смерти *подавать вам полотенце и гребень.

Чжэн-лю согласился и стал советоваться с ней, где им поселиться.

— Отсюда на восток среди больших деревьев есть дом. Место там уединенное, тихое. Можно снять помещение и поселиться там. Скажите, тот молодой человек, что в первую нашу встречу поехал на восток на белой лошади, когда вы расстались с ним к югу от улицы Сюаньпин, не муж ли он двоюродной сестры вашей жены? В его доме, наверное, много всякой утвари, можно бы призанять.

В то время все три дяди Вэй Иня были посланы по служебным делам в отдаленные районы страны, и вся утварь из домов была оставлена на хранение Вэй Иню. Чжэн-лю, последовав совету Жэнь, наведался в тот дом, о котором она говорила, а затем посетил Вэй Иня и попросил одолжить утварь.

Вэй Инь спросил, зачем она ему понадобилась.

— Встретил красавицу и нанял уже для нее дом, — ответил Чжэн-лю, — теперь нужно его обставить.

— Судя по тому, каков ты сам, наверняка какая-нибудь уродина обольстила тебя. Откуда уж тут быть красавице? — рассмеялся Вэй Инь, но все же одолжил полог, кровать и циновки, а сам потихоньку велел самому пронырливому из слуг последовать за Чжэн-лю и все высмотреть.

Вскоре слуга весь в поту прибежал обратно. Вэй Инь выскочил ему навстречу:

— Видел ее? Какая она?

— Поразительная! Никогда еще такой в мире не было! — ответил слуга.

У жены Вэй Иня было очень много родственниц, да и к тому же в своих увеселительных поездках он перезнакомился со множеством красавиц, поэтому он спросил:

— Красивее ли она, чем Н?

— Та и в сравнение не идет, — ответил слуга.

Вэй Инь стал сравнивать ее с самыми известными красавицами, но при каждом имени слуга отвечал: «Ничего общего».

В те времена шестая дочь князя У, приходившаяся Вэй Иню двоюродной сестрой, красивая, как бессмертная фея, считалась первой среди всех.

— Красивее ли она, чем шестая дочь князя У? — спросил, наконец, Вэй Инь.

— И та в сравнение не идет, — повторил слуга.

В изумлении Вэй Инь всплеснул руками:

— Да есть ли такая красавица на свете?

Тут же велел принести воды, вымыл шею, повязал голову, смазал губы и пошел к Чжэн-лю. Пришел, а Чжэн-лю в это время отлучился из дому. Вэй Инь вошел в ворота и увидел маленького прислужника, обметавшего метелкой пыль, и служанку, стоявшую у дверей, — больше никого там не было. Осведомился у мальчика; тот засмеялся в ответ:

— Нет никого.

Вэй Инь огляделся вокруг и заметил, что из-под двери виден кусок красной юбки. Бросился туда и увидел Жэнь, спрятавшуюся за дверью. Вэй Инь вывел ее оттуда на свет, поглядел — совершенно неопишима!

От страсти он чуть с ума не сошел, схватил ее и стал приставать. Жэнь сопротивлялась. Вэй Инь пустил в ход силу; почти справился с ней. Тогда Жэнь сказала:

— Хорошо, согласна, только отпустите меня хоть на минутку.

Отпустил, а она снова начала сопротивляться, и так повторялось раза четыре. Вэй Инь решил силой взять ее, а Жэнь ослабела, пот по ней катился градом.

Видя, что от него не уйдешь, она перестала сопротивляться, и вид у нее был очень печальный.

— Почему у тебя такой грустный вид? — спросил Вэй Инь.

Тяжело вздохнув, она ответила:

— Мне жаль Чжэн-лю!

— Почему? — спросил Вэй Инь.

— Ростом Чжэн-лю в шесть *чи, — сказала Жэнь, — а не может защитить женщину! Разве это муж? Вы, сударь, с юности богаты и щедры, много встречали красавиц, а такие, как я, во множестве попадались вам. Ну, а Чжэн-лю беден и для услаждения у него ведь только я одна. Имея все в избытке, можно ли отнимать у того, кому и так не хватает? Жаль мне его, что он беден и голоден, не может быть независим. Носит он вашу одежду, ест вашу пищу, поэтому он и зависит от вас. Если бы у него был хоть плохой, но свой рис, так не дошло бы до этого.

Вэй Инь был человеком справедливым и благородным. Услыхав эти слова, тотчас же отпустил Жэнь, opravил постель и попросил прощенья:

— Не смею! . .

А тут как раз пришел Чжэн-лю и очень обрадовался, увидев друга.

С этого времени все украшения и сладости для Жэнь присылал Вэй Инь.

Жэнь часто выезжала на прогулки, и никогда не бывало, чтобы Вэй забыл прислать за ней упряжку лошадей или паланкин. Каждый день гулял с ней, наслаждался ее обществом. Они всегда свободно обращались друг с другом. Говорили решительно обо всем, но никогда не доходили до излишнего. Вэй Инь любил и уважал ее, ничего для нее не жалел; за едой, за вином — никогда о ней не забывал.

Жэнь знала о его любви. Желая выразить свою благодарность, она сказала Вэй Иню:

— Мне стыдно, что вы проявляете такую страстную любовь ко мне. Знаю, что такая ничтожная женщина, как я, недостойна ответить на добрые ваши чувства. К тому же я не смею быть неблагодарной по отношению к Чжэн-лю, потому я не могу пойти навстречу вашим желаниям. Но вот что: я родом из *Цинь, родилась и выросла в городе Цинь; в моей семье есть актрисы, а многие из моих дальних родственников стали любимыми наложницами. Благодаря этому я знакома со всеми гетерами Чанъаня, и если найдется какая-нибудь красавица, которая вам приглянется, но окажется недоступной, можно будет это устроить. Хотя этим мне хочется отблагодарить вас за все ваши милости.

— Буду счастлив! — сказал Вэй Инь.

На городском рынке торговала платьями женщина, славившаяся своей прекрасной фигурой; звали ее Чжан-пятнадцатая. Вэй Инь часто восхищался ею, потому он и спросил Жэнь, знает ли она эту девушку.

— Она — моя двоюродная сестра, — ответила Жэнь, — это будет легко устроить!

Прошло дней десять, и, верно, устроила. А через несколько месяцев Чжан надоела Вэй Иню, и он бросил ее.

— С этими рыночными так легко, — сказала Жэнь, — не стоит и труда. А вот может быть есть какая-нибудь гаремная красавица, к которой трудно подступиться, так вы скажите. Я всеми своими силами и знаниями помогу вам.

Вэй Инь ответил:

— Вчера, в *«Праздник холодной пищи» я с несколькими приятелями отправился в храм Тысячи удач и увидел, что в центральном храмовом зале полководец Дяо Мянью устроил поминки. Там была одна девушка, чудесно игравшая на свирели, ей лет шестнадцать, волосы связаны в два узла над ушами, изящна и прелестна необычайно. Знаете ли вы ее?

— Это любимая служанка полководца, — сказала Жэнь. — Ее мать — старшая сестра его наложницы. Можно будет заполучить девушку.

Вэй Инь низко-низко кланялся ей и благодарил. Жэнь обещала посодействовать ему и с тех пор стала бывать в доме полководца.

Прошел месяц с лишним. Вэй Инь начал приставать к Жэнь с распросами о ее плане. Оказалось, что ей нужно два рулона шелка для подкупа. Вэй Инь дал ей шелк. Через два дня, когда Жэнь и Вэй Инь обедали, полководец Дяо Мяннь прислал за Жэнь старика на вороном коне. Узнав об этом, Жэнь сказала со смехом Вэй Иню:

— Ну, теперь все устроилось.

А дело было так: Жэнь наслала на любимую служанку полководца такую болезнь, что ни кровопускание, ни лекарства ей не помогали. Мать девушки и сам полководец в сильной тревоге решили обратиться к знахарке. Жэнь тайно подкупила знахарку, чтобы та указала на дом Жэнь, как на место, которое принесет больной выздоровление. Осмотрев больную, знахарка сказала:

— Несчастье находится в самом доме; надо перевезти ее на юго-восток, в такой-то дом, чтобы в нее влились жизненные силы.

Полководец и мать девушки навели справки и выяснили, что речь идет о доме Жэнь. Полководец попросил разрешения перевезти туда девушку, но Жэнь притворно отказала под тем предлогом, что больной у нее будет слишком тесно. Только после усиленных просьб она согласилась. Тогда погрузили на повозку платья и вещи, и девушка с матерью отправились в дом Жэнь. Как только прибыли туда, девушке стало лучше. Не прошло и нескольких дней, как Жэнь тайно провела к ней Вэй Иня и познакомила их. А месяца через два девушка оказалась беременна. Мать ее в испуге решила вернуться в дом к полководцу Дяо Мяннь. На этом дело кончилось.

Как то раз Жэнь сказала Чжэн-лю:

— Можете ли вы достать пять-шесть тысяч медных монет? Представился случай разбогатеть.

— Могу, — ответил Чжэн-лю. Он отправился просить займы у знакомых и достал шесть тысяч.

— На рынке человек продает лошадь, у которой повреждена нога; купите и держите у себя до поры до времени, — сказала Жэнь.

Чжэн-лю отправился на рынок; действительно увидел человека, который продавал лошадь с ушибленной левой ногой. Купил лошадь и привел ее к себе домой. Жена и братья смеялись над ним:

— Зачем было покупать такую дрянь?

Вскоре Жэнь сказала:

— Теперь можно продать лошадь. Просите за нее тридцать тысяч.

Чжэн-лю пошел продавать. Кто-то предложил ему двадцать тысяч, но Чжэн-лю не согласился.

— За такую клячу дают такую высокую цену, а этот еще не соглашается продать! — недоумевал весь рынок.

Чжэн-лю сел на лошадь и отправился домой.

Покупатель следовал за ним до самых его дверей, все надбавлял цену, наконец, предложил двадцать пять тысяч. Чжэн-лю не согласился:

— Меньше чем за тридцать тысяч не продам.

Жена и братья стояли у дверей и бранили Чжэн-лю, но тот упорствовал. Наконец, покупатель дал ему тридцать тысяч. Тогда Чжэн-лю потихоньку спросил у покупателя, зачем ему эта лошадь. Оказалось, что в уезде Чжаоин лошадь из императорских конюшен повредила ногу и околела; было это три года тому назад. Служитель своевременно не вычеркнул лошадь из списков. В списках лошадь ценилась в шестьдесят тысяч; ему было выгодно найти ей замену за полцены. А все эти три года деньги, что шли на фураж, он брал себе. Чтобы недостача не была замечена, он и купил лошадь для замены прежней.

У Жэнь изнасилась одежда, и она попросила у Вэй Иня платье. Вэй Инь собрался купить ей целый сверток шелка, но Жэнь отказалась:

— Мне нужно готовое платье.

Вэй Инь позвал купца Чжан Да, велел ему пойти к Жэнь и узнать, что именно ей нужно. Увидев ее, Чжан Да в изумлении сказал Вэй Иню:

— Наверняка она сродни небожителям, у которых вы, сударь, ее похитили. Такой среди людей быть не должно; отошлите-ка ее поскорее обратно, чтобы не дошло до беды.

Так действовала на людей ее красота.

Но почему она всегда покупала готовые платья и ничего сама себе не шила, было непонятно.

Год с лишним спустя, выдержав военные испытания, Чжэн-лю получил должность военачальника в округе Хуайли уезда *Цзиньчэн. До этого целыми днями он был занят, проводил все время вне дома и только к ночи возвращался домой к своей жене, а потому очень досадовал на то, что не мог посвящать Жэнь свои вечера. Собираясь теперь отправляться на место своей службы, он уговаривал Жэнь ехать вместе с ним. Жэнь не соглашалась:

— Целый месяц быть в дороге — никакой радости в этом нет. Прошу вас оставить мне денег на жизнь, и я буду в одиночестве дожидаться вашего возвращения.

Чем больше Чжэн-лю просил ее, тем сильнее она противилась. Тогда Чжэн-лю призвал Вэй Иня на помощь. Тот присоединил свои уговоры к просьбам Чжэн-лю и стал спрашивать Жэнь о причине ее отказа. Жэнь долго колебалась, наконец, ответила:

— Гадалка сказала, что если я в этом году поеду на запад, со мной произойдет несчастье, поэтому и не хочу ехать.

Чжэн-лю очень удивился. Не понимая в чем дело, они с Вэй Инем стали смеяться над Жэнь:

— Вот так штука! Ты, такая умница, и позволила дурачить себя всякими колдовскими наваждениями!

Стали просить ее еще настойчивее.

— А если слова гадалки подтвердятся, — возражала Жэнь. — Что же хорошего, если я из-за вас умру?

— Да разве может это подтвердиться? — говорили оба и продолжали упрашивать ее.

Нечего делать, Жэнь согласилась. Вэй Инь одолжил ей лошадь, проводил их до *Линьгао и здесь распрощался с ними.

Через два дня они достигли *Мавэй. Жэнь ехала на лошади впереди, Чжэн-лю на осле — сзади; служанки ехали отдельно следом за ним.

В это время охотники, уже десять дней обучавшие собак в *Лочуане, как раз повстречались на дороге. Псы выскочили из травы, и Чжэн-лю увидел, как Жэнь вдруг скатилась на землю и, приняв свой настоящий вид, помчалась на юг, преследуемая собаками. Чжэн-лю

с криками понесся за ними, но не смог остановить. Через *ли с чем-то собаки поймали Жэнь. Плача, Чжэн-лю вынул деньги из мешка и нанял людей, чтобы похоронить ее останки и поставить над могилой деревянную дощечку с надписью. Вернувшись, он увидел, что лошадь, на которой она ехала, щиплет траву у края дороги; одежда лежит на седле, туфли и чулки висят на стременах, словно сброшенная цикадой чешуя, а головные украшения лежат на земле, больше ничего не было видно. Служанки тоже исчезли.

Дней десять спустя Чжэн-лю вернулся в город. Вэй Инь, увидев его, обрадовался и выбежал навстречу с вопросом:

— А где же Жэнь? Не случилось ли беды с ней?

Заплакав, Чжэн-лю ответил:

— Погибла.

Услышав это, Вэй Инь тоже опечалился. Поддерживая друг друга вошли в дом, чтобы выплакать свое горе. Вэй Инь спросил о причине смерти Жэнь. Чжэн ответил:

— Собаки загрызли.

— Разве собаки, даже самые свирепые, могут загрызть человека? — удивился Вэй Инь.

— А она — не человек, — ответил Чжэн-лю.

— Не человек, — изумленно спросил Вэй Инь, — а кто же?

Тогда Чжэн-лю рассказал ему все, от начала до конца. Вэй Инь беспрерывно удивлялся и вздыхал. На следующий день приказал заложить лошадей и вместе с Чжэн-лю отправился в Мавэй. Разыскали могилу, посидели там, долго плакали и потом вернулись домой.

А если вспомнить о том, что было прежде, так ведь единственное ее отличие от человека было то, что она не умела шить себе платьев.

Впоследствии Чжэн-лю стал военным инспектором. Семья его разбогатела, в конюшне было больше десяти лошадей. Умер он шестидесяти пяти лет от роду.

В середине годов правления *«Дали» я, Шэнь Цзи-цзи, жил в *Чжунлине и часто прогуливался с Вэй Инем, который много раз рассказывал мне эту историю, поэтому я знаю ее во всех подробностях. Впоследствии Вэй Инь стал придворным летописцем и одно-

временно управлял областью *Лунчжоу; оттуда он не вернулся, погиб там.

Вот вам! Даже оборотни и те испытывают человеческие чувства! Столкнувшись с насилием, они не теряют целомудрия; следуют за человеком, даже под страхом смерти. Не в пример некоторым теперешним женщинам.

Жаль, что Чжэн-лю не был человеком тонкой души; его привлекала в Жэнь только внешность, а чувства ее он оставлял без внимания. Вот будь на его месте глубоко ученый человек, тот, наверняка, мог бы понять законы превращения, установить грани человеческого и чудесного, написал бы об этом прекрасные произведения, рассказал бы об удивительных чувствах, не останавливаясь на легкомысленном, поверхностном изложении. Жаль, жаль!..

Во второй год правления *«Цзяньчжун» я, Цзи-цзи, бывший тогда в должности цензора в *Цзинь, встретился с воеводой Пэй Цзи, начальником столичного округа Сунь Чэном, начальником податного управления Цуй Сюем и военным цензором Лу Чунем. Встретились все на юго-востоке страны. Отправляясь из Цинь в *У, мы проехали вместе всю дорогу и по воде и по суше. В это время бывший цензор Чжу Фан, путешествуя для собственного удовольствия, присоединился к нам.

Переплывая реку *Ин, переправляясь через реку *Хуай, мы пускали лодку по течению, днем пили, ночью беседовали; каждый рассказывал какой-нибудь необычайный случай. Услышав от меня историю Жэнь, все мои попутчики были глубоко растроганы и попросили меня, Шэнь Цзи-цзи, изложить ее в форме «рассказа о необычайном», что я и выполнил.

ЧЭНЬ СЮАНЬ-Ю

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ДУША ПОКИНУЛА ТЕЛО ¹

В третьем году правления *«Гяньшоу» некий Чжан И, уроженец *Цинхэ, получив назначение по службе, переехал с семьей в *Хэнчжоу. Человек замкнутый и тихий, Чжан И имел мало друзей. Сыновей у него не было, имел он двух дочерей. Старшая давно уже умерла, младшая же, которую звали Цянь-нян, по манерам своим и красоте не имела себе равных. Ван Чжоу из *Тайюаня, племянник Чжан И со стороны матери, с малых лет выделялся умом и красотой. Чжан И был о нем очень высокого мнения и часто говорил:

— Когда-нибудь отдадим ему Цянь-нян в жены.

Когда Ван Чжоу и Цянь-нян выросли, они и во сне, и наяву постоянно думали друг о друге, но домашние ничего не знали об этом. Поэтому, когда один из товарищей Чжан И, бывавший у него в доме, решил попросить Цянь-нян в жены, Чжан И согласился.

Узнав об этом, девушка пришла в отчаяние. Ван Чжоу тоже был очень огорчен и ошеломлен этим известием. Под предлогом поисков службы он стал просить, чтобы его отпустили в столицу. Удержать его было невозможно. Дядя согласился и щедро снабдил его всем необходимым.

Скрывая свою скорбь и досаду на судьбу, Ван Чжоу со слезами сел в джонку. К вечеру остановились в нескольких *ли от какой-то горной деревушки. Только что наступила полночь. Ван Чжоу еще не спал. Вдруг он услышал торопливые шаги: кто-то бежал по берегу. Мгно-

¹ Новелла помещена в 35-й главе (раздел «Души») сб. «Тайпин гуанцзи».

венье — и тот был уже в джонке. Ван Чжоу спросил, кто это. Оказалась Цянь-нян; она босиком пробежала всю дорогу. Чуть с ума не сойдя от радости и изумления, Ван Чжоу схватил ее за руки и стал спрашивать, что случилось. Цянь-нян, заплакав, ответила:

— Даже во сне я ощущала вашу горячую любовь ко мне. Сейчас, когда отец захотел выдать меня замуж, а я знала, что ваше глубокое чувство ко мне неизменно, я не пожалела своей жизни, чтобы отблагодарить вас, и, рискуя всем, побежала за вами.

Ван Чжоу прямо плясал от радости, так неожиданно было осуществление его надежд. Затем он спрятал Цянь-нян в каюте. Днем и ночью ехали они окольными путями, боясь преследования и скрываясь. Лишь через несколько месяцев добрались до *Сычуани. Здесь они прожили пять лет. Родилось у них двое сыновей, а вестей о Чжан И все не было, да и они не давали ему ничего знать о себе. Цянь-нян постоянно думала о своих родителях и как-то со слезами обратилась к мужу:

— Раньше я не могла не ответить на ваше чувство и не посчиталась со своим долгом перед отцом и матерью. Вот уже пять лет, как преграды отделили меня от их нежных забот. С каким лицом я буду жить дальше?

Ван Чжоу стало жалко жену:

— Вернемся домой, не горюй! — сказал он, и они поехали обратно в Хэнчжоу. Прибыв туда, Ван Чжоу один отправился к Чжан И и первым делом стал просить у него прощения за все, что случилось.

— Цянь-нян уже несколько лет лежит больная во *внутренних покоях, — сказал Чжан И, — зачем ты мне рассказываешь небылицы?

— Поглядите-ка в джонке! — возразил Ван Чжоу.

Крайне удивившись, Чжан И поспешил послать слуг проверить. Действительно, в джонке увидели Цянь-нян, спокойную, вполне здоровую. Она спросила у слуг:

— Здоров ли ваш барин?

Пораженные слуги поспешили доложить Чжан И об этом.

А девушка во внутренних покоях, услышав это, обрадовалась и встала, нарядно оделась и с улыбкой на устах, не произнося ни слова,

вышла навстречу прибывшей, обняла ее и незаметно слилась с ней в одно тело, только платьев оказалось два.

Семья Цянь-нян считала, что тут все-таки что-то неладно, и скрыла это происшествие. Только среди ближайших родственников несколько человек знали об этом, но молчали.

Сорок лет спустя Ван Чжоу и Цянь-нян умерли. Оба их сына *получили степень цзюйжэнь и впоследствии достигли высоких чинов.

Я, Сюань-ю, в детстве часто слышал об этой истории. Ее рассказывали по-разному, но сущность оставалась та же. Были люди, которые считали все это выдумкой.

В конце годов правления *«Дали» я встретил Чжан Чжун-гуя, начальника уезда *Лайу, который рассказал мне все это с начала до конца. Оказалось, что Чжан И приходился Чжан Чжун-гую двоюродным дядей и рассказывал ему эту историю со всеми подробностями.

Поэтому я и записал ее.

ЛИ ЧАО-ВЭЙ

ИСТОРИЯ ЛЮ И¹

В *годы правления «Ифэн» некий ученый Лю И, потерпев неудачу на государственных экзаменах, решил вернуться домой к берегам реки *Сян. Вспомнив, что в *Цзиньяне у него есть земляк, Лю И отправился к нему попрощаться перед отъездом. Едва проехал он шесть-семь *ли, как внезапно вспорхнула птица, лошадь испугалась и понеслась в сторону, налево от дороги, и только еще через шесть-семь ли удалось ее остановить.

У дороги девушка пасла овец. Увидев ее, Лю И поразился: до того она была хороша собой. Но лицо у нее было грустное; в головном платке и простом платье без украшений она стояла как вкопанная и внимательно прислушивалась, словно ожидая кого-то.

— Почему вы так грустны и так *плохо одеты, — спросил ее Лю И.

Сначала девушка не хотела ему ничего говорить, но, в конце концов, расплакалась и ответила:

— Я очень несчастна. Вот сейчас вы спрашивали меня о моем позоре. Обида пронизывает меня всю, но как мне избежать позора? Слушайте же: я — младшая дочь Дракона, Владыки озера *Дунтинху. Мои родители выдали меня замуж за второго сына духа реки *Цзин, но я наскучила моему супругу, и он, будучи к тому же введен в заблуждение слугами, стал со мной очень суров. В конце концов он пожаловался на меня своим родителям; а те так любят своего сына, что не могут ему перечить. Когда он пожаловался, свекор и свекровь прогнали меня сюда.

¹ Новелла помещена в 419-й главе (раздел «Драконы») сб. «Тайпин гуанцзи».

Рыдания и вздохи душили ее и мешали говорить; она долго не могла справиться со своей скорбью. Наконец, смогла продолжать:

— Не знаете ли вы, далеко ли отсюда находится озеро Дунтинху? Великое небо раскинулось на необозримые пространства, никакие вести сюда не доходят. Сердце мое разбито страданиями, и никто не представляет себе всей глубины моего горя; я знаю, что вы собираетесь в *У, это ведь совсем рядом с озером. Не согласились бы вы передать туда письмо от меня? Сочтете ли это возможным?

— Я человек долга, — ответил Лю И, — рассказ ваш глубоко меня тронул. Жаль, что нет у меня крыльев, и я не могу сразу же полететь туда. Разве стал бы я так говорить, если бы не хотел помочь вам! Но Дунтинху глубоко, я же из тех, кто ходит по тверди земной; как смогу я выполнить ваше желание? Дорога трудная, боюсь не дойду. Взять на себя поручение я готов, но может быть вы владеете средством, чтобы помочь мне добраться туда?

Рыдая, девушка стала благодарить его:

— Нет слов, чтобы сказать, как я обязана вам. Если же вы доставите ответ на мое письмо, то и со смертью моя благодарность не иссякнет. Если бы вы, сударь, не согласились, то я не посмела бы об этом говорить; но раз вы согласны и спрашиваете меня, то знайте, что между Дунтинху и столицей по существу нет почти никакой разницы.

Лю И попросил ее объяснить поподробнее.

— К северу от Дунтинху, — сказала девушка, — растет апельсиновое дерево, местные жители называют его *Духом-покровителем земли. Вам нужно будет снять свой пояс и привязать его к дереву, а затем три раза постучать по дереву; за тем, кто вам ответит, следуйте без всяких колебаний. Прошу вас, кроме моего письма, передайте там на словах все, что я рассказала, ни в коем случае ничего не изменяя!

— Исполню все, как приказано, — ответил И.

Тогда девушка вытащила из-за пазухи письмо и с поклоном вручила его Лю И; поглядела на восток и горько заплакала, видимо, не в силах сдержаться. Лю И было очень жалко ее. Он положил письмо в кошелек и спросил:

— Не понимаю, зачем вы пасете овец? Разве земные духи убивают животных?

— Это не овцы, — ответила девушка, — а громы.

— То есть, как это «громы»? — удивился Лю И.

— Ну, раскаты грома, — ответила она.

Лю И внимательно пригляделся; свирепый взгляд, стремительная поступь, манера пить и жевать — все это было очень странным, но шерсть и рожки ничем не отличались от тех, что у обычных овец.

— Я — ваш посланец, — сказал Лю И, — когда вы вернетесь в Дунтинху, прошу вас не избегать меня.

— Не только не буду избегать, — ответила она, — но даже буду смотреть на вас, как на родного.

Кончили они разговор, и Лю И отправился на восток. Не прошел он и десяти шагов, как оглянулся назад, но девушка и овцы исчезли.

В этот вечер Лю И пришел в город и распрощался со своим другом. Через месяц с лишним прибыл на родину. Побывал у себя дома, а затем отправился на озеро Дунтинху.

К северу от озера, действительно, было апельсиновое дерево Духа-покровителя земли. Лю И снял свой пояс, привязал его к дереву, постучал три раза и стал ждать. Вскоре в волнах показался какой-то воин, дважды поклонился и спросил:

— Зачем пожаловал сюда знатный гость?

Умолчав об истинной причине, Лю И ответил:

— Прибыл с поручением к великому государю.

Воин развел воду руками, указал Лю И на образовавшуюся дорожку и предложил ему пойти по ней:

— Закройте глаза и часто дышите, тогда пройдете.

Лю И сделал так, как ему сказали, и очутился во дворце. Сначала он увидел башни вокруг, сотни и тысячи ворот и дверей, удивительные травы, редкостные деревья всех сортов и пород. Воин привел Лю И в величественное здание и сказал:

— Здесь вам придется подождать.

— Что это за место? — спросил его Лю И.

— Это дворец Божественной пустоты, — ответил воин.

Лю И внимательно огляделся. Здесь было все, что считается редким и драгоценным: колонны из белой яшмы, ступени — из зеленой, диваны — из кораллов, занавески — из хрусталя, в изумрудные притоки дверей и окон были врезаны жемчуга, радужные стропила украшены янтарями. Описать эту изумительную роскошь совершенно невозможно.

Однако государь все не приходил. Лю И спросил у воина:

— Где же Владыка озера Дунтинху?

Тот ответил:

— Наш Владыка в данный момент во дворце Темных жемчугов беседует с Солнечным *даосом о «Книге огня»; скоро должны кончить.

— Что это за «Книга огня»? — спросил Лю И.

Воин ответил:

— Наш Владыка — дракон. Для дракона вода — божество; в одной ее капле поместится весь мир. Даос же — человек, а люди считают божеством — огонь; зажги один факел, и весь *Афан осветится. Но материальное не одинаково, и бесплотное имеет свои отличия. Солнечный даос хорошо знает земные теории, и наш властитель пригласил его, чтобы послушать его рассуждения.

Только он замолк, как распахнулись двери дворца, в массе облаков появился человек в пурпурной одежде, держа в руках жезл из зеленого нефрита.

Воин вскочил:

— Вот наш Владыка! — и подошел доложить о Лю И.

Взглянув на гостя, государь спросил его:

— Вы не из мира ли смертных?

— Да, — ответил Лю И, низко кланяясь. Ответив поклоном, государь пригласил Лю И сесть, а затем обратился к нему:

— Наши водные владения уединены и глубоки, а я — темный, неразумный; с какой же целью изволили пожаловать к нам, сударь, не посчитав тысячи ли большим расстоянием?

Лю И отвечал:

— Я, Лю И, из тех же мест, что и ваше величество. Вырос в *Чу. Учиться отправился в *Цинь. Недавно, потерпев неудачу на государ-

ственных экзаменах, я бродил по берегу реки Цзин и увидел там, как любимая дочь вашего величества, ничем не защищенная от непогоды, пасет на пустыре овец, — просто сил не было смотреть. Я стал ее спрашивать. В ответ она мне сказала: «Муж мой обидел меня, а родители его, посчитав меня виноватой, прогнали сюда», — и залилась горькими слезами; поистине, очень мне ее жалко стало. Она доверила мне письмо; я принял поручение и вот сегодня прибыл сюда.

Тут он вручил письмо. Владыка озера Дунтинху, прочтя письмо, закрыл лицо рукавом и, заплакав, сказал:

— Вина моя, старика-отца! Не разузнал как следует, словно глухой или слепой, отдал свою слабенькую дочурку на чужбину терпеть страдания. Вы, сударь, чужой человек и то обеспокоились! К счастью, я еще не совсем дряхлый; посмею ли я оказаться неблагодарным!

Сказав это, он долго вздыхал и стонал. Все его приближенные плакали. В это время к государю приблизился какой-то сановник. Государь передал ему письмо дочери, приказав ознакомить с ним придворных. Вскоре все придворные громко рыдали. В испуге государь обратился к приближенным:

— Сейчас же скажите всем придворным, чтобы не шумели так; боюсь, что Цянь Тан узнает.

— Кто это Цянь Тан? — спросил Лю И.

— Мой любимый младший брат, — ответил государь. — Раньше он был правителем *Цяньтана, а теперь отставлен от должности.

— Почему же он не должен знать? — спросил Лю И.

— Да уж слишком он смел и вспыльчив. Наводнение, которое некогда, во времена *Яо, продолжалось девять лет, было вызвано гневом брата. Недавно он возбудил недовольство небес из-за *пяти Священных гор. Верховный владыка во имя моих ничтожных деяний в прошлом и настоящем отпустил ему вину, но все же приковал его здесь; поэтому люди Цянь Тана ежедневно приходят сюда.

Не успел еще он кончить, как вдруг раздался страшный шум, небо разверзлось, земля расщелилась, дворцы закачались, повалили клубы дыма и пара. Появился красный дракон длиною больше тысячи *чи. Глаза его сверкали молниями, язык в крови, чешуя алая,

а грива — огненная; на шее его была золотая цепь, которой раньше он был прикован к яшмовой колонне; тысячи молний, десять тысяч громовых раскатов вились вокруг него, ударяясь о его тело. В то же время начали падать град, снег и дождь. Дракон развел небеса лапами и пролетел сквозь них. Лю И в испуге упал на колени. Государь сам поднял его и сказал:

— Не бойтесь, вам не причинят никакого вреда.

Прошло немало времени, пока Лю И успокоился и овладел собой. Тогда он сразу же стал прощаться:

— Хочу избежать вторичной с ним встречи и вернуться живым.

Государь возразил:

— Вторая встреча будет иной. Ушел он, правда, так, но вернется по-другому. Пройдет немного времени и вы подружитесь с ним.

Отдавая дань людским обычаям, государь приказал подать вина и поднести его Лю И.

Внезапно подул теплый ветер, появились легкие облака, стало тепло и радостно. Пронесли бунчуки, зазвенел хрусталь, послышалась музыка *Шуня, веселый смех и радостные голоса. Затем появилась девушка, во всем блеске естественной красоты, в роскошных шелках, с драгоценными серьгами, — совсем иная, чем прежде. Приблизилась, взглянула на всех и подошла к своему посланцу; не то от радости, не то от горя вдруг залилась слезами. Через мгновение слева ее покрыла красная дымка, справа — пурпурный туман; оваянная чудесными ароматами, она вошла во дворец. Государь с улыбкой сказал Лю И:

— Пленница реки Цзинъян пришла.

Затем извинился и ушел за ней. Долго слышались вздохи и плач.

Наконец государь вернулся и стал пить вино вместе с Лю И. Слева от государя стал человек с нефритовым жезлом в руках, одетый в пурпурное платье; у него был благородный, величественный облик божества.

Государь сказал Лю И:

— Это Цянь Тан.

Лю И поспешно поднялся и поклонился. Цянь Тан, ответив на поклон со всей вежливостью, сказал:

— Моей племяннице не повезло, ее муж — вздорный мальчишка — опозорил ее. Благодаря милости, оказанной вами, сударь, удалось избавить ее от позора. Иначе она так и умерла бы там. Словами не выразишь благодарность за милость, которую вы оказали нам.

Лю И скромно отказывался признать за собой заслугу и благодарил за гостеприимство и ласку. Цянь Тан обернулся к своему брату:

— В девять утра я покинул дворец Божественной пустоты и добрался до Цзинъяна; в полдень я сразился там и к трем часам уже вернулся сюда. За это время я успел слетать на *девятое небо, чтобы доложить Верховному владыке. Зная, какое зло было нам причинено, Владыка извинил мой поступок; теперь, благодаря этому, я освобожден от прежнего наказания. Охваченный сильным волнением, я не смог остаться, чтобы выразить Верховному владыке мои чувства, боялся, что встревожил всех и был груб по отношению к нашему гостю. Стыдно мне, что я, сам не помня, что делаю, напугал и взбудоражил вас всех.

Тут он дважды поклонился и отступил назад.

— Сколько ты убил? — спросил его государь.

— Шестьсот тысяч, — ответил Цянь Тан.

— А посевоп попортил?

— На восемьсот ли.

— А что сделал с этим бессердечным негодяем?

— Я его съел.

Государь сказал с досадой:

— Поведение этого глупого мальчишки поистине было нетерпимо; однако ты тоже был уж слишком жесток. Верховный владыка по своей просвещенной мудрости простил тебя. А то что я мог бы тебе сказать? Но смотри, впредь так не поступай.

Цянь Тан снова дважды поклонился.

В этот вечер Лю И оставили ночевать во дворце Застывшего блеска. На завтра во дворце Темнозеленых нефритов был устроен пир в честь Лю И. Собрались друзья и родные, началось веселье; подавали вино и отборные сладости. Зазвучали флейты и литавры; справа появилось десять тысяч танцоров со знаменами, мечами и саблями. Из их рядов выступил один и объявил:

— Это музыка — «Цянь Тан крушит ряды врагов».

Воинственная пляска вызывала ужас, у зрителей волосы встали дыбом. Потом заиграли духовые и струнные инструменты; слева появилась тысяча танцовщиц в шелках и украшениях. Одна из танцовщиц выступила вперед и объявила:

— Это музыка — «Дочь государя возвратилась во дворец».

Полились чистые нежные звуки, словно жалоба, словно мольба; у слушавших гостей невольно выступили слезы на глазах.

Когда же пляски закончились, восхищенный Владыка озера Дунтинху наградил танцовавших шелками. Затем все уселись тесными рядами, стали пить, веселье сделалось шумным. Возбужденный вином, Владыка озера Дунтинху вскочил с цыновки и запел:

Синеет — синеет
 Великое небо над нами.
 Земля так огромна —
 Она без конца и без края.
 Желания каждый
 В душе своей тайно лелеет,
 Возможно ль другому
 Их мыслью своею измерить!
 *Крылатые духи
 Созвездий Лисицы и Мыши,
 Как стены, держали
 Величье *Инь-шанского дома.
 Раскатам громовым
 Один только раз стоит грянуть,
 И кто же посмеет
 Противиться грома ударам?
 Большая услуга
 Оказана нам человеком,
 Он преданно служит
 И верности долг не нарушил.
 Родному дитяти
 Помог он домой возвратиться —
 И спас от бесчестья.
 Да разве мы это забудем!¹

¹ Эти и последующие стихи даны в поэтической обработке С. В. Ботвинника.

Когда Владыка озера Дунтинху замолчал, поднялся Цянь Тан, дважды поклонился и запел:

В небесах заключаются браки,
Тропы жизни и смерти — различны.
Ты женой его быть не должна бы,
Ведь в мужья он тебе не годится.

Ты страданья и горе узнала
Там, где Цзин ударяет о берег,
В волосах твоих ветер и иней,
Дождь и град твоё платье хлестали.

Повстречал тебя муж благородный,
Он письмо твоё близким доставил;
Он помог тебе, нашей любимой,
Возвратиться под крышу родную.

Благодарность огромная наша
Вечно следовать будет за ним!

Цянь Тан кончил песню. Государь встал и поднес Лю И чашу. Тот почтительно принял её, осушил и в свою очередь поднес по чаше вина государю и его брату, а затем запел:

Лазурь облаков беспредельна,
Цзин-шуй на востоке струится...
Прекрасная дева тоскует,
Наполнены очи слезами...

Недавно письмо отослала
Отцу, что томился в тревоге.
Но горе, как снег, растворилось, —
Домой возвратилась дочь!

За ласку я вам благодарен,
Я радостным чувством охвачен,
Но здесь не могу оставаться —
Я тишью в горах очарован!

Я должен домой торопиться,
Я должен назад возвращаться,
Хотя мне и грустно при мысли,
Что должен я с вами расстаться!

Когда Лю И кончил петь, все закричали ему «многие лета!».

Владыка Дунтинху достал нефритовый ларец, вложил в него тонкую чарку из кости носорога и поднес Лю И, а Цянь Тан вынул блюдо из красного янтаря, положил в него жемчужину, светящуюся даже ночью, и тоже поднес ему. Лю И благодарил, отказывался, но в конце концов принял подарки.

Затем придворные стали класть около него шелка и драгоценности. Целые груды блестящих и сверкающих подарков почти закрыли его. Лю И, улыбаясь, оглядывался по сторонам, не переставая смущенно кланяться.

Когда праздничное веселье достигло своего апогея, Лю И хотел было откланяться, но его снова оставили ночевать во дворце Застывшего блеска. На следующий день опять был устроен пир в его честь, на этот раз в хоромаш Чистого света. Захмелевший Цянь Тан уселся подле Лю И и обратился к нему с такими словами:

— Большой камень можно разбить, но нельзя согнуть; благородного мужа можно убить, но нельзя опозорить, не так ли? Хочу поговорить с вами, сударь, об очень щекотливом деле. Если согласитесь со мной, осчастливите нас всех, а откажетесь, очень огорчите и оскорбите нас! Позвольте ли продолжать?

— Прошу вас, говорите, — ответил Лю И.

Цянь Тан продолжал:

— Так вот, любимая дочь Владыки озера Дунтинху, чистая душой и замечательная по характеру, ценимая всей своей родней, была выдана замуж в Цзинъян. К несчастью, там она терпела обиды от негодяя мужа. Сейчас с ним покончено. Хочу предложить вам, благородному ее спасителю, породниться с нами. Оказавшего милость следует отблагодарить за нее. Не так ли должны поступать благородные люди?

Лю И вежливо, но с усмешкой ответил:

— Вот уж не думал, что вы, Цянь Тан, поставите меня в такое затруднительное положение. Сначала я слышал, как по всем *девяти областям, вокруг пяти Священных гор бушевал ваш гнев; потом увидел, как вы сорвали золотую цепь, схватили яшмовый жезл и что было сил понеслись выручать вашу племянницу.

Тут я решил, что нет никого решительнее и тверже вас, Цянь Тан. Кто оскорбит вас, не укроется от смерти; а для того, кого вы любите, и жизни своей не пожалеете; так и поступает благородный муж. Но что будет, если сейчас, когда так гармонично играет музыка, родня и гости мирно сидят, не считаясь ни с чем, я начну домогаться брака, поддерживаемый вашим величием. Неужто этого я хочу? Если бы в бурных волнах или среди темных гор повстречал вас, покрытого чешуей, окутанного тучами и дождем, и вы стали бы наступать на меня, чтобы убить, я принял бы вас за зверя; и на что бы мне тогда роптать? Сейчас вы в нарядном платье и шапке, сидите, беседуете о нравственности и долге. Вы обладаете *пятью нравственными принципами, глубокомысленны в словах и осмотрительны в поступках; простой ли смертный, мудрец или герой — никто не может с вами сравниться; тем более вы ведь являетесь божеством, состоящим в родстве с духами рек! И все же вы хотите, чтобы я, недостойное и дерзкое земное существо, под пьяную руку стал домогаться того, чего я не достоин! Неужели это будет пристойно?

Я не заслуживаю того, чтобы укрыться под одной вашей чешуйкой, а все же я позволю себе не согласиться и не принять ваше идущее вразрез с духом морали предложение. Почтеннейший, подумайте об этом!

В изумлении отступив назад, Цянь Тан стал оправдываться:

— Я родился и вырос в дворцовых палатах и не слышал прямых и справедливых речей. Мои глупые, вздорные слова встретили вдруг такой мудрый ответ! Нужно мне было самому хорошенько подумать, а не навлекать порицания на себя своим поступком. Надеюсь, что вы, сударь, не посчитаете нужным отвернуться от меня из-за этого.

В тот же вечер снова был устроен пир; все веселились, как прежде. Лю И с Цянь Таном крепко подружились.

На следующий день Лю И объявил о своем решении отправиться домой. Жена Владыки озера Дунтинху устроила прощальный пир в честь Лю И во дворце Скрытого света. Множество мужчин и женщин прислуживало на пиру. Жена Владыки Дунтинху со слезами обратилась к Лю И:

— Сударь! Дочь моя получила огромную милость из ваших рук. Жаль только, что не сняли вы с нее клейма позора, и вот теперь дело дошло до разлуки.

Она тут же велела дочери поклониться и поблагодарить Лю И.

— Настанет ли день свидания после этой разлуки? — сказала затем жена Владыки озера Дунтинку.

Хотя Лю И прежде и не согласился на уговоры Цянь Тана, но теперь на пиру, когда пришло время расставаться, у него был очень расстроенный вид.

Кончился пир. Лю И распрощался. Весь двор был очень огорчен. Одаренный драгоценностями и подарками совершенно неопикуемой роскоши, Лю И ушел.

Выйдя снова на речной берег, он увидел свиту, более десяти человек, нагруженную подарками; в их сопровождении Лю И отправился домой.

Он зашел в ювелирную лавку в *Гуанлине, где продал полученные им драгоценности. За сотую долю того, что имел, он получил целый миллион прибыли. И все богатые семьи в районе к западу от реки Хуай стали смотреть на него, как на очень завидного жениха.

Лю И женился на девушке из рода Чжан. Вскоре та умерла, тогда он женился на девушке из рода Хань. Через несколько месяцев она тоже умерла. Лю И переселился в *Цзиньлин. Сильно тяготясь одиночеством, начал подумывать о новом браке. Сваха сообщила ему:

— Есть тут одна невеста из семьи Лу, родом из *Фаньяна. Отца ее зовут Хао, когда-то он был правителем *Цинлю. На старости лет заметно выдвинулся, достиг высоких чинов. Где он сейчас, не знаю. Мать ее из рода Чжэн. В позапрошлом году девушка вышла замуж за Чжана из *Цинхэ; к несчастью, Чжан рано умер. Мать, жалея молодость дочери, ум ее и красоту, хочет выбрать для нее хорошую пару. Не знаю, как вы на это посмотрите?

Лю И *погадал о счастливом дне и послал брачные подарки.

Так как семьи жениха и невесты были богаты и знатны, то обрядовая утварь была роскошна и в изобилии. Вся цзиньлинская знать почтила эту свадьбу своим присутствием.

Прошло больше месяца. Как-то вечером Лю И вернулся домой и, поглядев на жену, заметил вдруг, что она очень похожа на дочь Владыки озера Дунтинху, но только румянее и полнее. Тогда он рассказал жене о том, что с ним прежде случилось.

Жена ответила:

— Может ли такое случиться со смертным человеком? Но ведь у нас с вами будет сын.

Лю И еще больше полюбил ее. Через месяц после родов она нарядно оделась и пригласила всех родных. Увидев Лю И, она, смеясь, спросила его:

— А вы забыли, что знали меня раньше?

Лю И ответил:

— Когда-то я передавал письмо от дочери Владыки озера Дунтинху, это до сих пор помню.

— Я и есть дочь Владыки озера Дунтинху, — сказала жена, — вы смыли с меня оскорбление, нанесенное мне моим бывшим мужем в Цзинъяне. За эту незабываемую милость я поклялась отблагодарить вас. Но когда дядюшка Цзянь Тан предложил породниться, вы ответили отказом, ушли от нас далеко, туда, где мы не могли бы свидеться. Родители хотели меня выдать замуж за молодого сына духа реки Чжо-цзин. Я же не хотела изменить своей клятве; трудно мне было противоречить приказанию родных, а вы, сударь, уехали, и неизвестно было, увидимся ли мы снова. Хотя я и рассказала родителям все о своих прежних унижениях, но мне ведь не удалось сдержать своего клятвенного обещания отблагодарить вас, и родители снова хотели послать за вами. Как раз в это время вы женились, сначала на Чжан, а после ее смерти — на Хань. Чжан и Хань умерли одна за другой, тогда вы переселились сюда; и мои родители обрадовались, что я смогу, наконец, исполнить свое желание и отблагодарить вас, сударь. Теперь, когда я получила возможность служить вам и принадлежу вам навсегда, не жалко мне и умереть!

Тут она вздохнула и заплакала, затем продолжала:

— Я не говорила об этом раньше, потому что знала, что вы не из тех, кто придает большое значение красоте. Теперь же сказала, так как

знаю, что вы привязались ко мне. Я — жена ваша — низка и ничтожна, не заслуживаю большого и вечного чувства. Но я знаю, что вы любите нашего сына, потому и решилась сказать вам кто я. Не знаю, как вы отнесетесь к этому. Я не могу избавиться от печали и тревоги, гнетущих мою душу. В тот день, когда я дала вам письмо для родных, вы, смеясь, сказали мне: «Когда вернетесь в Дунтинху, прошу не избегать меня». Не знаю, имели ли вы тогда в виду то, что теперь получилось у нас? Ведь потом дядя просил вас, но вы наотрез отказались. Вы, наверно, искренно считали, что так поступать нельзя, и именно поэтому так рассердились? Ответьте мне, пожалуйста.

— Видно это судьба, — ответил Лю И. — Впервые я увидел тебя на берегу Цзинъян, и твое отчаяние и жалкий вид растрогали меня. Но мне казалось, что дело это поправимое. Слова мои о том, чтобы ты не избегала меня, были сказаны без всякого умысла. Мог ли я иметь что-нибудь в виду? Когда же Цянь Тан стал настаивать, я чувствовал только, что он поступает неправильно, и это меня возмутило. Как мог бы я, побуждаемый желанием поступить справедливо, увезти с собой в качестве жены его племянницу, мужа которой он покарал смертью. Это — первое, на что я не мог пойти.

Как мог бы я, всегда ставящий справедливость превыше всего, покривить душой и поддаться влечению сердца. Это — второе, на что я не мог пойти. Да к тому же на этих пирах, за закусками и вином, осыпаясь подарками, я думал только о том, чтобы проявить свою нелюбезность, сознавая, что мне не скрыться от беды; когда же наступила разлука, и я увидел, что ты совсем та же, какой я когда-то встретил тебя, мне стало жаль тебя. Ведь люди в своих поступках не всегда руководствуются благодарностью.

А теперь ты, женщина из Лу, тоже живешь среди людей. С самого начала я поверил тебе, а теперь полюбил навсегда; у тебя нет никаких оснований для беспокойства.

Глубоко растроганная жена заплакала и долго не могла успокоиться. Потом она сказала Лю И:

— Я бесконечно благодарна вам и хотела бы это доказать. Ведь мы с вами можем прожить тысячи и десятки тысяч лет, как

бессмертные, и на суше, и в воде. Прошу вас, поверьте мне и не считайте мои слова вздором!

Лю И согласился, заметив при этом:

— Я не знал, что, породнившись с тобой, смогу стать бессмертным.

Они вместе отправились навестить Владыку озера Дунтинху. Между хозяином и гостем были соблюдены все правила, все церемонии.

Лю И с женой поселился в *Наньхае. Жили они там сорок лет. У них был прекрасный дом, великолепные экипажи, драгоценности, роскошные одежды, — все было не хуже, чем у царей и князей. Всю свою родню Лю И щедро одарил.

Весна и осень сменялись много раз, а Лю И совсем не дряхлел; жители Наньхая считали это поразительным.

В середине годов правления *«Кайюань» Лю И заинтересовался достижением бессмертия и стал заниматься даосской магией. Не находя покоя, он вернулся с семьей на озеро Дунтинху.

В течение десяти с чем-то лет никто не знал, куда он делся. В конце годов правления «Кайюань» двоюродный брат Лю И, Би Цзя, императорским приказом был разжалован и сослан на юго-восток. Проезжая ясным утром по Дунтинху, он смотрел вдаль и вдруг увидел в далеких волнах изумрудные холмы. Сидевшие с ним в лодке люди сказали:

— Это вовсе не горы, а мираж.

Би Цзя приказал подъехать; и когда горы были уже совсем рядом, из-за них появилась узорная, разукрашенная лодка, шедшая навстречу. Человек в лодке сказал, обращаясь к Би Цзя:

— Князь Лю И ждет вас!

Сообразив, о ком идет речь, Би Цзя поспешил к подножью горы, оправил на себе одеяние и торопливо поднялся на гору. Там стояли дворцы и башни, совершенно такие же, как в мире людей. В главном дворце он увидел Лю И.

Во дворце было множество музыкальных инструментов, повсюду шелка, драгоценные камни, множество всяких вещей и безделушек редчайшей ценности, каких на земле и не увидишь. Лю И выражался очень мудро и темно; лицо у него стало маленькое, сморщенное. Сна-

чала он, стоя на каменных ступенях, приветствовал Би Цзя, а затем подошел к нему, взял за руку и воскликнул:

— Только что мы с тобой расстались, а волосы уж поседели.

Би Цзя ответил с улыбкой:

— Вы стали бессмертным духом, у меня же бренное тело, — так предопределила судьба!

Тогда Лю И вынул пятьдесят лекарственных пилюль и дал их Би Цзя, сказав при этом:

— Одна такая пилюля может прибавить тебе год жизни. Когда эти годы истекут, переселяйся жить ко мне. В мире людей незачем долго жить, это приносит только горе.

После пира, устроенного в честь Би Цзя, он распрощался и уехал. С этих пор о Лю И ничего уже не было слышно. Би Цзя часто рассказывал об этом эпизоде.

Прошло почти восемьдесят лет, и Би Цзя тоже исчез неизвестно куда.

Я, Ли Чао-вэй, родом из *Лунси, поведал эту историю и со скорбным вздохом заключаю ее следующими словами: старшим над пятью земноводными, безусловно, является божественный дух; увидишься с ним, когда распрощаешься с жизнью. Когда человек наг, он начинает верить в чешуйчатых. В озере Дунтинху обитают великие праведники, и должно быть Цянь Тан в своих стремительных порывах ворочает каменные глыбы, поддерживаемый ими. Би Цзя рассказывал, но не писал об этом. Мне же пришлось побывать в тех местах. Подумал об этом и написал.

ЛИ ГУН-ЦЗО
ПРАВИТЕЛЬ *НАНЬКЭ¹

Фэнь Чунь-юй из *Дунпина был известен в *У и *Чу как бродячий воин-удалец. Он любил вино, был вспыльчив и совершал порой мелкие проступки. Человек он был богатый и гостеприимный. За блестящие познания в области военного искусства Чунь-юя назначили было помощником командующего войсками в *Хуайнань, но за приверженность к вину и за строптивый характер его потом разжаловали. Он приуныл, потом стал делать вид, что ему все нипочем, и совсем отдался вину. Жил он на десять *ли восточнее уездного города *Гуанлин. На южной стороне за его домом рос старый ясень; высокий, с длинными ветвями, он бросал густую тень далеко вокруг. Под ним-то и пил каждый день Чунь-юй со своими приятелями, доблестными героями.

В девятую луну *седьмого года «Чжэньюань» Чунь-юй напился так, что ему стало нехорошо. Бывшие с ним двое приятелей отвели его под руки в дом, уложили на веранде (в восточной части дома) и сказали ему:

— Вы здесь подремлите! Мы пока покормим лошадей, помоем ноги, а когда вам станет немного лучше, тогда уж уедем.

Чунь-юй развязал головной платок, подложил его вместо подушки и внезапно впал в забытье. Словно во сне привиделись ему два гонца в пурпурных одеждах, склонившие перед ними колени. Они сказали:

— Повелитель страны *Хуайань прислал нас, чтобы пригласить вас почтить его своим посещением.

¹ Новелла помещена в 475-й главе (раздел «Насекомые») сб. «Тайпин гуанцзи».

Чунь-юй невольно поднялся с кушетки, оправил платье и последовал за гонцами к выходу; там он увидел небольшой черной лакированный экипаж, запряженный четырьмя быками; вокруг стояло семь или восемь человек свиты, которые помогли Чунь-юю влезть в экипаж.

Выехав из главных ворот, они направились к старому ясеню и въехали в его дупло. Чунь-юй был очень удивлен, но не решился задавать вопросов. Внезапно он увидел живописный пейзаж: горы и реки, дороги, вьющиеся меж лугов и деревьев, — совсем иной, чем в мире людей.

Проехав еще несколько десятков ли, он увидел зубцы городской стены; экипажи и пешеходы непрерывно следовали по дороге. Сопровождавшие Чунь-юя люди сурово кричали: «Посторонись!»; пешеходы торопливо разбежались в разные стороны. Затем въехали в главные городские ворота; за ними высилась башня, на которой золотыми иероглифами было написано: «Великое государство Хуайань».

Сторожа поспешили вперед с поклонами; затем появился всадник, возвестивший:

— Повелитель приказал, чтобы его зять, прибывший издалека, направился отдохнуть на подворье Восточного блеска.

Повинуясь приказу, поехали вперед. Неожиданно показались широко распахнутые ворота. Чунь-юй вылез из экипажа и прошел в эти ворота. Во дворе были узорные решетки, резные колонны, пышные деревья, роскошные фрукты. . . Дальше он увидел столы, сиденья, подушки, скатерти, занавеси, подносы с закусками.

Все это очень ему понравилось. Внезапно провозгласили:

— Прибыл первый советник!

Чунь-юй заторопился почтительно сойти вниз по ступеням и увидел спешащего к нему навстречу человека в пурпурной одежде, с табличками из слоновой кости у пояса; они вежливо поклонились друг другу, как подобает гостю и хозяину.

Советник сказал:

— Наш повелитель приветствует вас, не посчитавшего наше маленькое государство далеким захолустьем, и удостаивает вас предложением породниться.

— Как осмелюсь я, грубое и мелкое ничтожество, так далеко устремить свою мечту? — ответил Чунь-юй.

Советник предложил Чунь-юю следовать за ним. Пройдя шагов сто, они вошли в *красные ворота. Несколько сотен воинов с копьями, секирами и трезубцами, стоявшие рядами справа и слева, уступали им дорогу. Среди них Чунь-юй увидел своего старого собутыльника Чжоу Бяня; в душе очень ему обрадовался, но не решился окликнуть.

Советник провел Чунь-юя в огромный дворец; придворная стража почтительно приветствовала их. На троне торжественно восседал человек огромного роста в парадной одежде из белого шелка и в красной расшитой шапке. Дрожащий от страха Чунь-юй не решался поднять глаза. Слуги, стоявшие вокруг него, велели ему поклониться.

— Из уважения к вашему почтенному отцу, который не пренебрег нашим маленьким государством, я согласен, чтобы моя младшая дочь Яо-фан служила вам, сударь, — обратился к Чунь-юю повелитель.

Чунь-юй только и смог, что броситься перед ним на колени, но не решался произнести ни слова.

— Пока поживите у нас в гостях, а затем посмотрим помещение для вашей брачной церемонии, — сказал повелитель.

Первый советник вернулся с Чунь-юем на подворье. Чунь-юй предался мыслям и воспоминаниям. Вспомнил о своем отце, полководце, отправившемся на границу и попавшем в плен, — неизвестно, был ли он жив или нет. Рассказывали, что он участвовал в боях с северными племенами, поэтому его и знал повелитель.

Голова у Чунь-юя была как в тумане, он не понимал в чем дело. Вечером ему прислали брачные подарки — ягнят, гусей, парчу, шелка, чего-чего тут только не было.

Явилась толпа девушек с такими именами, как Цветущий тополь, Темный поток, Первая бессмертная, Вторая бессмертная и много других, с сопровождавшими их служанками; их было несколько тысяч человек. В шапках из перьев зимородка и феникса, в накидках из золотой дымки, в платьях из лазурного шелка с золотыми украшениями, от которых рябило в глазах, присланные развлекать и веселить Чунь-юя девушки наперебой суетились вокруг него. Они были изящны, кра-

сивы, речи их были любезны и изысканны. Чунь-юю трудно было отвечать им в тон. Одна из девушек обратилась к нему:

— Когда-то, сопровождая властительницу Линьчжи, я проходила мимо буддийского храма Великого прозрения и в *Индийском монастыре увидела, как в правом приделе пляшут *«поломынь». Я с подругами сидела на каменной скамье у северного окна; в это время вы, — тогда еще совсем мальчик, — тоже приехали посмотреть. Вы тогда подошли к нам, заигрывали, смеялись и шутили. Я и сестра Цюн-ин завязали узлом красные платки и повесили их на бамбуки. Вы, сударь, забыли это? А вот еще: в шестнадцатый день седьмой луны я в монастыре Сыновней почтительности видела Шан Чжэн-цзы, Верховного мудреца, и слушала, как учитель Ци-сюань читал сутру *Гуаньинь. Я пожертвовала для монастыря две головных шпильки с золотыми фениксами, а Шан Чжэн-цзы дала коробочку из слоновой кости. Вы тоже были в зале храма и попросили у учителя позволения посмотреть на шпильки и коробочку, затем вздохнули несколько раз и долго удивлялись. Поглядев на меня и моих подруг, вы сказали: «В нашем мире смертных ни людей таких, ни вещей не найдешь». Вы спросили, кто я и откуда, но я не ответила. Мы оба были охвачены сильным чувством и не могли отвести глаз друг от друга. Неужели вы не помните этого?

— Воспоминание об этом хранится в моей душе, как же мог я забыть! — возразил Чунь-юй.

— Вот уж не думали мы, что сегодня породнимся с вами, — воскликнули женщины.

Появилось трое мужчин в высоких шапках и широких поясах; поклонившись Чунь-юю, они сказали:

— Нам приказано служить зятю повелителя.

Один из них показался Чунь-юю знакомым.

— Вы не Тянь Цзы-хуа из *Фэнби? — спросил его Чунь-юй.

— Да, — ответил тот.

Взяв его за руку, Чунь-юй стал беседовать с ним обо всем, как со старым другом, а затем спросил:

— Как вы попали сюда?

Цзы-хуа ответил:

— Отказавшись от службы и странствуя на досуге повсюду, я познакомился с князем Дуанем, который и дал мне разрешение прийти сюда.

Тогда Чунь-юй спросил:

— Известно ли вам, что здесь находится Чжоу Бянь?

Цзы-хуа ответил:

— Господин Чжоу — знатный человек. Он заведует царской прислугой и облечен большой властью. Я несколько раз достаивался помощи от него.

Так они беседовали и смеялись с большим удовольствием, как вдруг возвестили: «Зять повелителя может идти!».

Трое мужчин привязали меч к поясу Чунь-юя, надели на него чиновничью шапку и плащ.

Цзы-хуа сказал:

— Вот уж не думал, что буду сегодня свидетелем брачной церемонии. Никогда этого не забуду.

Десятки фей заиграли на различных инструментах, возникли удивительные мелодии: прелестные, звонкие, грустные, — в мире людей таких не услышишь.

Множество людей шло впереди, освещая факелами дорогу. На протяжении нескольких ли повсюду видны были золото, перья зимородков, нефриты, хрусталь.

Чунь-юй, которого усадили в экипаж, был очень смущен и чувствовал себя крайне неловко. Тянь Цзы-хуа шутил и смеялся, чтобы рассеять его замешательство.

Толпа девушек — подружек невесты, взойдя на колесницы, запряженные фениксами, отправилась вслед за Чунь-юем. Доехали до ворот, на них надпись: «Дворец совершенствования». Здесь тоже были целые толпы бессмертных фей. Они велели Чунь-юю сойти с колесницы, подняться по ступеням и отдать поклон — совсем как в мире людей. Поднялся занавес, за ним оказалась девушка — Цзинь-чжи — дочь повелителя, лет ей было четырнадцать-пятнадцать, внешность, как у бессмертной феи. Брачная церемония была совершена по всем правилам,

как в мире людей. С этих пор они жили в любви и согласии, и слава их росла с каждым днем; их экипажи и кони, одежды, слуги, приемы уступали только императорским.

Повелитель предложил Чунь-юю отправиться вместе с военными на большую охоту, устроенную к западу от его владений на горе Чудотворной черепахи. Там были прекрасные холмы, широкие и быстрые потоки, роскошные деревья, множество зверей и диких птиц. Вечером они вернулись с большой добычей.

На следующий день Чунь-юй обратился к повелителю:

— В счастливый день встречи ваша светлость упомянули о моем отце. Отец мой был пограничным военачальником и, потерпев поражение, попал в плен к инородцам. Вот уже семнадцать или восемнадцать лет, как нет о нем никаких известий. Если вы знаете, где он, умоляю вас разрешите мне повидать его.

— Почтенный мой сват служит начальником северных земель, и мы часто имеем известия от него. Но вы можете обо всем ему написать, незачем вам самому ездить туда, — ответил повелитель.

Тогда Чунь-юй попросил жену приготовить соответствующие подарки и послал их с письмом отцу. Через несколько дней пришел ответ. Чунь-юй увидел, что почерк, выражения, наставления, мысли, стиль, — все было таким же, как прежде. Отец спрашивал, жива ли его родня и как поживают односельчане; сообщал, что находится он далеко, добраться до него трудно. От письма веяло грустью и тоской. Он не разрешал сыну приехать к нему, но обещал, что в «*году под циклическими знаками «Дин» и «Чоу» мы свидимся с тобою и твоей женой».

Прочтя письмо, Чунь-юй был очень огорчен и не мог справиться с охватившей его печалью.

Как-то раз жена спросила у Чунь-юя:

— Разве вы не собираетесь заняться делами государства?

Чунь-юй ответил:

— Я всегда жил празднично, не привык заниматься делами правления.

— Вы только возьмитесь за это, — возразила жена, — а я буду вам помогать.

Затем она сообщила об этом своему отцу, повелителю.

Через несколько дней повелитель обратился к Чунь-юю:

— Мое владение Нанькэ плохо управляется, я уволил правителя; думаю, что при ваших способностях эта должность для вас даже слишком низка. Собирайтесь в путь вместе с женой.

Чунь-юй с охотой принял приказ. Затем повелитель велел придворным собрать Чунь-юя в дорогу. Золото, яшма, парча и вышивки, шкатулки с туалетными принадлежностями, слуги, экипажи, лошади — все это составляло приданое дочери повелителя. Чунь-юй, с молодости проводивший жизнь в странствиях и приключениях, не смел даже надеяться на такую щедрость и был крайне обрадован.

Перед отъездом он обратился к повелителю:

— Я из военной семьи, плохо разбираюсь в науках и недостойн такой высокой должности, наверно, в чем-нибудь да нарушу государственные законы и уложения. Я сам понимаю, что не справлюсь, но не хочу, сложа руки, ждать краха; поэтому хотел бы заручиться поддержкой мудрых людей.

Заведующий царской прислугой, Чжоу Бянь из *Иньчуаня, — человек верный, умный, твердый, честный, строго придерживающийся законности; он может быть превосходным помощником.

Тянь Цзы-хуа, ученый из Фэнъи, — человек чистой души, искренний, образованный, постигший в совершенстве основы всех законов. Этих двоих я знаю лет десять и ручаюсь, что людям с их талантами можно доверить дела правления.

Чжоу Бяня я попросил бы назначить цензором Нанькэ, а Тянь Цзы-хуа — заведующим земледелием и финансами. Авось, тогда мои начинания будут успешными и не возникнет никакой путаницы в делах правления.

Повелитель удовлетворил его просьбу.

В этот вечер повелитель с супругой устроили пир в честь отъезжающих на юг. Повелитель сказал Чунь-юю:

— Нанькэ — большая область, земли там богатые, плодородные, народа много, и править им можно только путем милосердия. К тому же, в помощь вам даны Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа. Приложите же особые усилия, чтобы содействовать процветанию страны.

Супруга повелителя обратилась к дочери:

— Господин Чунь-юй пристрастен к вину, упрям и еще молод. Долг же супруги быть мягкой и почтительной. Если сумеешь быть такой, то я не буду беспокоиться о тебе. Хотя Нанькэ и пограничная область, но связь с ней есть каждый день. И все же перед разлукой я не могу не плакать.

Чунь-юй с женой откланялись и поехали на юг; по дороге разговаривали, смеялись, очень весело провели время и на следующий вечер уже прибыли в область Нанькэ.

Чиновники, монахи, старики, музыканты и певцы, люди в экипажах, стража и гвардия спешили им навстречу. На протяжении десяти с чем-то ли не прекращались приветственные возгласы людей, звон литавр и грохот барабанов. Люди в задних рядах становились на возвышения, чтобы увидеть въезд нового правителя.

Показались бойницы городской стены; въехали в большие городские ворота, на них была доска с золотой надписью «Столица области Нанькэ». Показались красные балконы дворца и лес копий, поднятых стражей.

Тотчас же по приезде Чунь-юй стал знакомиться с нравами и обычаями народа, выяснять, какие есть жалобы и недовольства. Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа занялись делами правления; в области воцарился порядок.

Двадцать лет Чунь-юй управлял областью; все процветало, народ пел ему славу, воздвигал *стэлы, восхваляющие его заслуги, выстроил в его честь храм.

Повелитель высоко ценил Чунь-юя, жаловал его поместьями, повышал в ранге, назначил его своим помощником.

Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа за успешное управление получили большие чины.

У Чунь-юя было пять сыновей и две дочери. Юноши, как сыновья знатного сановника, получили крупные чиновничьи должности; девушки были выданы замуж за княжеских родичей.

Слава и почести сыпались на Чунь-юя, никто не мог сравниться с ним во всей стране.

В этом году правитель страны *Таньло пошел войной на область Нанькэ. Повелитель приказал Чунь-юю участвовать в обороне и отразить противника. Чжоу Бянь во главе тридцатитысячного войска был послан задержать войска противника у города Яотай. Презируя противника, Чжоу Бянь не учел его силы, и войска его потерпели поражение. Одному только Чжоу Бяню удалось бежать, ночью он прибыл в столицу. Враги с большими трофеями вернулись к себе. Чунь-юй арестовал Чжоу Бяня и принес повинную повелителю. Повелитель простил его. В этот же месяц у цензора Чжоу Бяня появилась язва на спине, и он умер.

Дочь повелителя — супруга Чунь-юя — заболела и тоже умерла дней девять спустя. Чунь-юй просил отпустить его, чтобы *отвезти тело жены на родину. Повелитель разрешил. Теперь заведующий земледелием и финансами, Тянь Цзы-хуа, был назначен правителем Нанькэ. Охваченный глубокой скорбью, Чунь-юй отправился в путь. Вся дорога была заполнена множеством людей; мужчины и женщины плакали и кричали, хватались за оглобли экипажа, стараясь задержать Чунь-юя.

Въехали в Хуайань. Повелитель с супругой в траурных одеждах, плача, ожидали в предместьи приезда колесницы с телом дочери. Дали ей посмертное имя «Послушная долгу» и с большой пышностью похоронили на холме Свившегося клубком дракона в десяти ли к востоку от столицы.

Чунь-юй в течение долгого времени охранял мир на внешних границах, установил добрые отношения с другими странами, был в дружбе с самыми знатными людьми. Со времени своей отставки и возвращения в Хуайань он непрерывно разъезжал по владениям повелителя, завел много знакомств, приобрел последователей, влияние его росло с каждым днем. Повелитель начал подозревать его в измене и побаиваться.

В это время один из государственных сановников представил повелителю следующий доклад:

«На небе признаки большой опасности, которая грозит нашему государству. Надо перенести столицу в другое место. Храм Предков

рухнет, возникнут раздоры с другими племенами; опасность близка!»

Считая, что опасность идет от Чунь-юя, повелитель отнял у него личную охрану, запретил свободно передвигаться по стране и поселил в частном доме.

Чунь-юй, успешно прослуживший много лет правителем области, никогда не нарушая законов, роптал, негодовал и сильно возмущался.

Узнав об этом, повелитель сказал Чунь-юю:

— Больше двадцати лет мы с вами состояли в родстве; к несчастью, моя дочь преждевременно умерла, не удалось ей дожить с вами до старости; это вызывает глубокую скорбь.

Так как супруга повелителя хотела оставить у себя внуков, чтобы самой воспитывать их, то повелитель сказал еще Чунь-юю:

— Вы давно уже покинули дом; надо бы вам на время вернуться туда, чтобы проведать родных. Внуков наших оставьте здесь и не беспокойтесь о них. А через три года они вас встретят.

— Это же и есть мой дом, о каком же возвращении вы говорите? Повелитель рассмеялся:

— Вы ведь из мира смертных, и дом ваш не здесь.

Внезапно Чунь-юй, словно очнувшись от долго тянувшегося сна, понял, что с ним ранее произошло, и со слезами стал просить позволения вернуться к смертным. Повелитель приказал придворным проводить Чунь-юя; тот поклонился несколько раз и вышел. Снова увидел перед собой двух чиновников в пурпурных одеждах, которые проводили его за ворота дворца. Там он увидел экипаж, в котором он когда-то прибыл сюда, уже попортившийся от времени; за воротами никого не было. Это его и удивило, и сильно огорчило.

Чунь-юй сел в экипаж и, проехав несколько ли, выехал за пределы столицы. На пути, где он когда-то ехал на восток, горы, реки, ручьи и поля остались такими же, как были. Двое чиновников, провожавшие его, обращались с ним не очень-то уважительно. Чунь-юй, еще более огорчившись, спросил у них:

— Когда приедем в область Гуанлин?

Но те продолжали распевать песни, словно не слышали его вопроса; наконец, ответили:

— Скоро приедем.

Внезапно въехали в какое-то отверстие; показались родные места, совсем такие же, как прежде. Охваченный сильной жалостью к самому себе Чунь-юй невольно заплакал.

Спутники помогли Чунь-юю выйти из экипажа, ввели его в ворота дома, поднялись по ступеням и уложили его на веранде в восточной части дома.

Удивленный и испуганный Чунь-юй не решался встать с места, но эти двое несколько раз громко позвали его по имени и фамилии. Глядит — мальчик-слуга метет двор, двое приятелей моют ноги рядом с его ложем. Заходящее солнце еще не успело скрыться за западной стеной, пустые кубки блестят еще у восточного окна. Так нежданно-негаданно во сне словно целую жизнь прожил.

Взволнованный Чунь-юй тяжело вздохнул, окликнул своих приятелей и все им рассказал. В большом удивлении они вышли вместе с Чунь-юем из дома и разыскали дупло внизу старого ясеня. Указав на него, Чунь-юй объяснил:

— Вот это и есть то удивительное место, куда я попал во сне.

Оба гостя, решив, что это лисьи чары, велели слуге принести топор, срезали с дерева наросты, расковыряли низ ствола и стали рассматривать большое дупло. Там оказался ход, в который могла влезть целая кушетка; там было очень светло и виднелись навалы и кучи земли, напоминавшие по форме городские укрепления и дворцы; в них копошились массы муравьев. Была там маленькая красная башня, в ней помещались два больших муравья, — примерно три *цуня длиной, с белыми пятнышками и красными головками; им прислуживало несколько десятков больших муравьев, а остальные не смели приблизиться, так как то был их повелитель с супругой. Это и была столица княжества Хуайань. Южнее имелся еще один ход, там тоже было что-то вроде городских стен и башенок, в которых жили муравьи. Это была область Нанькэ, которой управлял Чунь-юй. К западу находился ход необычного вида, словно его законопатили и замуровали. Внутри его

были останки черепахи, видимо, очень большой. Сверху эти останки были размыты дождем и проросли травой, густые заросли которой почти их скрывали. Это была гора Чудотворной черепахи, где Чунь-юй охотился. К востоку шел извилистый ход, напоминавший свившегося в клубок дракона; внутри была маленькая земляная насыпь, высотой немногим больше *чи. Это и был холм Свившегося клубком дракона, где похоронили жену Чунь-юя.

Вспомнив обо всем, что с ним произошло, Чунь-юй загрустил; он стал внимательно смотреть повсюду, — все в точности совпадало с его сном. Не желая, чтобы приятели испортили муравейник, Чунь-юй приказал прикрыть его и оставить все как было.

В этот вечер был ливень и сильный ветер. На утро Чунь-юй заглянул в дупло, но муравьи исчезли, неизвестно куда. Так подтвердились ранее произнесенные слова: «Большая опасность грозит государству. Надо перенести столицу в другое место». Затем он вспомнил о походе на него страны Тяньло и попросил тех же двух своих приятелей помочь ему разыскать следы этой страны. На одно ли к востоку от дома Чунь-юя был высохший ручей, рядом с ним росло сандаловое дерево, так густо обвитое лианами, что через них не проникали лучи солнца. В дереве было маленькое дупло, в котором тоже имелся муравейник. Разве не было это страной Тяньло? Увы! То удивительное, на что способны муравьи, нельзя постичь до конца, а уж тем более как представить себе, что могут сделать те, большие, которые скрываются в горах и лесах!

Привидевшиеся Чунь-юю во сне его старые собутыльники Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа находились к этому времени в уезде *Люхэ и не виделись с ним уже больше десяти дней. Чунь-юй послал слугу справиться о них. Оказалось, что тяжело заболевший Чжоу Бянь умер, Тянь Цзы-хуа тоже лежит больной в постели.

Поняв, что сон его о княжестве Нанькэ раскрывает превратности и неожиданности в жизни смертных, Чунь-юй увлекся даосизмом и отказался от вина и красавиц.

Три года спустя, в году под циклическими знаками «Дин» и «Чоу» он умер; было ему тогда сорок семь лет, и это совпало с тем роком, который ранее назначил его отец.

Я, Ли Гун-цзо, в восьмую луну осени *восемнадцатого года «Чжэньюань» ехал из У по реке *Ло и бросил якорь у реки *Хуай; встретился там с Фэнь Чунь-юем и стал расспрашивать его о том, что с ним произошло; несколько раз посетил его. Чунь-юй рассказывал мне о том, о сем, и все это были дела, действительно случившиеся; из этого всего составилось стройное повествование, весьма интересное и поучительное.

Хотя в рассказе его было много сверхъестественного и, казалось бы, не похожего на реальные события, но ведь тем, кто захватывает власть, это, в конце концов, послужит предостережением. И если кому-нибудь из потомков посчастливится очутиться в положении правителя Нанькэ, пусть не вздумает кичиться перед другими.

Ведь в похвале советнику Ли Чжао из *Хуачжоу сказано:

«Знатность, богатство и чин высокий, власть и могущество, что крушат государства, — с точки зрения мудрого мужа — мало отличны от муравьиной кучи»:

ЛИ ГУН-ЦЗО ИСТОРИЯ СЕ СЯО-Э¹

Сяо-э из семьи Се, родом из *Юйчжана, была дочерью странствующего торговца.

Когда ей исполнилось восемь лет, мать ее умерла. Девочку выдали замуж за Дуань Цзюй-чжэна, благородного юношу из *Лиана. Это был надменный, но справедливый человек, водивший дружбу со смельчаками и искателями приключений.

Отец Сяо-э, скопив большие богатства, скрывал свое настоящее имя под прозвищем «Купец»; нагрузив джонку товарами, он часто занимался контрабандой со своим зятем Дуань Цзюй-чжэном.

Когда Сяо-э исполнилось четырнадцать лет и она впервые собиралась сделать прическу взрослой женщины, разбойники убили ее отца и мужа и похитили все деньги и товары, находившиеся в джонке.

Братья Дуань Цзюй-чжэна, племянники Се, слуги — несколько десятков человек — все были утоплены в реке. Сяо-э со сломанной ногой и раной в груди унесло течением реки, ее спасли люди с какой-то джонки, и через ночь Сяо-э пришла в себя.

Поправившись, она стала бродить по разным местам, прося подаяния, пока не попала в уезд *Шаньюань. Здесь ее приютила монахиня Цинь У из храма Мяогэ.

Вскоре после того, как погиб отец Сяо-э, ей приснилось, что он явился ей и сказал:

¹ Новелла помещена в 491-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи»

*— Убивший меня — «обезьяна в повозке, трава, растущая восточнее ворот».

Через несколько дней во сне ей явился ее муж, сказавший:

— Убивший меня — «идет меж колосьев, муж на один день».

Сяо-э не могла сама разгадать, в чем тут смысл, и часто писала эти слова, умоляя сведущих людей помочь ей; но прошло несколько лет, а разгадки она так и не могла найти.

Весною восьмого года правления *«Юаньхэ», покинув свою службу в Цзянси, *я ехал в джонке на восток; пристав к берегу в *Цзянье, я зашел в буддийский монастырь Вагуань. Был там один монах, некий Ци У, человек мудрый и ученый, большой мой приятель. Он рассказал мне:

— Есть тут одна вдова, зовут ее Сяо-э; каждый раз, как приходит в монастырь, она показывает мне загадку в двенадцать слов, которую никто не может разгадать.

Я попросил его написать загадку на листке бумаги и стал сосредоточенно думать, чертя в воздухе комбинации из этих иероглифов; гости Ци У еще не успели соскучиться, как я разгадал смысл этой загадки.

Мальчику-послушнику было приказано срочно привести Сяо-э. Когда та пришла, я стал ее расспрашивать. Она долго плакала и, наконец, сказала:

— Мой отец и мой муж были убиты разбойниками. Как-то раз, после их гибели, отец явился мне во сне и сказал: «Убивший меня — «обезьяна в повозке, трава, растущая восточнее ворот»». В другой раз явился мне муж, сказавший: «Убивший меня — «идет меж колосьев, муж на один день»». С тех пор прошло уже несколько лет, но никто не сумел понять эти слова.

Тогда я ответил ей:

— Если так, то я подробно объясню тебе, в чем дело. Твоего отца убил некто по имени Шэнь Лань, мужа твоего убил тот, кого зовут Шэнь Чунь.

Напишем одним иероглифом слова «обезьяна в повозке», откинем верхнюю и нижнюю черты у знака «повозка», получится знак «Шэнь».

Знаку *«Шэнь» соответствует «обезьяна», поэтому и было сказано «обезьяна в повозке». Теперь под знаком «трава» напишем знак «ворота», а в «воротах» поставим знак «восток», получится знак «Лань».

Далее: «идет меж колосьев» — это ведь все равно, что «проходит через поле», но ведь если через знак «поле» провести черту, то будет тот же знак «Шэнь». Теперь, что же значит «муж на один день»? А вот, напишем знак «мужчина», поставим сверху «единицу», а снизу «солнце», — вот и получится знак «Чунь». Твоего отца убил Шэнь Лань, а мужа убил Шэнь Чунь; это совершенно ясно.

Со слезами благодарности Сяо-э несколько раз поклонилась мне, записала на своей одежде имена Шэнь Лань и Шэнь Чунь и поклялась найти и убить этих двух разбойников, чтобы отомстить за смерть отца и мужа. Потом спросила мое имя, фамилию, чин и должность и удалилась, плача.

С этих пор Сяо-э, переодетая в мужское платье, нанималась в работники к мелким бродячим торговцам. Через год с лишним, попав как-то в округ *Синьян, она увидела на бамбуковых дверях клочок бумаги с надписью: «Требуются работники». Сяо-э пошла наниматься, спросила, кто хозяин, оказалось Шэнь Лань. Шэнь Лань привел ее к себе в дом; сердце Сяо-э было полно гнева, но вид у нее был кроткий и послушный, и она полюбилась всем домашним Шэнь Ланя. Золото и драгоценности, попадавшие в дом Шэнь Ланя, проходили всегда через руки Сяо-э. Больше двух лет прошло, но никто не узнал, что она женщина. Вещи семьи Се — золото, драгоценности, вышивки, одежды, утварь, украденные когда-то Шэнь Ланем, сохранились в его доме, и Сяо-э, дотрагиваясь до старых своих вещей, всякий раз не могла удержать слез об ушедших временах.

У Шэнь Ланя был брат Шэнь Чунь. В это время Шэнь Чунь жил на берегу бухты Душу, к северу от *Великой реки, и часто встречался с братом. Иногда они уезжали вместе на целый месяц и, возвратившись, привозили с собой много награбленного добра. Шэнь Лань в этих случаях всегда оставлял Сяо-э вместе со своей женой заведывать хозяйством и домом и дарил ей вино, мясо и одежду.

Как-то раз Шэнь Чунь принес Шэнь Ланю карпа и вино. Сяо-э, вздыхая, сказала про себя: «Скрытый смысл, разгаданный господином Ли, совпадает с тем, что было сказано мне во сне, значит небо открыло глаза господину Ли, и желанье мое сбудется».

Вечером все сообщники Шэнь Ланя и Шэнь Чуня собрались выпить. Когда они разошлись, мертвецки пьяный Шэнь Чунь улегся во внутренних покоях, а Шэнь Лань валялся под открытым небом во дворе. Сяо-э заперла Шэнь Чуня в доме, сняла с его пояса меч и отрубила Шэнь Ланю голову, а затем стала звать соседей; когда те прибежали, то нашли Шэнь Чуня пленником в доме, а Шэнь Ланя мертвым во дворе. Награбленное ими имущество стоимостью своей достигало миллиона. У Шэнь Ланя и Шэнь Чуня с самого начала было несколько десятков сообщников. Сяо-э потихоньку записала их имена; всех их поймали и казнили. В то время правителем Синьяна был Чжан Гун, человек энергичный и решительный; он доложил о случившемся высшему начальству в благоприятном для Сяо-э тоне, благодаря чему она *избежала смертной казни. Произошло это летом двенадцатого года «Юаньхэ».

Отомстив убийцам отца и мужа, Сяо-э вернулась в родные места. Все местные богатые семьи наперебой хотели породниться с ней, но она дала клятву не выходить больше замуж; срезала волосы, надела грубое платье и отправилась искать прозрения истины на горе *Ньютоу у настоятельницы монастыря Цзян. С охотой и усердием она выполняла все: молотила под инеем, собирала хворост под ливнем, сил своих не щадила в работе и в четвертую луну *тринадцатого года произнесла все монашеские обеты в монастыре Кайюань в *Сычжоу, сохранив и в монашестве имя Сяо-э, чтобы не забыть о том, что с ней было в миру.

Летом того же года я возвращался в Чанъань. Проезжая через *Сыбинь, заехал в храм Шаньи, чтобы посетить настоятельницу Лин.

Там было несколько десятков только что принявших обеты монахинь; с обритыми головами, в новых плащах, суровые, спокойно-задумчивые, стояли они рядами по обеим сторонам настоятельницы.

Одна из них спросила у настоятельницы Лин:

— Этот господин не тот ли судья из рода Ли в Хунчжоу — двадцать третий по счету?

— Да, он самый! — ответила настоятельница.

— Он дал мне возможность отомстить убийцам моей семьи, смыть нанесенную ей кровную обиду; все это милостью господина судьбы, — сказала монахиня, поглядела на меня и заплакала.

Не узнав ее, я спросил, что она хочет этим сказать. Она ответила:

— Меня зовут Сяо-э, недавно я была вдовой-нищенкой. Вы разгадали имена двух разбойников, Шэнь Ланя и Шэнь Чуня; неужели не помните?

— Вначале не припомнил вас, а вот теперь узнаю, — ответил я.

Плача, Сяо-э рассказала мне подробно, как она отомстила Шэнь Ланю и Шэнь Чуню, убийцам ее отца и мужа, исполнила свою волю и решила до конца своих дней жить в лишениях и страданиях. Затем она прибавила:

— Настанет день, когда вы получите воздаяние за вашу милость.

Разве понапрасну все это было! Да! Ведь я смог разгадать имена двух разбойников, Сяо-э сумела отомстить убийцам отца и мужа. Путь святой истины ясен, можно его постичь.

Сяо-э была пряма, искренна, умна и чиста, наставляла заблуждающихся и сумела сдержать свою клятву. Став буддийской монахиней, она не носила шелков, не ела ничего острого и жирного, не говорила никогда того, что не отвечало бы правилам образцового поведения и законам буддийской веры.

Через несколько дней я получил предписание вернуться в Ньютоу. Я переправился на лодке через реку Хуай, поспешил на юг и больше уже не встречался с Сяо-э.

По поводу этого благородный муж сказал бы: «Не изменить своей клятве, отомстить убийцам отца и мужа, — вот пример верности. Служить в людях как мужчина, но не показать, что женщина, — вот пример целомудренности. С начала до конца, во всем быть верной и чистой — так ведут себя только образцовые женщины. Вот, скажем, Сяо-э, ее примера достаточно, чтобы наставить тех, кто идет не по

истинному пути и мутит Поднебесную; достаточно и для того, чтобы служить образцом супружеской верности и дочерней почтительности».

История, которую я подробно рассказал, выдуманные загадки, встреча мертвых с живой, — все это дано для нравоучения.

Знать о хорошем поступке и не увековечить его, это значит пойти против основных положений *«Чуньцю»; поэтому-то я и записал эту историю, чтобы воздать должное Сяо-э.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА, ОБ ИСТОРИИ КОТОРОЙ
*ЦЗЯН ЦЗУН УМОЛЧАЛ¹

Во времена династии *Лян, в конце годов правления *«Датун», *«полководец — усмиритель юга» Линь Цинь отправился в южный поход. Достигнув *Гуйлиня, он разбил войска Ли Ши-гу и Чэнь Чэ. Его помощник — воевода Оуян Хэ кратчайшей дорогой направился в *Чанло, где усмирил все местные племена. Чем дальше вглубь продвигались его войска, тем больше препятствий встречалось на их пути.

Вместе с Оуян Хэ была его жена, изящная, стройная, необычайно красивая.

— Зачем вы, предводитель, взяли с собой красавицу? — говорили ему подчиненные военачальники. — Здесь живет дух, который любит похищать молодых женщин, а уж такой несравненной красавице будет очень трудно избежать опасности. Нужно ее хорошенько стеречь.

Оуян Хэ очень встревожился: выставил на ночь караул вокруг своего дома, жену упрятал в потайную комнату, тщательно запер двери, приставив к жене при этом еще десять служанок, чтобы они присматривали за ней. Наступила ночь, поднялся зловещий ветер, сгустилась непроглядная тьма. Лишь ко времени *пятой стражи все стихло. Успокоенные наступившей тишиной караульные задремали. Но тишина оказалась обманчивой, — вдруг все очнулись в испуге, словно от толчка. Глядь, а красавицу уже прозевали!

¹ Новелла помещена в 444-й главе (раздел «Животные») сб. «Тайпин гуанцэн».

Двери были заперты на засов, как и прежде. Никто не мог понять, откуда она вышла. А вокруг — страшные кручи и скалы, сделаешь шаг и заблудишься так, что и тебя самого не найдут.

Все же на рассвете стали искать пропавшую, но следов красавицы не было нигде. В гневе и горе Оуян Хэ поклялся не возвращаться на родину без жены. Сказавшись больным, он задержал здесь свое войско.

Каждый день Оуян Хэ со своими воинами отправлялся на поиски. Расходясь в разные стороны, они забирались в ущелья, карабкались на опасные горы, ежеминутно рискуя жизнью. Так прошло больше месяца. И вот однажды в чаще бамбука, *ли этак за сто от лагеря, нашли ее вышитый башмачок. Хоть он был размочен и испорчен дождями, но узнать его все-таки можно было.

Еще тяжелее стало на душе у Оуян Хэ, но теперь он принялся искать жену с еще большим упорством. Он отобрал тридцать самых крепких и здоровых воинов. С оружием и провиантом шли они вперед, терпя в пути всяческие лишения. Так прошло еще дней десять. Они отошли уже на 200 ли от лагеря, когда вдали на юге увидели высокую гору, склоны которой были покрыты яркой, сочной травой. Подошли к подножью горы. Ее опоясывала глубокая река. Срубили деревья, связали плоты и переправились через реку.

На обрыве, меж свежей зелени бамбуков, мелькнули нарядные яркие платья, послышались смех и голоса. Цепляясь за лианы, шаг за шагом воины добрались до вершины горы. Здесь глазам их открылись стройные ряды кипарисов, среди которых росли пионы, под ними все было устлано пышной и густой травой, мягкой, как ковер. Величавое спокойствие природы и какая-то особая, прозрачная чистота этих мест вызывали мысль о том, что это обитель бессмертных.

*Восточнее — каменные ворота; близ них находилось множество женщин в ярких, красивых нарядах. Они прогуливались здесь с шутками, песнями и смехом, то исчезая в воротах, то появляясь вновь. Увидев приближавшихся людей, женщины застыли в удивлении. Когда те подошли поближе, женщины спросили:

— Зачем изволили пожаловать?

Оуян Хэ все им рассказал. Женщины переглянулись и, вздыхая, ответили:

— Жена ваша, сударь, живет здесь уже больше месяца. Сейчас она лежит больная, мы вас проведем к ней.

Оуян Хэ вошел в ворота. Створки их были сделаны из дерева. Помещение было просторно, комнаты — будто залы. По стенам стояли диваны, все было убрано парчой. На каменном ложе, устланном грудой цыновок и подушек, лежала жена Оуян Хэ; перед нею стояли отборные яства. Только было Оуян Хэ хотел подойти посмотреть на жену, как она отвернулась, чтобы скрыть слезы, и поспешно махнула рукой, чтоб он ушел.

Женщины начали рассказывать Оуян Хэ:

— Мы попали сюда на десять лет раньше вашей жены. Дух, который здесь живет, страшно силен и убивает людей. Даже сотня лучших воинов не сможет справиться с ним. К счастью, он еще не вернулся. Надо вам поскорее удалиться, чтобы избежать встречи с ним. Мы вас просим: достаньте пару *ху лучшего вина, десяток упитанных собак и несколько десятков *цзиней конопли. Может быть тогда общими усилиями нам и удастся придумать, как убить его. В следующий раз приходите после полудня, но не слишком скоро. Положим срок десять дней.

Тут женщины стали торопить Оуян Хэ, и он поспешил уйти. Затем он отправился на поиски крепкого вина, конопли и собак. В указанный срок вернулся.

— Он очень любит вино и всегда напивается допьяна, — рассказывали женщины, — а как опьянеет, начинает похваляться своей силой; велит нам привязать его шелковыми шнурами за ноги и за руки к кровати, а потом одним рывком возьмет да и разорвет все путы. Надо будет приготовить шнуры в три плетения, тогда у него не хватит сил их порвать, да еще внутрь мы вплетем жгуты из конопли для крепости, тут уж он не справится! Тело у него все как железное, только одно место, чуть пониже пупка, он всячески оберегает, так как оно не защищено от удара мечом...

— Вот здесь он хранит свои припасы, — продолжали женщины, указав Оуян Хэ на соседнюю скалу. — Спрячьтесь-ка сюда, сидите тихонько и ждите его появления. Вино поставьте в цветы, собак пустите в рошу и ждите, пока мы все подготовим и позовем вас; тогда и выходите.

Оуян Хэ сделал все, как ему было указано, и стал ждать, затаив дыхание. Уже садилось солнце, когда у подножья горы появилось что-то похожее на свиток белого шелка и словно влетело в грот. Мгновение спустя оттуда в сопровождении женщин вышел человек ростом более шести *чи, с красивой бородой, в белой одежде, с палкой в руках. Увидев собак, он удивился, кинулся, схватил одну и стал рвать ее зубами на куски и пожирать, пока не наелся досыта. Женщины с шутками, смехом и приветливыми речами наперебой стали наливать ему вино в яшмовую чарку. Выпив несколько *доу вина, он встал и удалился, опираясь на плечи женщин. Снова донесся веселый смех.

Долго ждал Оуян Хэ, но вот, наконец, вышла женщина и подала ему знак. Оуян Хэ с солдатами вбежал в помещение. Видит — большая белая обезьяна за все четыре лапы привязана к кровати. Увидев людей, она вся скорчилась, но не смогла освободиться от пут. Глаза ее засверкали, словно молнии. Кинулись на нее с оружием, но это было все равно, что колоть железо или камень. Вдруг удар пришелся под пупок: меч вонзился в тело, фонтаном брызнула кровь.

— Это небо поразило меня, — взвыла обезьяна, — иначе разве это было бы вам под силу? Твоя жена уже беременна. Не убивай же сына, который родится! *Он будет дружить с императором и прославит своих предков. Сказав это, обезьяна испустила дух.

Оуян Хэ велел обыскать все кладовые и помещения: груды драгоценностей, множество редчайших вещей лежали на столах; не было на земле таких сокровищ, которых здесь не нашлось бы. Были найдены несколько ху прекрасных благовонных масел, пара драгоценных мечей; здесь оказалось 30 женщин, все удивительно красивые. Та, что попала сюда раньше всех, прожила здесь уже десять лет. Она рассказала

Оуян Хэ, что когда красота увядала, обезьяна прогоняла женщину, но никто не знал куда. А теперь обезьяну поймали. Она была одна такая, и больше нет подобных ей.

На рассвете обезьяна умывалась, надевала шапку и белое платье, поверх него одежду из белого шелка, не обращая внимания на то, жарко или холодно. Она вся была покрыта белой шерстью, длиною в несколько *цуней. Дома обезьяна постоянно читала какие-то деревянные таблички, исписанные чем-то вроде каббалистических знаков, понять которые было невозможно. Кончив читать, прятала дощечки под каменные уступы, ведущие в горы. Ранним утром она, бывало, исполняла танец с мечами, и вокруг нее летали молнии от сверкающего металла.

Питье и еда ее были необычны: она любила фрукты и каштаны, особенное же пристрастие питала к собакам, которых загрызала и выпивала из них кровь. После полудня она внезапно исчезала; долго бродила то там, то тут, проделывая иногда по несколько тысяч ли, а вечером обязательно возвращалась. Такой у нее был обычай.

Если ей чего-нибудь хотелось, немедленно этого добивалась. Вечером затевала распутные забавы, длившиеся всю ночь напролет. Никогда не спала. По виду своему походила на человека.

В этом году, когда начался листопад, обезьяна как-то сказала с грустью: «Я провинилась перед духом горы и меня ждет смерть. Ищу спасенья среди сонма духов и может быть добыюсь».

А шестнадцатого числа прошлого месяца, когда взошла молодая луна, среди каменных уступов гор внезапно появился огонь и сжег все ее книги-таблицы. В отчаянии обезьяна сказала: «Мне уже тысяча лет, но не было у меня сына. Теперь вот будет сын, но мой смертный час уже близок». Затем, взглянув на женщин, заплакала и добавила: «В эти крутые горы никогда еще не забирался человек. Поднимись повыше, так и дровосеков не видно. Внизу много тигров, волков, всяких диковинных тварей. Кто же, кроме посланца небес, сможет прийти сюда?»

Оуян Хэ забрал драгоценности и украшения, взял с собой и женщин, надеясь, что сможет узнать, где их семьи, и вернуть их родным.

В конце года жена Оуян Хэ родила сына, очень красивого мальчика. Впоследствии Оуян Хэ был казнен *чэньским Уди.

Цзян Цзун всегда дарил своей дружбой Оуян Хэ и после смерти его полюбил мальчика за совершенно необычайный, выдающийся ум. Он оставил ребенка у себя и вырастил его. Благодаря ему мальчик спасся от нищеты и бед. Когда же он вырос, то, действительно, стал крупным ученым и каллиграфом, завоевавшим себе большую славу.

НЮ СЭН-ЖУ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ¹

В середине годов правления *«Чжэньюань», потерпев неудачу на экзамене на степень *цзиньши, я возвращался в местность между *Юань и *Е. Доехав до подножья горы *Мингао, что к югу от *Ицюе, я решил заночевать в местечке Даань.

Стемнело. Я заблудился и не мог добраться до места. Проехав еще десять с чем-то *ли, нашел дорогу, легкую, хорошую; выглянула луна. Внезапно я почувствовал какой-то странный аромат и поспешил вперед, не зная даже, близко или далеко мне ехать. Появился огонек, и я решил, что это домик какого-нибудь крестьянина; подхлестнул свою лошадь и быстро доехал до большого строения. Судя по воротам и двору, это был дом богатой семьи.

— Зачем изволили пожаловать, сударь? — спросил меня привратник в желтой одежде.

— Я — Ню Сэн-жу. Потерпел неудачу на государственных экзаменах и еду домой. Направлялся я в Даань, но сбился с дороги и попал сюда. Прошу только ночлега, больше ничего, — ответил я.

Из дома вышла молоденькая служанка и сердито спросила у привратника:

— Кто это там?

Тот ответил:

— Гость, — и пошел доложить; через минуту вышел и пригласил меня:

¹ Новелла помещена в 489-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

— Прошу вас, сударь, войдите.

— Чей это дом? — спросил я.

— Входите и не спрашивайте, — ответил привратник.

Пройдя больше десяти дверей, я дошел до большого зала, отгороженного жемчужным занавесом. Несколько сот людей в *красных и лиловых одеждах стояли на ступенях, ведущих в зал. Те, что были вокруг меня, сказали:

— Падите ниц!

За занавесом раздался голос:

— Я — мать ханьского государя *Вэньди, государыня Бо. Это мой храм, место для вас, сударь, неподходящее. Зачем пришли осквернять его?

Я ответил:

— Мой дом в Юанься. По дороге домой я сбился с пути. Боясь быть растерзанным волками и тиграми, осмеливаюсь просить здесь приюта на ночь. Молю великую государыню не отказать мне.

Приказав поднять занавес и встав с места, она сказала:

— Так как я являюсь матерью ханьского императора Вэньди, а вы — знаменитый ученый династии Тан, то между нами не может быть тех отношений, какие существуют между государем и подданными. Мы с вами можем пренебречь этикетом. Прошу вас подняться сюда!

На ней было лиловое платье без всяких украшений. Хотя она и не была причесана и напудрена, внешность ее была величественно прекрасна.

— Вы, наверно, устали с дороги, — обеспокоилась она, и предложила мне сесть. Вскоре послышался звон посуды и какая-то суетня.

— Погода сегодня прекрасная, — сказала государыня. — Ко мне случайно заехали две подруги. А тут еще такой славный гость зашел, так нельзя не устроить пир!

И она приказала придворным:

— Пусть обе госпожи войдут познакомиться с господином ученым.

Прошло довольно много времени; наконец, появились две женщины в сопровождении нескольких сотен слуг. Одна из женщин вышла

вперед. Ей было, вероятно, лет двадцать; тоненькая, овальное лицо, пышные волосы без украшений, темное платье.

Государыня сказала:

— Это Ци — подруга императора *гаоцзу.

Я низко поклонился. Ци ответила мне поклоном.

Вторая — стройная, изящная, с круглым и нежным личиком, спокойными, слегка ленивыми движениями, в нарядных вышитых одеждах — сияла красотой. Она была моложе государыни Бо.

Указывая на нее, государыня сказала:

— Это Ван Цян — подруга императора *Юань-ди.

Я поклонился ей так же, как кланялся только что Ци. Ван Цян вежливо ответила мне. Когда все уселись, государыня обратилась к самым знатным из свиты, одетым в лиловые одежды:

— Выйдите навстречу господам из домов Ян и Пань.

Через некоторое время в воздухе появились разноцветные облака, которые начали опускаться. Послышались приближающиеся голоса и смех. Государыня сказала:

— Ян и Пань прибыли.

Внезапно раздался стук копыт и скрип колес экипажа, заблестели шелка, закрывшие все вокруг, — из облаков спустились две женщины. Я поднялся со своего места и отошел в сторону. Впереди шла женщина лет тридцати, изящная, стройная, с тонкой талией, обворожительно красивая, в желтых одеждах, с яшмой в волосах. Государыня сказала, указывая на нее:

— Это — танская *Тай-чжэнь.

Склонившись перед ней в почтительном поклоне, я приветствовал ее, как подобает чиновнику, явившемуся к государевой супруге.

— *Я навлекла на себя гнев покойного императора *Суцзуна и меня не считают в числе императорских жен. Не понапрасну ли вы воздаете мне такие почести? Не смею принять их! — сказала мне Тай-чжэнь, кланяясь в ответ.

Вторая была полненькая, маленького роста, беленькая, как чистый снег, с живым взглядом и мелкими зубками. На ней были широкие развевающиеся одежды.

— Это *Пань Шу-фэй, любимица князя княжества Ци, — сказала государыня.

Я поклонился ей, как кланялся *Ван Чжао-цзюнь, и она также ответила поклоном.

Тогда государыня приказала внести закуски. Через мгновение подали еду, разнообразную, ароматную. Я даже не знал названия всех этих блюд; привыкший к грубой пище, я никак не мог насытиться этими деликатесами. Когда кончили с закусками, подали вино в драгоценных сосудах.

Государыня обратилась к Тай-чжэнь:

— Почему ты так долго не была у меня?

Приняв почтительный вид, та ответила:

*«Третий господин» проводил все время со мной во *дворце Пышности и чистоты, так что у меня не было возможности прийти к вам.

Тогда государыня спросила у Пань:

— А ты почему не приходила?

Пань рассмеялась так, что даже не смогла ответить. Поглядев на нее, Тай-чжэнь сказала:

— Пань говорила мне, что князь Дун Хунь сумасбродствует, целыми днями охотится, поэтому она и не смогла найти время для того, чтобы навестить вас.

Тогда государыня спросила у меня:

— Какой император теперь на престоле?

— Имя нынешнего императора — *Го. Он — старший сын императора *Дайцзуна.

— Сын старухи Шэнь стал императором. Чудеса, да и только! — расхохоталась Тай-чжэнь.

— Как он правит? — спросила меня государыня.

— Ничтожный чиновник не достоин судить о добродетелях государя, — ответил я.

— Не скромничайте, скажите нам! — настаивала государыня.

— В народе говорят, что он мудрый и воинственный.

Государыня несколько раз кивнула головой в знак одобрения. Затем приказала принести еще вина и позвать девушек-музыкантш.

Когда вино обошло гостей несколько раз и музыка прекратилась, государыня попросила Ци, фаворитку гаоцзу, сыграть на *цине; надев на палец яшмовое кольцо, осветившее ее руку, Ци заиграла печальную мелодию.

— Господин Ню Сэн-жу попал к нам совершенно неожиданно, и вы все случайно навестили меня, так что веселье у нас должно быть совсем необычным. Господин Ню — талантливый ученый. Пусть каждая напишет стихи о том, что у нее на душе, — согласны? — предложила государыня.

Все схватились за кисти и бумагу. В одно мгновение стихи были готовы.

Стихи государыни гласили:

В цветочном дворце отдыхает луна,
Владыка приходит, любовью даря...
Но в сердце моем и сегодня вина, —
Стыжусь я верховной супруги царя.
Свирели и песни династии Хань
Сейчас разливаются, как в старину.
Уже на цветы опустился туман,
И осень не раз уж сменила весну.

Стихи Ван Цян гласили:

Не вижу весны в этой хижине белой,
Над нею снега и морозы...
Хоть ханьское платье мое постарело,
Но вечно свежи мои слезы.
Я *Мао Янь-шу ненавижу, как прежде, —
Добра он не делает даром;
Он злобно испортил портрет мой в надежде
Меня разлучить с государем.

Ци, фаворитка гаоцзу, написала следующие стихи:

С тех пор, как в дворцах не бывала,
Я плясок не видела *Цу.
Нарядов я не надевала,
О князе доньне грущу.

О, если б я злата достала,
 Я встретила б Шаня тогда,
 Жестокостей не избегала
 Царица *Люй-ши никогда.

Стихи Тай-чжэнь гласили:

Шпильки золотые на землю упали,
 Час расставанья настал.
 *Кровавые слезы потоком бежали,
 Сам государь зарыдал.
 Тучи и дождь поднялись на вершине,
 Грусть и тоска на лице.
 «Танца одежд оперенных» отныне
 В *Горном не слышно дворце.

Пань написала следующее:

Ветер весенний и месяц осенний —
 Смене их нету конца,
 Реки и горы — без изменений,
 Только не стало дворца.
 Прежде Дун Хунем посажено было
 Поле цветов голубых...
 Незачем помнить, что раньше носила
 Платье из нитей золотых.

Все несколько раз просили, чтобы и я написал стихи. Не смея от-
 казаться, я подчинился и написал следующее:

Ароматный ветер до небес поднялся;
 На ступенях лунных кланяюсь бессмертным.
 Говорят о бедах, что при жизни были;
 Год какой по счету ныне уж не знают.

Была там одна девушка, с челочкой, искусно игравшая на флейте, обворожительно прелестная, словно сошла с картин *У; приехала она вместе с Пань Шу-фэй. Государыня, радушно усадив ее со всеми, то и дело просила ее сыграть на флейте и часто подносила ей вино. Указав на нее, она сказала мне:

— Знаете, кто она? *Люй-чжу из дома Ши. Пань Шу-фэй воспитала ее и любит ее как младшую сестру, поэтому она и пришла вместе с Пань.

Обратясь к девушке, спросила:

— Люй-чжу, разве можем мы обойтись без твоих стихов?

Поблагодарив государыню поклоном, Люй-чжу прочла:

Друзей старинных
Я не вижу ныне.
Не надо флейте
Горевать о князе.
Багровые цветы
Уже поблекли,
Весна ушла
Из *«Золотой долины».

Когда чтение стихов кончилось, снова подали вино.

— Господин Ню Сэн-жу прибыл издалека, и ему пора на покой, — сказала государыня, — кто же из вас желает быть его подругой на сегодняшнюю ночь?

Первой отказалась госпожа Ци:

— Сын мой *Жу-и уже взрослый, и это совершенно невозможно. Да и, кроме того, такой поступок разве будет приличен?

Пань Шу-фэй тоже отказалась:

— Дун Хунь умер из-за меня, и государство его погибло. Я не хочу оказаться неблагодарной по отношению к нему.

— Господин Ши, из императорской охраны, был строг и ревнив, — сказала Люй-чжу, — лучше умру, но не сделаю такой недостойной вещи.

Не дав Тай-чжэнь произнести ни слова, государыня сама ответила за нее:

— Тай-чжэнь — любимая подруга прежнего императора Тан, — ей-то уж и подавно будет неудобно.

Затем, поглядев на Ван Цян, государыня обратилась к ней:

— Чжао-цзюнь, ты сначала была отдана в жены вождю гуннского племени Ху Ханю, а затем стала женой вождя Чжулэйжоди. Ну, что

могут тебе сделать духи инородцев из суровых холодных краев? Прошу не отказываться.

Чжао-цзюнь, не отвечая, в смущении опустила глаза.

Вскоре все разошлись отдыхать. Придворные проводили меня в покои Ван Чжао-цзюнь. Перед рассветом слуги разбудили нас. Чжао-цзюнь оплакивала предстоящую разлуку. Неожиданно я услышал голос государыни за дверьми и выбежал к ней.

— Вам нельзя здесь долго задерживаться, — сказала мне государыня, — надо поскорее возвращаться домой. Сейчас мы расстанемся, но я надеюсь, что вы не забудете этой встречи.

На прощанье поднесли вино. Госпожи Ци, Пань, Люй-чжу заплакали. Наконец, я откланялся. Государыня послала придворного в красной одежде проводить меня до Дааня. На западном повороте он вдруг исчез. В это время уже совсем рассвело.

Добравшись до Дааня, я стал расспрашивать местных жителей. Они сказали:

— В десяти верстах отсюда есть храм государыни Бо.

Я вернулся туда и увидел, что храм запущен, разрушен, войти нельзя, — совсем не похож на тот, в котором я был.

Но в платье моем остался аромат, не исчезавший более десяти дней, и я так и не знаю, как все это получилось.

ШЭНЬ Я-ЧЖИ

ЗАПИСКИ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ СНАХ¹

В десятом году *«Юаньхэ» я, Шэнь Я-чжи, сопровождал в *Цзинчжоу *лунсийского князя в качестве его письмоводителя. Все мудрые мужи *Чанъаня приехали с визитом к нему. В восемнадцатый день пятой луны князь пировал с гостями в своем доме у восточного озера. Когда все уселись, он сказал:

— В молодости я часто сопровождал моего приятеля Син Фына в его прогулках и помню необычайные приключения, случавшиеся с ним; прошу разрешения рассказать вам о них.

— Очень хотелось бы послушать, — откликнулись гости.

— Син Фын происходил из семьи полководца, — начал князь. — Сам он не обладал особыми талантами. Он поселился в Чанъане, к югу от квартала *Пинкан, там он купил дом за миллион монет у одной очень богатой семьи. Как-то днем он уснул и во сне увидел, как с западной колонны спустилась красавица и стала непринужденно расхаживать по комнате, держа в руках книжный свиток и что-то читая вслух. У нее была высокая прическа, длинные тонкие брови, напудренное личико; надето на ней было старомодное парадное платье с вышитым поясом и кофта с широкими длинными рукавами. Син Фын обрадовался:

— Что это вдруг ко мне снизошла красавица?

— Это мой дом, — ответила она с улыбкой, — вы разрешите мне побыть здесь еще немного? Ничего ведь предосудительного в этом нет.

— Хотелось бы посмотреть, что вы читаете, — сказал Фын.

¹ Новелла помещена в 282-й главе (раздел «Сны») сб. «Тайпин гуанцзи».

— Я люблю стихи, — объяснила она, — и часто сочиняю их.

— Осчастливьте меня, останьтесь на некоторое время, чтобы я мог прочитать ваши стихи, — попросил ее Фын.

Красавица вручила ему стихи и уселась рядом с ним. Фын развернул свиток. Первое стихотворение называлось «Весеннее солнце» и состояло из восьми строк. За ним следовали другие, всего несколько десятков строк.

— Если вы, сударь, желаете списать их, то уж во всяком случае не больше одного, — сказала красавица.

Фын поднялся, взял изящный листок бумаги со столика, стоявшего под восточным навесом, и списал станс «Весеннее солнце».

Чанъанская дева
 Гуляет при солнце весеннем.
 Нет места, где б солнце весны
 Не терзало ей душу.
 «Взмахнуть рукавами»,
 «Натягивать лук» уж не может,
 Наряд не меняет,
 Ей чудится иней осенний.

Переписав эти стихи, Фын спросил, что значит «натягивать лук»?

— Когда-то родители заставили меня выучиться этому танцу, — ответила красавица.

Поднявшись, она подобрала полы платья, расправила рукава и сделала несколько танцевальных движений, изображая, как натягивают лук. Окончив танец, она заплакала и долго не могла успокоиться, а потом стала прощаться.

— Прошу вас, побудьте еще, — сказал Фын, но красавица, помедлив немного, все-таки удалилась.

Фын проснулся и смутно стал что-то припоминать. Когда он переоделся, то в рукаве нашел эти стихи; изумленный, прочел их и вспомнил весь свой сон. Произошло это в середине годов *«Чжэньюань»; потом Фын рассказал мне об этом.

В этот день на пиру были войсковые инспекторы и помощники окружного и уездного начальников. Ду Гу-сюань родом из Лунси,

Лу Цзянь-цы из *Фаньяна, Чжан Ю-синь из *Чаншаня, Су Ди из *Угуна, вздохнув, сказали:

— Это стоит записать.

Поэтому, когда я вернулся с пира, то записал рассказ князя.

На следующий день запоздавшие гости: Гао Юнь-чжун из *Бохая, Вэй Лян из *Цзинчжао, Тан Янь из *Цзиньчана, Ли Юй из *Гуанханя, Яо Хэ из *Усина прибыли ко мне и все снова собрались у источника Светлой яшмы, где я вынул написанное мною и показал им. Тогда Яо Хэ рассказал:

— Мой друг — Ван Янь в начале годов «Юаньхэ» как-то вечером увидел во сне, что он попал в княжество *У и давно уже служит князю У. Вдруг он услышал стук экипажей, выезжающих из дворца, жалобные звуки флейт и стук барабанов. Сказали, что хоронят *Си Ши. Князь, сильно сокрушаясь по поводу ее смерти, приказал гостям, умевшим писать стихи, сочинить похоронную песнь. Янь тот час же выполнил приказание. Стихи его гласили:

Смотрю на запад. Князя У страна,
Как облачная книга предо мной. . .
Златые шпильки скроет там волна,
Как жемчуг, дымка встанет над водой.
Земля цветет. Она уже красна.
Из лучших яшм ступени во дворце.
Но все-таки душа моя грустна,
И не поет уж ветер о весне.

Янь поднес князю свои стихи, и тот пришел в восхищение. Когда Янь проснулся, он смог в точности записать свой сон.

Родом Янь был из *Тайюаня.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

МУЗЫКА ИЗ ЦАРСТВА МЕРТВЫХ ¹

Военачальник *Луцзяна Ли Кань, родом из *Лунси, жил к югу от реки *Ло. В начале годов правления *«Тайхэ» он умер на своем посту. У него была наложница по фамилии Цуй, бывшая вначале простой певицей в *Гуанлине. После смерти Ли Каня две ее маленькие дочки остались сиротами; овдовевшая мать воспитывала их должным образом почти до самого совершеннолетия. Они продолжали жить в Луцзяне. Хотя у Ли Каня и были знатные родственники, но после его смерти они прервали всякие связи с семьей покойного. Жители Луцзяна жалели сироток и вдову, но она сама, без чужой помощи, содержала семью. Цуй очень любила музыку; хотя она и жила в нужде и лишениях, но все же часто играла и пела, стараясь развлечься и развеять свою тоску. У нее была младшая сестра, Цзин-ну, не менее красивая, чем Цуй; мастерица играть на двенадцатиструнной лютне, Цзин-ну была одной из самых известных музыкантш от древности и до наших дней, имя ее было на устах у всех современников. Семнадцати лет, не успев еще выйти замуж, она умерла. Множество людей оплакивало ее кончину. С детства обе дочери вдовы Цуй учились у своей тетки игре на лютне. Старшая дочь вышла замуж за горожанина Дин Сюань-фу; она не была ни очень умна, ни способна. Тетка с самого детства учила ее играть на лютне, и каждый раз, как она не справлялась с какой-нибудь мелочью, мать била девочку плетью; но она так и не постигла всех тонкостей. Вспоминая о своей тетке, она всегда говорила:

¹ Новелла помещена в 489-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи»

— Я — племянница своей тети. Но теперь ведь пути живой и мертвой разошлись и давно уже оборвались наша любовь и нежность. При жизни, тетя, вы были очень умны; неужели теперь, когда вы умерли, никак не можете помочь мне, чтобы я стала такой же понятливой и способной, какой были вы сами?

Каждый раз, как подходило первое число месяца, она делала *возлияние земле в память тетки и плакала о ней горькими слезами.

Так прошло восемь лет, в течение которых мать тоже оплакивала свою сестру.

В третий день четвертой луны пятого года *«Кайчэн» старшая дочь проснулась вдруг среди ночи и, плача, рассказала матери:

— Во сне ко мне явилась тетя, она схватила меня за руку и, заплавав, сказала: «После того, как я покинула мир смертных, загробное судилище причислило меня к музыкальной школе, где я стала учиться у великого наставника Лу Юань-пина. Юань-пин неоднократно говорил обо мне императору *Сяньцзуну, который, в конце концов, приказал мне поселиться в его дворце. Через год меня послали во дворец императора *Муцзуна обучать его наложниц; там я тоже провела год. *Верховный владыка казнил *Чжэн Чжу, и в стране под небом нашим воцарилось всеобщее спокойствие. Во всех дворцах, принадлежащих императорам Танской династии, отбирали певиц и музыкантов, чтобы послать их во дворцы *Шэнь Яо и *Тайцзуна. Я снова стала служить Сяньцзуну. Пять дней в месяц я проводила во дворце Вечной осени. В остальное время я имела право гулять и смотреть, что хочу, но мне не разрешали выходить за пределы дворца. Я знала о твоём чувстве и мечте, но не могла прийти к тебе. Недавно Сяньянская княгиня, узнав о том, что ты вспоминаешь меня, дала мне право свободно входить и выходить из дома и тайно разрешила вернуться в мир людей, чтобы я могла удовлетворить твоё желание. Ты давно уже домогалась этого, но в царстве мертвых законы строги, если Владыка узнает, то серьезно покарает за это, да и высшим тоже не одобровать будет».

Мать и дочь обнялись и заплакали. На следующий день они прибрали хорошенько комнату, приготовили все, как будто для пира, по-

ставили вино и фрукты, словно видели ее. Затем дочь взяла лютню, села, закрыв глаза, и стала играть так, словно кто-то водил ее пальцами.

Прежде, когда тетка была жива и учила племянницу, та за десять дней не могла сыграть ни одной арии; тут за один день она сыграла целых десять. Названия арий и строй их были совсем неизвестны смертным. Мелодии — печальные; таинственные, глухие звуки, похожие на крик совы или перекликания духов, вызывали рыдания у слушателей. Среди сыгранных арий были такие, как «Встречаю государя», «Плач по дубовому лесу», «Разлука с Гуанлином», «Трудная дорога», «Радуга над *Сицзяном», *«Цзиньчэнская праведница», «Тени за красным окном» и т. д.

Когда все десять арий были сыграны, дух тетки грустно сказал племяннице:

— Все это вновь принятые во дворце песни, которые очень нравятся Владыке. Песнями «Плач по дубовому лесу», «Тени за красным окном» и другими наслаждаются всю ночь на каждом пиру, когда начинаются всякие фокусы и жонглерства. Слова этих песен написаны придворным поэтом Юань Чжэнем по приказу Муцзуна; это — стихи в несколько десятков стансов, исключительно красивые. Развеселившись от вина, Муцзун приказывает жителям дворца петь эти стихи, а сам помахивает яшмовым жезлом в такт. Он держит эти мелодии в тайне, боясь, что все о них узнают, поэтому нельзя раскрывать его секрета. Пройдут года, на земле произойдут большие перемены, тогда можно будет все это поведать миру смертных. У тьмы и света пути различны, люди и духи идут своими дорогами; сегодня, один раз за десять тысяч лет, небесные пути столкнулись с человеческими, и это вовсе не случайность. Я научила тебя песням; поднеси их земному императору, чтобы они не пропали для будущих поколений.

Из уезда об этом сообщили в округ, из округа дали знать в область. Правитель области, Цуй Шоу, лично приказал сыграть ему эти вещи. Лютня зазвучала, как колокол; ее голос отличался от обычного звучания лютни, и мелодии не были похожи на местные напевы. Сравнили эти мелодии с другими, существовавшими в то время, и

оказалось, что лад совсем другой и строй не похож на основные то-нальности.

Мать велела младшей дочери упросить тетку научить и ее десяти ариям. Как только стемнело, тетка исчезла. Через несколько дней она снова появилась и сказала:

— Слышала я, что *янчжоуский военачальник собирается взять тебя в жены. Боюсь, что вышло недоразумение. Надо тебе сыграть все арии одну за другой, чтобы все было правильно.

Тут она оставила ей еще одну арию под названием *«Думы о возвращении».

Вскоре после этого начальник области действительно приказал доставить девушку в Янчжоу, так что тетка оказалась права. Знаменитый своей честностью и душевностью сам *Ли Дэ-юй представил докладную записку по этому делу, но поздно. Девушка уже умерла.

БО СИН-ЦЗЯНЬ

ТРИ СНА¹

Среди человеческих снов бывают и удивительные; например, одному снится, что он куда-то пошел, а другой наяву встретит его в этом месте, или так: один что-нибудь делает, а другому снится это; или вот еще: двое одновременно видят друг друга во сне.

Во времена императрицы *Тяньхоу правитель области *Чжао по имени Лю Ю-цзю часто, задерживаясь по служебным делам, лишь к ночи возвращался домой. Как-то раз *ли за десять от дома он подъехал к буддийскому храму у дороги; оттуда доносились пение, смех и веселые возгласы. Стены храма были невысокие, в некоторых местах с большими трещинами, так что видно было все, что делалось внутри. Лю, наклонившись, стал заглядывать туда и увидел более десяти молодых женщин, сидевших вокруг стола, уставленного яствами. Среди них была его жена, которая принимала оживленное участие в веселой беседе. Вначале Лю удивился, не понимая, как она попала сюда. Затем подумал, что это совсем ведь не подходящее для нее место и нельзя оставить ее здесь. Он еще внимательнее стал смотреть и, когда она перестала говорить и смеяться, окончательно убедился в том, что это она. Хотел было зайти в храм, но ворота оказались закрытыми и попасть внутрь было невозможно. Лю схватил черепицу и бросил, — попал в большой винный сосуд, разбил его; посыпались осколки. Тотчас же видение исчезло. Лю перелез через стену и вошел в храм вместе с сопровождавшими его слугами. Они осмотрели и обыскали

¹ Новелла сохранилась в четвертой главе сб. «Шофу», составленного в XIV в.

все вокруг, но нигде не видно было ни души; храм же стоял как прежде.

Еще сильнее удивившись, Лю поспешил домой. Приехал, а жена только что проснулась. Услыхала, что приехал Лю, поговорила с ним о всяких пустяках, а затем, смеясь, сказала:

— Во сне мне снилось, что я развлекалась в небольшой женской компании в каком-то храме. Все женщины были мне незнакомы. Мы только было начали пировать, как какой-то человек снаружи бросил вдруг черепицу; рюмки, блюда, все разлетелось, от того я и проснулась.

Лю в свою очередь рассказал ей то, что он видел.

Вот это и есть тот случай, когда одному снится, что он куда-то пошел, а другой встретил его в этом месте.

*Юань Вэй-чжи из *Хэнани в *четвертом году «Юаньхэ» был назначен надзирателем на окраину. Через десять дней после его отъезда я с *Лэ-тянем, моим старшим братом и *Ли Шао-чжи из *Лунси устроили прогулку по реке *Цюйцзян. Заехали в буддийский монастырь Цыэнь, бродили по всему монастырю, заходили в кельи монахов и застряли здесь на некоторое время. Надвигался вечер, мы отправились в дом Шао-чжи в квартал Сюйсинли, пили там вино и веселились. Отставив рюмку, брат сказал:

— Вэй-чжи, должно быть, уже доехал до *Лянчжоу, — и тут же написал следующие стихи:

Уже земля цветет. А мы не знаем,
 Как нам тоску развеять суждено.
 Мы тонкий стебель у цветка ломаем, —
 Пусть жребием он будет на вино.
 Мне вспомнился внезапно друг мой верный,
 Давно ушел он вдаль, за неба грань.
 Как раз сегодня прибыл он, наверно,
 В далекую чужую область Лян.

Было это двадцать первого числа. Через десять дней прибыл гонец из Лянчжоу и привез письмо от Вэй-чжи, в конце которого было четверостишие «Мне снилось»:

Мне снилось: вы с братом пришли на Цюйцзянь,
 Я видел: у храма Цыэнь вы гуляли.
 От крика, чтоб лошадь гонцу подавали,
 Очнулся внезапно: я в области Лян.

День и месяц в письме его совершенно совпадали со временем, когда были написаны стихи во время нашей прогулки.

Вот это и есть случай, когда один что-нибудь делает, а другому это снится.

Ду Чжи из *Фуфэна и Вэнь Сюнь из *Цзиньчжао в середине годов правления *«Чжэньюань» ехали вместе из *Бо в *Цинь; по дороге заночевали на постоялом дворе в *Тунгуани.

Ду приснилось, что он попал в храм на горе *Хуа. Навстречу ему вышла гадалка, черная, высокая, в синей юбке и белой кофте, поклонилась и попросила позволения поворочить ему. Ду, не зная как от нее отвязатся, согласился. Он спросил, как ее зовут, она назвалась Чжао. Проснувшись, Ду Чжи рассказал об этом Вэю. На следующий день доехали они до храма, а там их встретила гадалка, вид которой, манеры и одежда были совершенно такими же, как это приснилось Ду.

— Сон сбывся, — сказал Ду, посмотрев на Вэя, и велел слугам, сопровождавшим их, вынуть из мешка деньги и подать ей две *связки. Захлопав в ладоши, гадалка захотела и сказала своим подругам:

— Совсем как мне снилось!

Вэй в изумлении стал спрашивать о ее сне. Она ответила:

— Вчера мне приснилось, что с востока приедут двое; тому, что с бородой и поменьше ростом, я ворожила и получила две связки чохов. Утром я рассказала об этом подругам. А сегодня, и верно, так и вышло!

Ду спросил, как ее зовут; подруги ответили:

— Она из рода Чжао.

Все с самого начала до конца совпало полностью.

Вот это и есть пример того, что двое видят друг друга во сне.

Я, Бо Син-цзянь, скажу:

— В *«Чуньцю», в книгах философов и историков много говорится о снах, но о подобных трех снах записей нет. Много людей видит сны, но таких трех снов они не видали. Случайно это, или так было предопределено? Мне это не дано знать. Я написал об этих снах, только чтобы сохранить о них память.

БО СИН-ЦЗЯНЬ

ПОВЕСТЬ О КРАСАВИЦЕ ЛИ¹

Красавица Ли, родом из *Цзяньго, была гетерой в городе *Чанъань. Образцовое поведение и необычайное ее благородство достойны всяческой похвалы, поэтому-то я, государственный надзиратель и летописец Бо Син-цзянь, записал ее историю.

В годы правления *«Тяньбао» жил некий правитель области *Чанчжоу — князь Жун-ян; фамильное имя его я скрою, не стану указывать. Современники чрезвычайно уважали его; был он богат, в доме у него было очень много челяди.

В то *время, когда он познал волю неба, у него уже был сын *в возрасте, когда начинают носить шапку совершеннолетия, — одаренный сочинитель изысканных стихов, не имеющий равных себе среди поэтов, глубоко почитаемый современниками. Отец любил и высоко ценил его.

— Вот, — говаривал он, — *тысячеверстный скакун моего дома.

Когда пришло время сдачи экзаменов на степень *сюэца, юноша собрался ехать. Отец щедро наделил его всем, что было лучшего из одежды, драгоценностей, лошадей и упряжки, отсчитал денег для расходов на столичных учителей и обратился к нему со следующей речью:

— Я уверен, что с твоим талантом ты в первой же битве выйдешь победителем. Тут тебе приготовлено на два года все, что только может понадобиться; распоряжайся по своему усмотрению.

¹ Новелла помещена в 484-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

Юноша тоже был уверен в себе и видел себя занявшим первое место так же ясно, как на ладони.

Он выехал из *Пилина и через месяц с лишним прибыл в Чанъань, где и поселился на улице Бучжэнли.

Как-то, возвращаясь из поездки на восточный рынок, он въехал в город через восточные ворота увеселительного квартала Пинкан, намереваясь посетить приятеля в юго-западной части города. Доехав до улицы Минкэцзюй, он увидел дом; ворота и двор были не очень широкие, но само здание было величественное и уединенное. У приоткрытой двери, опираясь на молоденькую служанку, стояла девушка необычайной красоты; подобной, пожалуй, никогда в мире не бывало. Внезапно увидев ее, юноша невольно придержал коня, все не мог наглядеться и не решался ехать дальше.

Он нарочно уронил плетъ на землю и стал поджидать своего слугу, чтобы приказать ему подать ее, а сам, тем временем, непрерывно поглядывал на красавицу. Она же отвечала ему пристальным взглядом, казалось разделяя охватившую его страсть.

В конце концов, так и не осмелившись заговорить, он уехал.

С этой минуты юноша чувствовал себя так, словно потерял что-то. Он потихоньку пригласил к себе приятеля, хорошо знавшего увеселительные места в Чанъане, чтобы порасспросить его.

Приятель сказал ему:

— Это дом жадной и коварной женщины — госпожи Ли.

— Красавица-то доступна? — спросил юноша.

Друг ответил:

— Госпожа Ли очень богата. Те, с которыми она прежде была в связи, в большинстве случаев были из именитых и влиятельных семейств; она очень много от них получила. Не потратив несколько сотен тысяч монет, не сможете завладеть девушкой.

— Беспокоит меня только, что может ничего не выйти, — сказал юноша, — а там, хоть бы и миллион — разве пожалею?

На другой день он надел лучшие одежды и, взяв с собой всех своих слуг, отправился к красавице. Постучал в дверь; тотчас же появился мальчик-слуга и открыл ему.

— Чей это дом? — спросил юноша.

Мальчик, не ответив, убежал в дом, крича: «Здесь господин, что вчера уронил плеть!»

— Ты на минутку задержи его, — обрадовавшись, сказала красавица, — я только приведу себя в порядок, переоденусь и сразу же выйду.

Юноша, услышав это, пришел в восторг. Вскоре его провели во внутренние покои; там он увидел старуху с седыми волосами, это была мать красавицы.

Юноша низко поклонился и, подойдя к ней, сказал:

— Слышал я, что здесь есть свободное помещение, хотел нанять его, чтобы поселиться тут. Верно ли это?

— Боюсь, что наше ничтожное и жалкое помещение не достойно того, чтобы в нем жил такой почтенный человек; как посмею сказать, что это то, что вам нужно? — ответила старуха.

Она все же пригласила юношу в гостиную; комната эта оказалась очень красивой. Усевшись напротив гостя, старуха продолжала:

— Есть у меня дочь, молодая девушка, таланты ее ничтожны, но она любит принимать гостей; хотелось бы представить ее вам.

И тут же приказала красавице выйти. Блестящие глаза, белоснежные руки, походка — само очарование.

Юноша в смущении вскочил с места, не смея поднять на нее глаз. Закончив приветствия, он произнес несколько обычных фраз, а сам думал о том, что таких поразительных красавиц глазам его еще не доводилось видеть.

Снова уселась; она заварила чай, налила вино; посуда была безукоризненно чистая. Сидели долго, наступили сумерки, прозвучало четыре удара барабана. Старуха спросила; далеко ли его жилище.

— За воротами Яньпин, в нескольких *ли, — солгал ей юноша. Он надеялся, что его станут удерживать из-за дальнего пути, якобы предстоявшего ему.

— Уже *пробили в барабан. Вам нужно поскорее возвращаться, чтобы не нарушить запрета, — сказала старуха.

— Мне так приятно с вами, что не заметил, как прошел день и наступил вечер, — ответил ей юноша. — Дорога предстоит дальняя, а в городе у меня нет родни. Как же быть?

— Если не посетуете на нашу убогость, оставайтесь у нас! Что же дурного в том, чтобы переночевать? — сказала красавица.

Юноша несколько раз взглянул на старуху.

— Да, да, — поддакивала та.

Тогда юноша позвал своего слугу и, взяв у него свой шелковый кошель, хотел дать денег на приготовление ужина. Красавица с улыбкой остановила его:

— Так не принято между гостем и хозяевами. Пусть расходы сегодняшнего вечера лягут на наш жалкий дом; вас же прошу снизойти к грубой пище. Что до всего остального, то подождем другого раза.

Он отказывался решительным образом, но она настояла на своем. Вскоре все перешли в Западный зал. Занавесы, цыновки, портьеры, диваны радовали глаз своей красотой; туалетные ящички, покрывала, подушки — все было роскошно и изысканно. Зажгли свечи, внесли угощение, все было отменно вкусно. После ужина старуха поднялась. Беседа юноши с красавицей как раз в это время стала оживленной; они шутили, смеялись, чувствовали себя совсем свободно.

— Когда я вчера случайно проезжал мимо вашего дома, — сказал юноша, — вышло так, что вы стояли в дверях и ваш образ глубоко запал в мое сердце. Всю ночь я провел в мыслях о вас и сегодня с утра эта мысль меня не оставляла.

Красавица в ответ сказала:

— То же было и с моим сердцем.

— Сегодня я пришел, — продолжал юноша, — не просто для того, чтобы найти помещение; я надеялся удовлетворить желание всей моей жизни. Но все еще не знаю, какова будет ваша воля.

Еще не успел он кончить, как подошла старуха и спросила, о чем идет речь; он рассказал ей. Старуха с улыбкой ответила:

— Отношения между мужчиной и женщиной самое важное, что есть на свете. Если их чувства взаимны, то даже воля родителей не сможет

обуздать их. Но ведь дочь моя настоящая деревенщина, стоит ли она того, чтобы *служить вам, сударь, у вашей подушки и циновки?

Юноша подбежал к ней, поклонился и стал благодарить:

— Хотел бы считать себя тем, кто будет кормить вас до конца ваших дней.

Старуха согласилась смотреть на него, как на зятя. Они снова выпили и разошлись.

На следующее утро юноша перевез весь свой багаж и поселился в доме Ли. С этих пор юноша стал чуждаться людей своего круга и больше уже не виделся со своими друзьями. Он ежедневно встречался с актерами, певицами, стал театральным завсегдатаем и частым посетителем пирушек. Кошелек его окончательно опустел; тогда он продал экипаж и лошадей, а затем и своих слуг. Прошел год с небольшим, и все его имущество, слуги, кони исчезли. Старуха начала презрительно относиться к нему; чувство же красавицы все возрастало.

Как-то раз красавица сказала юноше:

— Мы с вами знаем друг друга уже год, а все еще нет у нас потомства. Мне часто приходилось слышать, что дух Бамбуковой рощи отзывается на просьбы немедленно, как эхо; хочу отправиться к нему, чтобы принести жертву и умолить его. Как вы посмотрите на это?

Юноша не знал ее замысла и очень обрадовался. Он заложил свою одежду в лавке и таким образом смог заготовить мясо жертвенных животных и сладкое вино; вместе с красавицей они посетили храм и совершили моление. Провели две ночи и повернули обратно; подгоняя своего осла, юноша ехал сзади. Когда они стали подъезжать к северным воротам, красавица обратилась к юноше:

— Если свернуть на восток отсюда, в переулочке дом моей тетки; хотелось бы отдохнуть, да и увидеть ее. Вы позволите?

Юноша согласился. Не проехал он и ста шагов, как действительно показались большие ворота; он заглянул в щелку и увидел большое здание. Служанка, ехавшая позади повозки, остановила его:

— Приехали.

Юноша спешил; в этот момент вышел какой-то человек и спросил:

— Кто тут?

— Красавица Ли, — ответил юноша.

Тот ушел в дом с докладом; тотчас же вышла женщина, лет ей можно было дать сорок с чем-то; поздоровавшись с юношей, она спросила его:

— А племянница моя приехала?

Красавица спустилась с повозки; женщина, приветствуя ее, спросила:

— Почему же так давно не вспоминала обо мне?

Поглядев друг на друга, они обе рассмеялись. Красавица представила юношу; тот поклонился ее тетке. Познакомились, затем прошли в сад у западной арки входа. Там на холме был павильон, вокруг — густые заросли бамбука, пруд и беседка создавали впечатление удаленности от мира.

— Это собственный дом тетушки? — обратился юноша к красавице.

Та улыбнулась и не ответила, перевела разговор на другую тему. Вскоре подали чай и редкостные фрукты. Не успели поесть, как примчался какой-то человек; осадив взмыленного иноходца, он сказал:

— Старая госпожа внезапно опасно заболела, лежит без сознания. Немедленно возвращайтесь домой!

Красавица обратилась к тетке:

— Сердце мое в тревоге. Я поеду верхом вперед, а потом пришлю лошадь обратно, и вы приедете с моим господином. Юноша настаивал на том, чтобы сопровождать ее, но тетка и служанка в один голос начали уговаривать его остаться и даже загородили ему дорогу:

— Старуха, наверное, уже умерла; вы должны остаться и обсудить со мной как устроить похороны, чтобы помочь в беде. К чему вам торопиться уезжать вместе с ней?

Так и задержали его. Они стали вместе обсуждать, что потребуется для похорон и жертвоприношений.

Вечерело, а лошадь все не возвращалась.

— Почему это не шлют лошадь? — сказала тетка. — Вы бы, сударь, поспешили вперед, чтобы разузнать, а я приеду вслед за вами.

Юноша тотчас же отправился. Он доехал до старого их дома; ворота оказались наглухо запертыми и запечатанными. Очень удивившись, юноша обратился с расспросами к соседу. Тот ответил:

— Собственно говоря, это помещение госпожа Ли снимала в аренду; договор уже кончился, вот хозяин и забрал помещение обратно. Старуха же выехала отсюда еще две ночи назад.

— Куда же она переехала? — спросил юноша.

— Не сказала куда, — ответил сосед.

Юноша собирался тотчас же отправиться в Сюаньян, чтобы порасспросить тетку, но уже совсем стемнело, и это помешало ему выполнить свое намерение. Тогда он снял с себя платье и обменял его на еду; поел, снял на ночь постель в ночлежном доме и улегся спать. Ярость его была так велика, что до самого утра так и не смог сомкнуть глаз. Только забрезжил рассвет, как он оседлал своего осла и уехал. Приехав на место, начал стучать в ворота; прошло немного времени, никто не отозвался. Несколько раз кричал он изо всех сил, наконец, вышел какой-то слуга. Юноша поспешил спросить его:

— Госпожа такая-то дома?

— Нет, — ответил тот, — у нас нет такой.

— Да ведь еще вчера вечером была здесь, почему же вы скрываете ее? — возмутился юноша. Затем он спросил:

— Чей это дом?

Слуга ответил:

— Это дом сановника Цуй. Вчера какой-то господин нанял это помещение, он говорил, что ожидают прибытия родственника издалека. Не было еще сумерек, когда все уехали.

Юноша в смятении просто потерял голову; тут только он понял, что он обманут. Совершенно убитый, он вернулся в свое старое жилище на улице Бучжэнли.

Хозяин помещения пожалел его и принес ему поесть. Юноша был слишком огорчен, чтобы есть; он три дня не принимал пищи и очень тяжело заболел; дней через десять ему стало совсем плохо. Хозяин боялся, что он уже не поднимется, и перевез его в похоронное бюро.

Прошло некоторое время. Люди из этого похоронного бюро пожалели юношу и стали вскладчину кормить его. Постепенно ему стало немного лучше, так что он начал вставать, опираясь на палку. С тех пор его ежедневно посылали в похоронные процессии, заставляя носить траурный балдахин; того, что он зарабатывал, ему как раз хватало на жизнь.

Прошло несколько месяцев, юноша совсем окреп. Всякий раз, слыша похоронные песнопения, он скорбел о том, что не он сам умер, раздражался рыданиями и долго не мог остановиться. Всякий раз по возвращении с похорон он подражал песнопениям. Юноша был очень талантлив; в скором времени он стал искусен во всех напевах, и равно ему не находилось во всей столице Чанъань.

Хозяин этого похоронного бюро издавна вел борьбу за первенство с другим хозяином бюро в восточной части города. В том бюро носилки и дроги были редкой красоты, но зато с похоронными песнопениями дело обстояло плохо. Однако хозяин Восточного бюро, зная, насколько искусен юноша в песнопениях, дал ему двадцать тысяч и таким образом закрепил за собой. Старые друзья и клиенты хозяина этого бюро, увидев способности юноши, потихоньку научили его новым мелодиям и всячески поощряли его. В этих тайных занятиях прошло несколько декад.

Как-то в препирательстве обоих владельцев бюро один из них заявил:

— Давайте устроим выставку похоронных принадлежностей на улице Тяньмынь, чтобы сравнить, у кого лучше, у кого хуже. Потерпевший поражение платит штраф в пятьдесят тысяч, чтобы покрыть расходы на угощение. Что вы на это скажете?

Оба владельца сговорились, тотчас же составили договор, заверили его печатями для гарантии и затем устроили выставку. На эту необычную выставку сошлись и мужчины, и женщины, толпа достигала нескольких десятков тысяч человек. Надзиратель квартала доложил об этом начальнику городской стражи, начальник городской стражи довел до сведения градоправителя столицы. Горожане сбегались со всех сторон, в домах почти не оставалось людей. Смотр начался утром и продолжался до полудня.

Западное похоронное бюро потерпело поражение и по дорогам, и по носилкам, и по принадлежностям похоронных обрядов. Вид у владельца был очень смущенный. Тогда он установил помост на южном углу. Вперед вышел длиннобородый старик, держа в руках колокольчик, несколько человек шли следом. Старик поднялся на помост, расправил бороду, поднял брови, сложил руки на груди, поклонился и запел *«Песнь о белом коне». Уверенный в своей победе, он оглядывался по сторонам, как будто бы вокруг не было достойных. Все дружно хвалили его, и сам он считал, что он единственный в своем роде и никто его превзойти не может. Немного спустя владелец Восточного бюро установил помост на северном углу. Появился молодой человек в черной шапке, слева и справа от него было еще по пять-шесть человек, которые несли опахала. Это был наш юноша.

Оправив одежду и спокойно поглядев по сторонам, он начал петь высоким гортанным голосом; пел он исключительно хорошо. Это были стансы *«Роса на стеблях»; чем выше поднимался его голос, тем он становился чище; эхо звучало в рощах; еще не кончилась песня, а слушатели стали покашливать, еле сдерживая слезы.

Владелец Западного бюро, осмеянный толпой, был еще больше сконфужен; он потихоньку выложил свой проигрыш и незаметно скрылся. А толпа вокруг стояла как замороженная, ничего не замечая.

Незадолго до этого был оглашен императорский указ, по которому начальникам пограничных областей предписывалось раз в год прибывать ко двору; называлось это «представлять доклады». И вот в это время как раз и получилось так, что отец юноши находился в столице. Вместе с другими сановниками одного с ним ранга он переоделся и тайком отправился поглядеть на это зрелище. С ним был старый слуга — зять кормилицы юноши. Увидев манеры юноши и услышав его пение, он хотел было признать его, но не осмелился и заплакал горькими слезами.

Отец юноши изумился и стал спрашивать слугу; тот объяснил: — Внешность певца очень напоминает вашего погибшего сына.

Отец возразил:

— Моего сына убили разбойники из-за большого богатства. Как же он может оказаться здесь?

Сказав это, он тоже заплакал. Когда он отправился домой, слуга подбежал к тем, кто был с юношей, и стал расспрашивать:

— Кто этот, что пел? Может ли быть что-нибудь чудесней!

— Сын такого-то...

Слуга спросил, как его зовут, но оказалось, что юноша принял чужое имя.

Слуга в сильном волнении поспешил протолкаться через толпу и разыскать юношу. А тот, увидев слугу, изменился в лице и сделал крутой поворот, собираясь скрыться; но слуга, схватив его за рукав, сказал:

— Не вы ли господин N?

Тут они обнялись и заплакали; затем слуга повел его к отцу.

Они вместе пришли в помещение, где остановился отец юноши. Тот набросился на юношу с упреками:

— Ты опозорил наш дом своим поведением. Да как ты посмел снова показаться мне на глаза?

Тут он вывел юношу из дома, дошел с ним до места, что к западу от реки *Цюйцзян и к востоку от Абрикосового сада, сорвал с него одежду и нанес ему несколько сотен ударов плетью. Не вынеся боли, юноша свалился замертво; отец оставил его и ушел.

Один из тех, кто обучал песнопениям юношу, приказал человеку, с которым юноша сдружился, потихоньку проследить за ним, и вот теперь тот вернулся и сообщил об этом всем товарищам; все были очень огорчены. Двоим было приказано взять тростниковую цыновку и прикрыть труп юноши. Но когда они пришли на место происшествия, оказалось, что в нем еще теплится жизнь. Его подняли; прошло довольно много времени, дыхание юноши постепенно становилось заметным. Тогда они на цыновке снесли его к себе домой, стали поить через бамбуковую трубочку. Прошла ночь, и он очнулся.

Миновал целый месяц, но он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Раны гноились и начали скверно пахнуть. Товарищи измучились с ним. Однажды вечером они бросили его на дороге. Прохожие, жалея его,

часто кидали ему остатки пищи, так что ему хватало наполнить желудок.

Прошло десять декад, и он начал вставать на ноги с помощью палки. В лохмотьях, залатанных в сотне мест, неся ломаную тыквенную чашку, он стал обходить окрестности, занимаясь выпрашиванием пищи. Зима уже сменила осень; по ночам юноша забирался в мусорные ямы, а днем бродил по рынкам и лавкам.

Однажды утром шел сильный снег. Юноша, подгоняемый холодом и голодом, вышел, несмотря на снег, и жалобно молил о подавании; слышавшие и видевшие его не могли не растрогаться. Но снег как раз в то время шел очень сильный, и почти все двери жилых домов были закрыты.

Юноша дошел до восточных ворот квартала Аньи и прошел вдоль кирпичной стены семь-восемь домов к северу; там были ворота, где оказалась приоткрыта одна лишь левая створка. Это был дом красавицы. Юноша не знал этого и продолжал жалобно стонать:

— Замерз я и голоден очень.

Крик его раздирал душу, слушать было нестерпимо.

Красавица, услышав его из-за своих дверей, сказала служанке:

— Наверняка это он. Я узнаю его голос, — и поспешно выбежала. Увидела юношу, худого, покрытого струпьями, почти совсем лишившегося человеческого облика.

В сильном волнении красавица обратилась к нему с вопросом:

— Вы ли это, сударь?

Юноша был подавлен и потрясен до такой степени, что не сумел произнести ни слова и только кивнул головой. Красавица подошла к нему, обняла за шею и, прикрыв своим вышитым рукавом, ввела в западный флигель. Теряя от волнения и горя голос, она прошептала:

— Это я виновата в том, что вы дошли до такого состояния.

Сказала и лишилась чувств. Тут прибежала встревоженная старуха и спросила:

— Кто это?

— Господин N, — ответила красавица, придя в себя.

— Надо выгнать его. Зачем привела сюда? — закричала старуха. Красавица, строго взглянув на нее, возразила:

— Нельзя. Это юноша из порядочного дома. Когда-то он ездил в богатом экипаже, носил золотые украшения. Придя же в наш дом, он очень быстро лишился всего. Мы с вами придумали коварный план, бросили и выгнали его, это уж бесчеловечно. Довести его до того, что он потерял волю, — это недостойно небом установленных отношений между людьми. Отношения отца и сына — от неба. А мы привели к тому, что чувства эти исчезли, что отец до полусмерти избил сына, и вот сын вследствие этого пришел в такое ужасное состояние. Все люди в Поднебесной империи знают, что я была причиной этому. У юноши при дворе полно родни, и если когда-нибудь кто-нибудь из них, власть имущий, разузнает все подробности этой истории, то нам придется плохо. К тому же мы обманывали небо, дурачили людей, и духи будут к нам неблагоклонны; не будем же сами навлекать несчастье на себя!

Вы *исполняете роль моей матери вот уже двадцать лет. Если подсчитать, так на меня вы истратили не менее тысячи золотых. Вам сейчас шестьдесят с лишним лет; я хочу отдать вам то, что ушло на мою еду и одежду за эти двадцать лет, и этим выкупить себя; тогда мы с этим господином поселимся отдельно от вас. Мы будем жить недалеко от вас, сможем видаться утром и вечером. Таково мое намерение.

Увидев, что волю красавицы не сломить, старуха вынуждена была согласиться. После расчетов со старухой у красавицы осталось сто золотых. Она сняла помещение домов через пять к северу; вымыла юношу, переменяла ему одежду, стала давать ему рисовый отвар и поить кислым молоком, чтобы поправить его здоровье. Только дней через десять она позволила ему начать есть другую пищу. Шапка, туфли, носки — все, что она давала надевать ему, было редчайшего качества. Не прошло и нескольких месяцев, как раны на теле постепенно стали заживать, а к концу года здоровье его совершенно восстановилось.

Как-то раз красавица обратилась к нему:

— Теперь вы уже окрепли и вполне воспрянули духом. Я же все это время думала про себя, насколько сохранились у вас прежние знания?

Юноша, подумав, ответил:

— Пожалуй не более двух-трех десятых того, что знал.

Красавица приказала подать экипаж и выехала на прогулку. Юноша сопровождал ее верхом. Доехав до книжных лавок у боковых ворот к югу от рынка, она предложила юноше выбрать и закупить книг на сто золотых. Погрузив книги в экипаж, они вернулись домой. Затем она заставила юношу отогнать от себя все заботы, чтобы сосредоточиться на занятиях.

Ежедневно до глубокой ночи он занимался с необычайным усердием и прилежанием, красавица же постоянно сидела против него и ложилась спать, только когда начинал брезжить рассвет. Замечая его усталость, она заставляла его отрываться от книг и писать стихи. Через два года он достиг больших успехов. Из всей китайской литературы не было такого, чего бы он не знал. И вот однажды он сказал красавице:

— Пожалуй, теперь можно было бы выставить мое имя в списках экзаменующихся.

— Нет еще, — возразила она, — прошу вас приложить все старания и усердие, чтобы одержать полную победу.

Прошел еще один год и красавица сказала:

— Теперь можете сдавать экзамен.

Он с первого же экзамена получил степень сюэя, слава его потрясла весь экзаменационный двор. Люди значительно старше его, читая его сочинение, не могли не выразить ему своего уважения и восхищения, старались быть подстать ему, но не могли добиться этого. Красавица же сказала ему:

— Это еще не все; теперь вы добились ученой степени и, само собой разумеется, можете рассчитывать получить место при дворе, приобрести славу во всей Поднебесной империи. Но ваше поведение в прошлом было недостойным, не то, что у других ученых. Вам нужно отточить и закалить оружие, чтобы одержать настоящую победу.

Тогда только сможете вступить в борьбу со знаменитыми учеными и завоевать первенство среди всех.

С этих пор юноша стал еще усерднее трудиться, слава о нем все больше распространялась. Через год как раз проводились государственные экзамены на высшую степень, и по высочайшему приказу созывались достойнейшие со всех концов страны. Юноша явился на эти экзамены и написал сочинение на тему «Говори с государем прямо, увещевай его настоятельно!». Имя его оказалось первым в списке сдавших экзамены. Он получил должность военного советника в городе *Чэнду. Высшие вельможи двора стали искать дружбы с ним.

Когда он собрался ехать к месту службы, красавица сказала ему:

— Теперь вы заняли подобающее вам положение, и я больше не хочу обременять вас собой. Остаток своих лет я намерена посвятить моей матери. Вы же должны вступить в брак с девушкой из знатной семьи, которая достойна того, чтобы приносить жертвы вашим предкам. Не грязните себя неравным браком. Старайтесь думать о себе; отныне я ухожу.

— Если ты бросишь меня, — со слезами сказал юноша, — я покончу с собой.

Красавица упорствовала в своем отказе сопровождать его. Юноша настойчиво просил и слезно умолял. Наконец, она сказала:

— Я провожу вас через реку. Когда мы достигнем *Цзяньмэня, вы должны будете позволить мне вернуться.

Юноша согласился. Через месяц с лишним они доехали до Цзяньмэня. Не успели они еще расстаться, как пришло известие о том, что из Чанчжоу выехал отец юноши, назначенный на должность градоначальника Чэнду и надзирателя округа *Цзяннань.

Через двенадцать дней в Цзяньмэнь проездом к месту новой службы прибыл отец. Юноша тотчас послал ему свою визитную карточку и сам явился к нему на постоянный двор. Отец не решался было признать его, но увидев на визитной карточке фамильное имя своих предков и их ранги, был совершенно потрясен. Приказав сыну приблизиться, он обнял его и заплакал. Долго он не мог придти в себя и, наконец, произнес:

— Мы с тобой отец и сын, как прежде!

Затем он стал расспрашивать юношу о том, что с ним произошло, и тот рассказал ему все от начала до конца. Отец был удивлен и спросил, где же находится эта замечательная красавица. Юноша ответил:

— Она проводила меня до этого места, и я должен разрешить ей вернуться домой.

— Нельзя, — возразил отец.

На рассвете он приказал подать упряжку и послал юношу вперед в Чэнду, а красавицу задержал в Цзяньмэне; здесь был построен специальный дом, где ее поселили. Тут же были приглашены свахи, чтобы устроить счастье двух семей. Для встречи невесты было приготовлено все, что требуется при шести брачных церемониях. Свадьба была сыграна по образцу того, как бывало в старину *между княжескими домами Цинь и Цзинь. После совершения обрядов красавица на долгие годы скрылась от света. Она прекрасно выполняла обязанности жены, строго и правильно управляла семьей и была высоко ценима близкими.

Несколько лет спустя свекор и свекровь умерли. Она тщательнейшим образом соблюдала траур. На их могилах она вырастила *линчжи, по три грозди на одном стебле. Об этом было доложено императору. Несколько десятков белых ласточек вили гнезда под их крышей. Император был поражен всем этим и повысил ее мужа в чине. Когда кончился период траура, его стали назначать на важные посты; на протяжении десяти лет он был правителем нескольких областей. Красавице же был пожалован титул знатной дамы из Цзяньго. У них было четверо сыновей, все стали видными сановниками. Тот, кто чином был ниже остальных, и то был, кажется, правителем *Тайюаня. Все братья женились на девушках из знатных домов; и по мужской, и по женской линии все были имениты, таких и в столице не сыщешь.

Вот видите, была ведь когда-то гетерой, а стала женой, да еще какого образцового поведения! Даже самые образцовые женщины прежних времен и те не могли бы сравниться с ней! Как можно удержаться от восхищения!

Мой дед (по отцу) некогда был правителем *Цзинчжоу, затем переведен был в Податное управление и был надзирателем водных и сухопутных перевозок. На всех этих трех должностях он служил вместе с героем этого рассказа, поэтому знал эту историю со всеми подробностями.

В середине годов правления *«Чжэньюань» я в беседе с *Гун-цзо, родом из *Лунси, коснулся женщин образцового поведения и рассказал ему эту историю о знатной даме из Цзяньго — красавице Ли.

Гун-цзо, слушая в упоении, хлопал в ладоши; он-то и заставил меня написать это повествование.

И вот, напив кисть тушью, я набросал все это. Писал в *году под циклическими знаками «И» и «Хай», осенью в восьмую луну, Бо Син-цзянь из Тайюаня.

СЮ И ЯО-ЦЗО

ИСТОРИЯ ЛЮ¹

В середине годов правления *«Тяньбао» поэт Хань И из *Чанли прославился своим дарованием; это был тихий и спокойный по характеру человек, стесненный крайней бедностью. С ним подружился некий Ли, человек очень богатый, честолюбивый, окружавший себя талантливыми людьми. У Ли была любимая наложница, звали ее Лю; она была красоты совершенно необычайной, любила поболтать, пошутить, прекрасно пела. Ли поселил ее в отдельном помещении и часто ходил с Хань И пировать у нее и слушать ее песни. А Хань И он поместил на постоялом дворе рядом с домом Лю.

Хань И пользовался известностью, и все его посетители были знаменитостями своего времени. Подглядывая за ним из своих ворот, Лю как-то сказала своей служанке:

— Неужели такой мудрец, как Хань И, всегда будет жить в бедности и ничтожестве?

С этих пор она все думала о нем.

Ли высоко ценил Хань И и ничего не жалел для него; заметив интерес к нему Лю, устроил пирушку и пригласил Хань И. Когда все немного захмелели, Ли сказал:

— Госпожа Лю — изумительная красавица; *сюдай Хань И — писатель редкого таланта; хотелось бы мне, чтобы Лю *служила у подушки господина Хань И. Как вы на это смотрите?

В смущении и тревоге Хань И вскочил с места:

¹ Новелла помещена в 485-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

— Я уже долго пользуюсь, сударь, вашими милостями, вы жалуете меня вашими одеждами, угощаете меня вашей едой; могу ли я лишать вас той, которую вы так нежно любите?

Ли действительно уговаривал его. Зная, что Ли говорит искренне, Лю дважды поклонилась Хань И и приблизила к нему свою цыновку. Ли усадил Хань И на почетное место и пожелал им безграничной радости. К пожеланиям он присоединил тридцать тысяч, чтобы облегчить Хань И расходы.

Хань И восхищался красотой Лю, Лю боготворила талант Хань И; оба были охвачены глубоким чувством, и можно себе представить, как они были счастливы.

На следующий год помощник начальника дворцовых обрядов Ян Ду выдвинул Хань И на высокий пост; но тот целый год не занимался делами и сидел дома.

— Древние добивались известности, чтобы прославить родителей своих, — сказала как-то ему Лю. — И разве хорошо, что вы, теряя время на меня, упускаете возможность жениться? Притом ведь у меня достаточно всего необходимого, чтобы спокойно дожидаться вашего возвращения.

Тогда Хань И отправился в Цинчи, чтобы посетить свою семью.

Прошло больше года, Лю стало нечего есть; чтобы прокормиться, она стала продавать свои наряды и украшения.

В конце годов правления «Тяньбао» *обе столицы были *захвачены разбойниками, мужчины и женщины в панике бежали. Лю, боясь, что исключительная красота погубит ее, остригла волосы и этим изуродовала себя; она скрылась в монастыре Фалин.

В это время из *Пинлу в *Цзыцин был переведен наместником некий Хоу Си-и, который, давно зная репутацию Хань И, пригласил его к себе на должность секретаря. Прошло еще некоторое время, и император, карая виновных и милуя невинных, восстановил порядок в стране. Хань И смог послать гонцов на розыски Лю. Он наполнил шелковый кошелек рассыпным чистым золотом и вложил в него следующие стихи:

О, *Ива Чжантая! О, Ива Чжантая!
 Свежа ли попрежнему зелень густая?
 По-старому клонишь ли длинные ветви?
 Должно быть, сломала рука их чужая!

Лю со вздохом и рыданиями приняла золото и, охваченная глубокой печалью, написала в ответ:

Роскошные ветви нетронутой ивы
 Грустят о годах, приносящих разлуку,
 Дань осени — лист уносящийся ветром,
 Но иву не сломишь — ждет с милым свиданья!

Случилось так, что тибетский полководец Ша Ча-ли, впервые прославившийся своими подвигами, услышал о красоте Лю; похитил Лю, вернулся домой и сделал ее своей любимой наложницей.

К тому времени Хоу Си-и был призван ко двору и стал приближенным государя. Отправляясь ко двору для представления императору, он взял с собой Хань И. По прибытии в столицу Хань И отправился к Лю, но ее в монастыре уже не было. Хань И пришел в страшное отчаяние. Как-то на вершине *Луншоу он увидел, что старый слуга ведет на поводу вола, впряженного в *экипаж с крытом верхом и занавесками; сзади следовали две служанки. Хань И бесцельно побрел за ними. Внезапно из экипажа послышался голос:

— Не советник ли это Хань И? Я — Лю.

Она приказала служанкам потихоньку передать Хань И, что попала в руки Ша Ча-ли и просит Хань И не следовать за ней, а на следующее утро явиться на свидание на улицу Даочжэн. В указанный ею срок Лю приехала в условленное место, вынула из экипажа драгоценности из яшмы, благовония и свертки шелка и отдала все это Хань И со словами:

— Наступила вечная разлука; я хотела бы, чтобы вы перестали думать обо мне.

Она вернулась в свой экипаж, махнула рукой на прощанье, легкие рукава ее колыхались по ветру. И вот застучали колеса, изящный экипаж исчез из глаз и затерялся в поднявшейся на дороге пыли.

Хань И долго не мог придти в себя.

В это время в Цзыцине военачальники устроили пир и послали гонца, чтобы пригласить Хань И. Тому волей-неволей пришлось принять приглашение, но настроение у него было мрачное и вид совершенно подавленный. Когда он что-либо говорил, голос его временами прерывался вздохами и стонами. На пиру был Сюй Цзюнь из императорской свиты, очень самоуверенный человек. Он прямо с ножом к горлу пристал к Хань И:

— Наверняка что-то с вами случилось? Прошу вас, доверьтесь мне. Нечего делать, — Хань И все ему рассказал.

— Прошу вас, — сказал ему Сюй Цзюнь, — напишите несколько слов. Я их тотчас же доставлю ей.

Тут же он надел на себя платье простого кочевника, захватил лук, вскочил на коня и помчался к дому Ша Ча-ли. Дождавшись, пока тот отъехал на расстояние более одного *ли, Сюй Цзюнь, не слезая с коня, ворвался в ворота и закричал:

— С полководцем несчастье, он велел вызвать к нему госпожу!

Слуги расступились в стороны, не решаясь задержать его. Сюй Цзюнь беспрепятственно вбежал в зал, показал Лю письмо Хань И, схватил ее за руки, выбежал с ней, посадил на оседланного коня и скрылся в поднявшейся пыли. Приехали. Лю подошла прямо к Хань И, воскликнув:

— К счастью, не опозорена!

Со всех сторон раздались возгласы удивления. Лю и Хань схватились за руки и зарыдали, затем вместе покинули пир.

Так как в это время Ша Ча-ли был в исключительной милости у императора, Хань И и Сюй Цзюнь боялись попасть в беду и решили отправиться к Хоу Си-и. Тот сказал, сильно встревожившись:

— Всю жизнь я сам улаживал такие дела, зачем же Сюй Цзюнь вмешался?

Тут же он написал донесение императору, гласившее следующее: «Сановник Хань И — начальник приказа в податном управлении, исполняющий в то же время обязанности цензора, — давно уже находящийся в ранге советника, постоянно оказывавший большие услуги трону, недавно был в отпуску. Его наложница Лю, желая спастись от

разбойников и насильников, ушла в монахини. Теперь же во всей империи водворены полный покой и порядок, мир восстановлен, тем не менее полководец Ша Ча-ли в своей гнусной распущенности поправ все законы и, упоенный своими ничтожными заслугами, вместо того, чтобы заниматься государственными делами, украл наложницу у заслуженного человека. Занимающий должность главного цензора сановник Сюй Цзюнь, род которого идет из *Юцзи, — человек смелый и решительный — отнял Лю у Ша Ча-ли и вернул ее Хань И. Руководствовался он сознанием долга, и хотя действия его заслуживают благодарности, но дело это небывалое, и поэтому необходимо по сему дать указ».

Вскоре появился указ, по которому Лю предписывалось вернуться к Хань И, а Ша Ча-ли получил в утешение два миллиона медных монет. После того, как Лю вернули Хань И, его постепенно повышали в должности, так что в конце концов он стал одним из придворных советников.

Между тем Лю оставалась верна ему, хотя многие добивались ее любви; что же касается Сюй Цзюня, то он никакой благодарности не получил за свой поступок, вызванный чувством дружбы. Благодаря своей красоте и образцовому поведению Лю могла бы стать женой даже одного из тех вельмож, которые имеют право сопровождать императора в его колеснице. А Сюй Цзюнь благодаря своим высоким талантам мог бы получить большие заслуги, если бы был назначен хотя бы начальником уезда Цаокэ и *Шэнчи. Каждое деяние выясняется по его последствиям и воздаяние дается по заслугам. Жаль, что Лю не нашла себе пары, а чувство долга и героизма Сюй Цзюня были проявлены напрасно. Все пошло не по надлежащему пути.

Разве можно было бы отвратить описанные здесь злоключения? Видно, так уж должно было случиться.

ЦЗЯН ФАН

ИСТОРИЯ ХО СЯО-ЮИ¹

В годы правления *«Дали» некто Ли И из *Лунси двадцати лет уже сдал экзамены на степень *цзиньши.

На следующий год все выдающиеся своим талантом люди были вызваны управлением государственных чинов на столичные экзамены.

Летом, в шестую луну, Ли И прибыл в *Чанъань и поселился в квартале *Синьчанли.

Юноша происходил из благородной и известной семьи, еще в ранней юности отличался талантливостью, и литературные произведения его считались непревзойденными по изяществу стиля и красоте выражений. Рано достигнув известности и привыкнув ко всеобщему поклонению, он был очень самонадеян и мечтал найти себе красавицу-подругу; в течение долгого времени искал повсюду какую-нибудь известную гетеру, но безуспешно.

В Чанъане жила сваха Бао-одиннадцатая. Когда-то в молодости она была служанкой в доме императорского зятя Се, но прошло уже больше десяти лет с тех пор, как один состоятельный человек выкупил ее и женился на ней. Лыстивая, мастерица на следкие речи, она пролезала во все, даже самые знатные, семьи, моментально находила способ познакомиться с любым человеком и всеми считалась знатоком своего дела. Бао получала от Ли И поручения и щедрые подарки и очень хотела угодить ему.

¹ Новелла помещена в 487-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

Прошло несколько месяцев. Ли И как-то сидел в южной беседке у себя дома; часа в четыре дня он услышал настойчивый стук в ворота; оказалось, что пришла Бао-одиннадцатая.

Ли И вышел ей навстречу и спросил:

— Чем объяснить ваш неожиданный приход, госпожа Бао?

Та, смеясь, ответила:

— Видно, вы все во сне грезите о красавице, а я вот на деле нашла. Есть одна бессмертная, изгнанная на землю, ищет она не богатства, а любви изящного, талантливого человека. А уж по красоте своей достойная пара вам, сударь.

Услышав это, Ли пришел в восторг. Взяв Бао за руку, кланяясь и горячо благодаря ее, Ли сказал:

— Пока жив, буду вашим рабом, да и жизни для вас не пожалею.

Затем спросил имя девушки и адрес ее.

Бао рассказала:

— Это младшая дочь князя Хо, зовут ее Сяо-юй. Князь ее очень любил. Мать ее, Цзин-чи, была любимой наложницей князя. Как только князь умер, его сыновья отказались признать девушку из-за низкого ее происхождения. Выделили ей часть имущества и предложили поселиться в другом месте, приняв фамилию Чжэн, чтобы никто не узнал, что она дочь князя. Такого изящества и прелести в жизни я не видела, а тонкостью чувств и скромностью поведения она превосходит любую другую девушку; она искусна в музыке, стихах и каллиграфии.

Вчера как раз просили меня найти достойного молодого человека подходящей внешности и характера. Я назвала вас. Оказалось, что им тоже знакомо ваше имя, и они были очень обрадованы.

Живут они в переулке Гусы по улице Шэн-е, ворота их дома в самом начале переулка. Мы вчера уже договорились. Завтра в полдень приходите в переулок, там вы найдете служанку Гуй-цзы, и все будет в порядке.

Как только Бао ушла, Ли И начал готовиться к свиданию. Он послал слугу Цю Хуна к своему двоюродному брату — советнику в *Цзинчжао — одолжить черного жеребца и золотую уздечку. С ве-

вчера Ли И почистил одежду и оделся во все самое лучшее. От радости он всю ночь не ложился спать. Струдом дождавшись рассвета, умылся, надел шапку и стал рассматривать себя в зеркало, боясь, что еще не все в должном порядке. Все утро он бродил взад и вперед и кое-как дотянул до полудня. В полдень приказал подать лошадь и понесся во весь опор на улицу Шэн-е. Достиг условленного места и действительно увидел там поджидавшую его служанку; та подошла к нему и спросила:

— Не вы ли господин Ли И?

Ли И спешил, велел проводить его в дом и настойчиво начал стучать в запертые ворота. Видит — Бао вышла из дому и, смеясь, спросила:

— Что это за молодой человек так рвется войти сюда?

Смеясь вошли они в средние ворота; во дворе росли четыре вишневых дерева; на северо-западной стороне двора висела клетка с попугаем; увидев вошедшего юношу, попугай крикнул:

— Чужой пришел, скорей опустите занавеску!

Ли И, будучи человеком деликатным, и так чувствовал себя неловко; услышав же слова птицы, он до такой степени смутился, что не решался войти в дом.

Вслед за Бао по ступеням спустилась Цзин-чи, которая вышла навстречу юноше, пригласила его в дом и там усадила.

Лет ей было, вероятно, за сорок. Скромная, тихая, с сохранившимися еще следами былой красоты, она была очень привлекательна.

— Я давно уже слыхала о вашей исключительной талантливости, — обратилась она с улыбкой к Ли И, — а теперь, видя вашу прекрасную внешность и изящные манеры, понимаю, что это была не пустая слава. У меня есть дочь, хотя она и плохо образована, но внешность ее не уродлива, и она могла бы оказаться подходящей вам парой. Я часто слышала от госпожи Бао о вашем желании и готова сегодня же приказать дочери *служить вам с плетущкой и метелкой.

Ли И начал благодарить ее:

— Я, такой безобразный, глупый, не стою и взгляда вашей дочери; но если удостоюсь чести быть ее избранником, то в жизни и после смерти буду чувствовать себя счастливым.

Цзин-чи приказала подать вино и закуски и велела Сяо-юй выйти к ним. Ли И встретил девушку поклоном. Ему показалось, что с ее приходом комната стала раем.

Они посмотрели друг на друга; блеск ее глаз просто ослеплял. Познакомились. Девушка села рядом с матерью; та обратилась к ней:
— Ты любишь декламировать:

Занавеску раскрывает ветер, шевеля бамбук.
Все мне кажется: подходит старый, добрый друг.

Это стихи господина Ли И. Целыми днями ты напеваешь их, мечтая о нем, так взгляни на него самого сейчас, это, пожалуй, лучше!

Смущенно склонив голову, Сяо-юй слегка улыбнулась и тихо ответила:

— Есть поговорка: «Видеть в лицо лучше, чем знать понаслышке!». Разве может талантливый муж иметь непредставительную внешность?

Тут юноша несколько раз подряд поклонился ей:

— Вы, барышня, любите талант, а я поклоняюсь красоте.

Любовь отражается в любви,
Талант и внешность совместимы, —

сказал он экспромтом.

Мать и дочь, переглянувшись, засмеялись.

Когда вино обошло присутствующих несколько раз, Ли И поднялся и попросил девушку что-нибудь спеть. Сначала она не соглашалась, но мать настояла. Голос у девушки был чистый и звонкий, пела она с большим чувством.

Когда кончилось угощение, было уже темно. Бао провела Ли И отдохнуть в западный сад. Здесь был уединенный дом с очень красивыми занавесями и портьерами. Бао приказала служанкам Гуй-цзы и Хуань-ша снять с Ли И туфли и развязать ему пояс. Вскоре вошла Сяо-юй; говорила она нежным голосом, держалась мягко и кротко. Снимая свои одежды из тончайшего шелка, она смущалась, и смущение ее было очаровательным.

Опустив полог, они легли на одной подушке и слились в любовной радости. Ли И казалось, что *встречи на горе У и *у реки Ло, пожалуй, уступят их встрече.

Среди ночи Сяо-юй вдруг заплакала. Глядя на Ли И, она сказала:

— Я ведь простая певичка и сама знаю, что вам не пара. Сегодня я доверила свою красоту и любовь вашей доброте и мудрости. Но боюсь, что настанет день, когда красота увянет, а ваша милость и нежность ко мне исчезнут; и буду я тогда, как выходящее растение без опоры, как *веер, выброшенный осенью. В самый счастливый момент моей жизни незаметно подкралась печаль.

Слушая ее, Ли И не мог удержаться от растроганного вздоха; прижав ее голову к себе на плечо, он сказал с нежностью:

— Сегодня сбылась мечта всей моей жизни. Клянусь, что я не расстанусь с тобой. Пусть разрежут на куски мое тело и растолкут в порошок мои кости! Как ты, жена моя, могла произнести такие слова! Прошу тебя, дай мне кусок белого шелка, и я напишу клятву.

Сяо-юй отерла слезы и приказала служанке по имени Ин-тао поднять полог, зажечь свечу и подать Ли И кисть и тушечницу. Сяо-юй все свободное время играла на струнных инструментах и очень любила стихи и каллиграфию. Все ее ящички, кисти, тушечницы принадлежали когда-то князю Хо. Из вышитого мешочка она вынула кусок белого шелка длиной в три *чи и подала его Ли И. Талантливый юноша только коснулся кисти, и клятва была готова; он призывал в свидетели горы и реки, клялся луной и солнцем. Каждая фраза глубоко трогала своей нежностью и убедительностью. Кончив писать, Ли И велел Сяо-юй спрятать клятву в ящичек с драгоценностями.

С этих пор Ли И и Сяо-юй нежно любили друг друга, как зимородки, что парами летают в облаках. Два года прожили они, не расставаясь ни днем, ни ночью. Весною следующего года, когда опубликовали результаты столичных экзаменов, Ли И оказался первым в списке и получил назначение на должность архивариуса в уездном управлении уезда *Чжэнсянь.

В четвертой луне, собираясь отправиться на место своего назначения, Ли устроил прощальное пиршество в Дунло. Множество его родни из Чанъаня приехало на этот прощальный пир.

В это время конец весны, со всей его красотой, переходил уже в прелесть раннего лета. После того, как гости разошлись, сердца Ли И и Сяо-юй наполнились печалью.

— За ваше положение, талантливость и репутацию, — сказала Сяо-юй, — люди очень уважают вас, и наверняка много будет таких, которые захотят связать себя с вами брачными узами. К тому же у вас в доме есть почтенные родители, но в комнате вашей нет еще жены, избранной ими для вас. Когда вы уедете отсюда, то, конечно, вступите в выгодный брак, и клятва о верности станет пустыми словами; но у меня есть маленькая просьба, которую хотелось бы вам изложить. Я навсегда отдала себя вам, но не знаю, захотите ли вы выслушать меня.

В тревоге и изумлении Ли И спросил ее:

— Чем я провинился перед тобою, что ты говоришь мне такие вещи? Скажи мне, чего ты хочешь, и я обязательно уважу твою просьбу.

Сяо-юй ответила:

— Мне теперь восемнадцать лет, вам же исполнилось двадцать два; до тридцати лет вам жениться не поздно, остается, значит, еще восемь лет. Любовь всей моей жизни хочу я вложить в эти восемь лет. А потом ведь тоже не опоздаете сделать хороший выбор в знатном доме, чтобы все было как *между Цинь и Цзинь. Я же тогда отрешусь от всех мирских забот, остригу волосы, облекусь в монашеские одежды, — прежние мои желания ведь будут удовлетворены.

Смущенный и растроганный Ли И невольно заплакал:

— Когда я клялся ясным солнцем в жизни и после смерти быть верным тебе и дожить вместе с тобой до старости, то мне казалось, что этого еще слишком мало. Как же посмею я думать о других женщинах? Настоятельно прошу тебя: не сомневайся во мне и живи, как моя жена, спокойно ожидая меня. В восьмую луну я обязательно

приеду в *Хуачжоу и отправлю за тобой посланца; встреча наша будет не за горами.

Через несколько дней Ли И отправился на восток. Дней десять спустя после прибытия на место он попросил отпуск, чтобы посетить своих родителей в *Восточной столице. Не успел он еще доехать до дому, а уже мать решила женить его на двоюродной сестре из рода Лу и даже уговорилась с семьей девушки. Мать Ли И была женщина строгая и решительная, юноша не осмеливался противоречить ей, и ему оставалось только вежливо поблагодарить ее. Сразу же был назначен срок свадьбы.

Семейство Лу тоже было знатным и, выдавая дочь замуж, потребовало по договору миллион; меньше чем за эту сумму не соглашалось ее отдать. Семья Ли И давно уже обеднела, нужно было занять деньги, и юноша, обращаясь к родным и знакомым, пересек даже реки Цзян и Хуай; на все это ушло время с осени до весны. Ли И нарушил данную им клятву и сильно опаздывал с возвращением к Сяо-юй. Он ничего не давал ей о себе знать, надеясь, что она перестанет ждать его. Родных и друзей своих просил ничего ей не сообщать о нем.

Видя, что Ли И медлит с возвращением, Сяо-юй всячески пыталась хоть что-нибудь узнать о нем. Каждый день до нее доходили всякие пустые и противоречивые слухи. Сяо-юй обращалась к гадалкам, посещала шаманок, тревога ее и печаль все росли. Так прошло больше года. Она чахла от тоски в своей одинокой комнате и, наконец, тяжело заболела. Хотя писем от Ли И не было, но Сяо-юй все еще не теряла надежды. Она одаривала родных и знакомых, чтобы получить какие-нибудь новости о Ли И; на это уходило много средств, и Сяо-юй часто приходилось посылать своих служанок продавать потихоньку одежду и безделушки; чаще всего они ходили в лавку Хоу Цзин-сяня подле Западного рынка.

Как-то раз Сяо-юй велела служанке Хуань-ша отнести Цзин-сяню головную шпильку из пурпурной яшмы. По дороге служанка встретила старого придворного ювелира, который, увидев у нее в руках шпильку, узнал свою работу и сказал:

— Эта шпилька сделана мною. Младшая дочь князя Хо когда-то, собираясь делать высокую прическу, заказала мне шпильку и заплатила за нее десять тысяч монет. Я помню свою работу. А ты кто такая и откуда взяла эту шпильку?

Хуань-ша ответила:

— Моя молодая госпожа и есть дочь князя Хо. Семья разорилась, а госпожа моя подарила свою честь человеку, который уехал в Восточную столицу и не шлет о себе никаких вестей. Прошло уже два года; от огорчения и тревоги она заболела. Теперь вот приказала мне продать шпильку, чтобы можно было одарить людей, у которых она старается получить известия о нем.

Заплакав от жалости, ювелир сказал:

— Какие же они были знатные, а теперь потеряли все, вот до чего дошли! Я уже стар и, видя такую превратность судьбы, не могу совладать с печалью.

Старик привел служанку к дочери императора и рассказал той все. Растроганная рассказом Янь-сянь долго вздыхала и дала служанке за шпильку сто двадцать тысяч.

В это время Лу, невеста Ли И, была в Чанъане, а Ли И, собрав, наконец, нужные ему средства, вернулся к своей службе в Чжэнсянь. В *месяц жертвоприношений он снова попросил отпуск, чтобы побывать в Чанъане по своим брачным делам.

Тайно поселился он в тихом, уединенном месте, чтобы люди не знали о его приезде.

У Ли И был троюродный брат Цуй Цзю-мин, человек по природе очень добрый. Прежде он часто бывал вместе с Ли И у Сяо-юй, пил с ними, смеялся, беседовал. Каждый раз, когда он узнавал что-нибудь о Ли И, то сообщал об этом Сяо-юй. Сяо-юй часто посылала Цуй Цзю-мину дрова и одежду, и тот был очень благодарен ей. Теперь, когда Ли И приехал в Чанъань, Цуй Цзю-мин все рассказал о нем Сяо-юй. Она воскликнула в отчаянии:

— Может ли такое случиться на свете!

Сяо-юй просила своих родных и знакомых обязательно уговорить Ли И, чтобы он пришел к ней. Но Ли И, помня, что он опоздал

к сроку и нарушил клятву, и зная, что Сяо-юй безнадежно заболела от горя, стыдился своей жестокости и ни за что не соглашался пойти к ней. Он рано уходил из дому и поздно возвращался, чтобы избежать ее посланцев.

Сяо-юй днем и ночью лила слезы, забывала есть и спать, мечтала лишь о том, чтобы повидать его еще хоть раз, но не знала, как это сделать. Тоска ее и гнев росли с каждым днем; вскоре она уже не могла подняться с постели.

В это время в Чанъане постепенно стали узнавать обо всей этой истории. Чувствительные сердца были растроганы преданностью Сяо-юй, люди с благородным сердцем возмущались низостью Ли И.

Наступила третья луна, и часто устраивались веселые прогулки. Ли И вместе с пятью-шестью приятелями направился в храм Высокого почитания полюбоваться на цветение пионов. Они прогуливались вдоль восточной галереи, импровизировали стихи. С ними был близкий друг Ли И, некий Вэй Ся-цин из Цзинчжао. Обращаясь к Ли И, он сказал:

— Погода сегодня чудесная, деревья и травы в роскошном убранстве. Жаль мне Хо Сяо-юй, которая горюет в своих одиноких покоях! Вы действительно жестокий человек, если смогли ее так бросить. Благородный муж так не поступает. Надо бы вам призадуматься над этим!

В то время как Вэй Ся-цин уговаривал Ли И, к ним приблизился мужчина, по виду отважный герой, прислушивавшийся к их разговору. Он был одет в изящную, но скромную одежду и держал под мышкой лук; лицом он был красив, как бессмертный дух. За ним следовал слуга — мальчик-иноземец. Внезапно незнакомец сложил руки для приветствия и обратился к Ли И:

— Не вы ли господин Ли И — десятый в роду? Я сам из *Шаньдуна и прихожусь вам дальним родственником по женской линии. Хотя и нет у меня литературных талантов, но я всегда наслаждаюсь чужой мудростью. Давно преклоняюсь перед вашей славой и все мечтал повидать вас. И вот сегодня произошла счастливая встреча, я удостоился повидать вас. Жалкое мое жилище неподалеку отсюда, есть там музыка, чтобы усладить ваш слух, восемь-девять красивых деву-

шек, десяток хороших коней, — все, что изволите пожелать. Очень хотел бы, чтобы вы удостоили меня посещением.

Приятели Ли И слышали это предложение и нашли его превосходным. Следуя за незнакомцем, они быстро проехали несколько улиц и достигли улицы Шэн-е. Так как поблизости был дом Сяо-юй, то Ли И не хотел проезжать мимо него и под каким-то предлогом уже повернул было голову коня. Но незнакомец сказал:

— До скромного жилья моего совсем рукой подать. Можно ли допустить, чтобы вы бросили нас?

Он схватил коня Ли И за поводья и насильно повел; вскоре они приехали к дому Сяо-юй. Совершенно смущенный и расстроенный Ли И старался повернуть коня назад. Но незнакомец сейчас же приказал нескольким слугам втащить Ли И в дом. Когда его втолкнули в главные ворота, незнакомец распорядился запереть их и закричал:

— Ли И прибыл!

Раздались радостные возгласы, которые были слышны даже с улицы.

А накануне вечером Сяо-юй приснилось, что какой-то мужчина привел к ней Ли И, усадил его на циновку и велел Сяо-юй снять с него туфли. Проснувшись, она рассказала об этом сне матери, а затем сама разъяснила значение сна: *«Туфли» — это «согласие». Муж и жена снова свидятся. «Снять» — значит «расстаться», то есть встретимся и расстанемся, и это уже навеки. Из этого следует, что мы скоро должны встретиться, а после встречи я умру.

На рассвете Сяо-юй попросила мать дать ей одеться. Мать, решив, что долгая болезнь затуманила мозг Сяо-юй, не придавала этому значения. Сяо-юй упорно настаивала, и тогда мать стала одевать ее и только кончила, как вдруг, действительно, прибыл Ли И.

Сяо-юй все время была так слаба, что нуждалась в помощи, если лежа ей нужно было повернуться на другой бок. Но услышав неожиданно о прибытии Ли И, она сама поспешно поднялась, поправила одежду и выбежала, словно одержимая.

Встретившись лицом к лицу с Ли И, она сдержала гнев и молча устремила на него пристальный взгляд. Похудевшая, хрупкая, прелест-

ная, она, казалось, не могла вынести этой встречи и по временам закрывала лицо рукавом, но все же глядела на Ли И. Все, кто были при этом, так растрогались, что начали тяжело вздыхать.

Вскоре принесли вино и несколько десятков блюд с закусками. Все удивленно поглядели и спросили, откуда это и зачем; оказалось, что это доставил незнакомец. Тогда вино и угощение расставили и уселись вокруг. Повернувшись к Ли И, Сяо-юй долго смотрела на него, затем подняла чарку с вином и, отпив, сказала:

— У меня, женщины, — такая несчастная судьба. У вас, мужчины, — такая неверная душа. В расцвете молодости и красоты я умираю с ненавистью в сердце. Мать моя еще жива, но я не могу служить ей. Вышивки мои и струнные инструменты отныне будут вечно отдыхать. С глубокой болью иду я к *желтым истокам. Всему этому вы причиной, Ли И! Сегодня нам придется расстаться навсегда! После смерти своей я сделаюсь злым духом и не дам вашим женам и наложницам ни минуты покоя!

Левой рукой она схватила его за плечо, бросила чарку на землю, вскрикнула несколько раз голосом полным скорбной муки и умерла. Мать подняла ее тело и положила его в объятия Ли И, приказав ему *окликнуть ее, но Сяо-юй не ожила.

Ли И носил по ней траур, днем и ночью лил о ней слезы в глубокой скорби. Вечером, накануне дня ее похорон к Ли И внезапно явилась Сяо-юй, очаровательно красивая, совсем как при жизни. На ней была гранатового цвета юбка, платье пурпурного цвета и красная с зеленым накидка. Касаясь полога, она играла своим расшитым поясом; взглянув на Ли И, сказала ему:

— То, что вы удостоили меня проводами в последний путь, означает, что у вас осталось еще чувство ко мне, и я смогу не горевать в царстве мертвых. Умолкла и исчезла.

На следующий день ее похоронили. Ли И сидел на ее могиле и долго плакал, потом вернулся к себе.

Прошло немного больше месяца, и он женился на Лу, но печаль по Сяо-юй не давала ему возможности радоваться.

Летом, в пятую луну, он с женой вернулся в Чжэнсянь. Через

десять дней после приезда Ли И спал в одной комнате с Лу и вдруг услышал за пологом какой-то шорох. Встревожившись, Ли И выглянул и увидел мужчину лет двадцати, красивой и изящной внешности, который, спрятавшись за пологом, манил к себе Лу. Ли И поспешно вскочил и несколько раз осмотрел все вокруг, но мужчина этот моментально исчез.

С этих пор Ли И, затаив в душе подозрение, ревновал жену по малейшему поводу; жизнь мужа и жены стала совершенно невыносимой. Родственники начали утешать Ли И, и он постепенно успокоился.

Прошло еще дней десять. Однажды, когда Ли И пришел домой, Лу, сидя на диване, играла на *цине; внезапно он увидел, что на колени к Лу упала брошенная кем-то из-за дверей золотая коробочка для украшений, размером в один с чем-то чи; на вставленном в середину кусочке тонкого шелка были изображены два сплетенных сердца. Открыв коробочку, Ли И увидал там два *любовных семени, одного кузнечика и немного *любовного зелья.

Ли И завопил от ярости, как разъяренный тигр, и стал бить жену, требуя, чтобы она призналась ему во всем. Но Лу ничего не могла понять.

С этих пор Ли И стал очень жестоко обращаться с ней, часто бил ее, мучил и терзал, так что в конце концов она обратилась в суд и оставила Ли И.

Ли И после ухода Лу некоторое время делил ложе со своими служанками и наложницами, но все больше и больше ревновал их; одну из них он из ревности даже убил.

Побывав как-то в *Гуачлине, Ли И сошелся с известной певицей по имени Ин-одиннадцатая, очаровательной наружности, и очень был увлечен ею. Не раз, сидя с Ин, Ли И рассказывал ей:

— Я как-то в одном городе сошелся с некой певицей, но она совершила преступление передо мною, и я по закону убил ее.

Он часто рассказывал это Ин, чтобы запугать ее и заставить сохранить верность ему.

Уходя из дому, он заставлял Ин ложиться в постель, набрасывал на нее всякий домашний хлам, обходил все углы дома, клеивал

все окна, двери и щели бумагой, на которую ставил свою печать. Вернувшись, обязательно все тщательно осматривал и, лишь убедившись, что ничего не тронuto, освобождал Ин.

Он носил с собой очень острый меч и, показывая его своим слушанкам, говорил:

— Это сделано из *синьчжоуского железа' специально, чтобы рубить головы преступникам!

Словом, Ли И смотрел на женщин со все более возрастающей ревностью и недоверием. Три раза был женат, и со всеми женами обращался, как с первой.

ЧЭНЬ ХУН

ПОВЕСТЬ О БЕСКОНЕЧНОЙ ТОСКЕ¹

В годы правления *«Кайюань» в Китае царил мир и порядок, на всех границах было спокойно. Император Сюаньцзун много лет уже был на престоле. Надоело ему *поздно питаться и до рассвета облачаться; он перестал заниматься делами правления, полностью переложил их на своего помощника правой руки, а сам, удалившись в покои, предавался удовольствиям и устраивал пиры, услаждая себя музыкой и красавицами.

Императрица Юань Сянь и фаворитка У-шу, бывшие прежде у него в большой милости, теперь умерли одна за другой. Хотя в императорских дворцах были тысячи девушек из знатных семей, но ни одна из них не радовала взора Сюаньцзуна, и в душу императора нечаянно закралась печаль.

В те годы он каждую десятую луну ездил во *дворец Пышности и чистоты, его сопровождали туда знатные дамы, являвшиеся по первому приказанию во всем лучезарном блеске своей красоты.

Утром, когда солнце играло в ряби на воде, красавицам разрешалось купаться в *Теплых источниках; легкий ветерок ласкал чудотворную влагу, и озеро казалось живым. А душа императора была полна томленьем, словно ждал он желанной встречи. Он смотрел по сторонам направо и налево, вперед и назад — красавицы повсюду, но все не по душе ему, слишком обычны. Он приказал *Гао Ли-ши тайком подыскать ему красавицу в чужих гаремах; и тот увез от *наследника престола Шоу девушку, которая только что *стала закалывать при-

¹ Новелла помещена в 486-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

ческу. Это была дочь Ян Сюань-аня из *Хуннуна. Блестящие волосы уложены в изящную прическу, прекрасно сложена, в движении и в покое — само очарование. Она напоминала собою *Ли — супругу ханьского Уди. Приказав специально для нее устроить купанье в водах тепло источника, император милостиво разрешил ей омываться там.

Когда она впервые вышла из воды, нежное тело ее обессилело, словно трудно ей было нести на себе тяжесть шелковых одежд. Освещенная солнцем, она казалась лучезарной, и каждое ее движение привлекало внимание. Государь пришел в восторг. В тот же день ее привели к нему, и была сыграна в ее честь мелодия *«Платье из радуги, одежда из перьев». А в тот вечер, когда они поклялись в вечной любви, он подарил ей золотую шпильку и золотой ящичек для головных украшений, чтобы закрепить любовь, и велел еще изготовить золотые подвески и драгоценные головные украшения.

*На следующий год она была занесена в список *«Гуй-фэй», наложниц первого разряда, и стала делить с императором его власть на правах полуимператрицы. С этих пор своей красотой, умными приветливыми речами и тысячью прелестных ухищрений она старалась угождать императору; и любовь его к ней все росла. Когда император ревизовал *девять областей и приносил *жертвы пяти Священным горам: снежными ночами на *горе Ли и весенними утрами в *Шаньяне, она ездила в одной колеснице с ним, жила в одном помещении, ела с ним вместе, а ночью служила ему в покоях.

У императора Сюаньцзуна было три первых жены, девять вторых, двадцать семь третьих и восемьдесят одна четвертая. Кроме того, во дворцах у него было множество красавиц, певиц и гетер, но теперь у Сюаньцзуна для них не находилось ни взгляда, ни дум. С этой поры он уже не удостаивал своим посещением жительниц *шести дворцов. Ян гуй-фэй превосходила их всех не только своей поразительной красотой и изысканными манерами, но и умом, талантом и красноречием.

Старший ее дядя, отец и братья получили высокие посты при дворе и стали титулованными особами. Сестры ее были выданы замуж за знатных вельмож и получили в приданое большие уделы.

Семья Ян гуй-фэй была богата и знатна; одежда, экипажи, лошади у них были поистине царскими, образ жизни — княжеский. По мере увеличения императорских милостей росло и могущество семьи Ян. Они свободно входили и выходили из императорских дворцов, без всякого контроля. Высшие сановники и знатные вельможи завидовали им, поэтому в те дни появилась песенка, в которой говорилось:

*Родится дочь — так ты не огорчайся,
А сын родится — ты не веселись.

И еще так говорилось:

Хоть сын в князья не вышел твой,
Зато уж дочь опорой служит прочной.

Вот как завидовали ей люди.

В конце годов *«Тяньбао» Го-чжун, родной брат Ян гуй-фэй, благодаря ей пролезший на должность главного советника, уже распорядился государственными делами, как хотел. Тогда пограничный наместник западных областей *Ань Лу-шань повел свои войска против дворцовой знати под предлогом изгнания Ян гуй-фэй. Императорским войскам не удалось удержать крепость в *Тунгуань, и они стали отходить. Отойдя от *Сяньяна, император отправился в *Мавэй. В войсках начались волнения, и они стали выходить из повиновения.

Сопровождавшие императора сановники пали перед ним ниц, прося казнить главного советника, как некогда казнили *Чао Цо, чтобы этим успокоить страну. Го-чжун получил повеление покончить с собой и удавился на дороге. Но окружающие не были еще удовлетворены, и когда император спросил, чего они хотят, то нашлись смельчаки, потребовавшие смерти Ян гуй-фэй, чтобы утолить народную ненависть. Император понимал, что выхода нет, но он не мог смотреть на то, как она будет умирать, и отвернулся. Закрыв лицо рукавом, он приказал вывести ее и удалился. Ян гуй-фэй в страхе молила о пощаде, но в конце концов приняла смерть от тонкого шелкового шнура, стянувшего ее шею. Император Сюаньцзун после всего этого прибыл в *Чэнду, отказавшись от трона в пользу сына *Суцзуна, вступившего на трон в *Линь.

На следующий год была объявлена всеобщая амнистия, название годов правления было изменено, и *император вернулся в столицу. Сюаньцзун, приняв титул государя-отца и правящего императора, поселился в *Южном дворце; оттуда он переехал в *Западный дворец.

Шло время, чередовались события, кончилась радость, пришло горе. Наступали весенние дни, проходили зимние ночи, раскрывались лотосы в прудах летом, опадали листья акации во дворце осенью, флейтисты *«Грушевого сада» играли мелодию «Платье из радуги», но лицо Сюаньцзуна оставалось печальным, и все вокруг вздыхали. Три года он жил одной мыслью, воспоминания о Ян не оставляли его. Мечтал о том, чтобы душа ее явилась ему во сне, но мечта не сбывалась.

В это время из *Шу прибыл *даос. Узнав, что сердце бывшего властителя до такой степени заполнено мыслью о Ян гуй-фэй, он сказал, что владеет *искусством Ли Шао-цзюня. Сюаньцзун очень обрадовался и приказал ему вызвать дух Ян гуй-фэй. Даос усердно стал творить свои заклинания, но дух не являлся. Владея волшебством возноситься в небо и углубляться в недра земли, даос оседлал ветер и отправился в обитель духов. Обшарил небесные сферы, проник в подземное царство, всюду искал ее, но нигде не нашел. Искал в пустотах под землей и на небе; наконец, он добрался до *Пэнху, что в море на крайнем востоке. Там увидел гору бессмертных, на ней многоэтажный дворец, внизу волшебные гроты; повернул на восток — запертые ворота, на них надпись: «Чертог Ян гуй-фэй — *великой праведницы».

Даос постучал в ворота, на стук выбежала молоденькая прислужница. Не успел он еще объяснить ей, в чем дело, как она исчезла, и тотчас же к нему вышла служанка в лазоревых одеждах, осведомившаяся, откуда он явился. Даос объяснил ей, что он посланец императора Сюаньцзуна династии Тан и прибыл сюда по его приказу. Служанка сказала:

— Госпожа сейчас как раз поживает, прошу вас немного обождать.

Двойные двери из драгоценной яшмы были плотно закрыты, не было слышно ни звука. Даос почтительно стоял у дверей, сложив руки для приветствия, боялся даже дышать. Долго он ждал так, но вот, наконец, опять вышла та, в лазоревом платье, и возвестила:

— Вот госпожа.

Даос увидел женщину с золотыми лотосами в волосах, в платье из пурпурного шелка, на поясе у нее висели подвески из красной яшмы; она вела за собой феникса; справа и слева шло семь-восемь слуг. Поклонившись даосу, она спросила, здоров ли государь, затем осведомилась, окончились ли уже *события четырнадцатого года «Тяньбао». Когда даос все рассказал, она опечалилась; велела служанке в лазоревых одеждах взять золотую шпильку и ларец для украшений, сломала каждую вещь пополам и вручила обломки посланду Сюаньцзуна, сказав при этом:

— Поблагодари от меня государя и почтительно вручи ему это в память о нашей прежней любви.

Даосу, принявшему ее поручение, нужно было бы уже уходить, но вид у него был не совсем удовлетворенный. Ян гуй-фэй, конечно, заметила это и спросила, в чем дело. Став на колени, даос ответил:

— Прошу вас, расскажите мне какой-нибудь случай из вашей жизни, о котором бы никто другой, кроме императора, не знал; пусть это послужит знаком для вашего бывшего властелина. Иначе, пожалуй, этот ларец и золотую шпильку он сочтет подделкой, а мой рассказ о вас выдумкой.

Ян гуй-фэй стояла в смущении и раздумывала, а затем, словно решившись, медленно заговорила:

— Однажды в *десятом году «Тяньбао» мы с государем скрывались от жары во дворце на горе Ли. В седьмую луну, в ту самую ночь, когда *Пастух и Ткачиха приходят на свидание, по обычаям жителей *Цинь всюду на ночь раскладываются и развешиваются парча, вышивки и цветные гирлянды, расставляются вина, закуски и фрукты, курятся ароматы в главных залах, а девушки просят Ткачиху научить их ее искусству. Это свидание в небесах особенно хорошо наблюдать между строениями во дворцовом дворе.

Когда ночь уже близилась к середине, слуги и стража были отпущены и оставались в восточном и западном флигелях, а мы с государем стояли вдвоем во дворе. Государь стоял, опершись на мое плечо, и мы смотрели на небо. Вспоминая трогательную историю Пастуха и

Ткачихи, мы дали тайную клятву друг другу быть мужем и женой на веки вечные. Поклявшись, мы взялись за руки и заплакали. Об этом никто, кроме государя, не знает.

— Ах, зачем я вспомнила об этом, — стала сокрушаться она. Теперь мне не жить здесь спокойно. Хочу опять на землю, чтобы продолжить нашу связь и в будущей жизни. Или на небе, или в мире смертных, а я должна свидеться с ним и соединиться, как прежде!

Даос стал утешать ее:

— Государю-отцу тоже ведь недолго осталось жить среди людей. Не беспокойтесь же и не мучьте себя так.

Даос вернулся и сообщил обо всем Сюаньцзуну; тот впал в уныние и по целым дням тосковал. *Летом того же года, в четвертую луну, он скончался в Южном дворце.

Зимой, в двенадцатую луну первого года *«Юаньхэ» *Бо Лэ-тянь из *Тайюаня прибыл цензором в Чжоучжи. Я, *Хун, и Ван Чжи-фу из *Ланея как раз жили тогда в этом городе, и как-то в свободное время мы втроем поехали в храм Прогулок бессмертных. Речь зашла об этой истории, и мы вместе вздыхали над ней.

Чжи-фу поднес вина Лэ-тяню и сказал:

— Ведь если исключительные события не будут описаны кистью гениев, то с течением времени они исчезнут из памяти и сказания о них не дойдут до последующих поколений. Вы, Лэ-тянь, — талантливый поэт и человек большого чувства. Что вам стоит написать песню об этом? Как вы на это смотрите?

И Бо Лэ-тянь написал тогда свою «Песнь бесконечной тоски». Он хотел этой песней не только растрогать слушателей, но и предостеречь красивых женщин, пресечь причину волнений и оставить ее в назидание потомкам.

Сочинив эту песнь, он просил меня написать к ней пояснение. Не будучи человеком эпохи «Кайюань», я не смог изложить в пояснении всего того, что в мой век никому уже неизвестно. А то, что известно всем, содержится в книге о *«Деяниях Сюаньцзуна». Поэтому я здесь рассказал только то, что относится к «Песне о бесконечной тоске», которая звучит так:

Красавицами разными владея,
*Властитель ханьский правил очень долго,
Но девушку не мог найти на свете,
Подобную *«крушившей царство» деве.
А в доме Яна выростала дочка;
Она похорошела, повзрослела.
Отец ее скрывал в покоях дальних,
Чтоб ничего о ней не знали люди.
Ее краса была небесным даром,
И скрыть ее от света было б трудно...
Однажды утром девушку избрали,
Чтобы служить особе государя.
С ее улыбкою родятся сразу
Сто прелестей, которым нету равных:
Красавицы в дворцах ее владыки
Мгновенно меркнут, блекнут перед нею.
Она купалась раз весенним утром
В прозрачных водах озера большого,
И быстрые резвящиеся струи
Ласкали тело девушки прекрасной.
Взяв под руки, ее вели служанки,
Из вод она на берег выходила,
Владыка в этот миг ее увидел
И пламенной любовью был охвачен.
Был локон девы облаку подобен,
Подвески золотые трепетали...
За пологом из лотосов нежнейших
Она с владыкой ночи проводила.
Как жаль, что ночи коротки весной!
Как жаль, что солнце всходит в небе рано!
И государь, забыв обычай прежний,
С утра своих вельмож не созывает...
Она ему служила за пирами,
Ни на минуту с ним не расставалась,
Он днем в садах весенних с нею бродит,
Он по ночам ее не покидает.
В дворцах его есть много дев прелестных.
Их тысячи. Он их любил когда-то,
Но всю любовь, всю милость, все вниманье
Он только ей отныне отдает.
Ночами, сделав новую прическу,

Служила в государевых покоях.
Окончен пир, — на яшмовой террасе
Они сидят, пьянея от весны;
Приблизил царь сестер ее и братьев;
Благодаря вниманию владыки
Родители ее — врагам на зависть —
В довольстве, в уважении живут.
И матери по всей земле китайской
Теперь мужьям твердят одно и то же:
Иметь мы сына вовсе не желаем,
Мы дочь хотим — такую же — иметь!
В высотах горных Ли — дворец владыки,
Вонзаясь в тучи синие стоит он.
Напев бессмертных легкий ветер носит, —
Повсюду этот слышится напев.
Звучат там флейты и трепещут струны,
Плавны там пляски и нежны там песни. . .
С любимой государь проводит время, —
Все на нее глядит — не наглядится. . .
Но вдруг в *Юйяне барабан ударил, —
Потряс всю землю грохот барабана,
И в тот же миг повергнутая страхом
«Одежд из перьев» песня умерла.
У девяти ворот дворцовых пыльно,
Теснятся там наездники, повозки;
Они, поспешно город оставляя,
Стремятся убежать на юго-запад. . .
Кольшатся знамена войск, вперед идущих,
Остановились вдруг. И войско встало:
То подняли мятежные солдаты
Восстание вблизи дворца владыки.
Обворожительна, с прекрасными бровями
Перед его конем лежит она недвижно.
Убор ее цветочный наземь брошен. . .
Кто оживит его, опять подымет?
Из яшмы гребень, шпильки золотые,
Убор ее — все грусть в царя вселяет. . .
Лицо закрыв, владыка отъезжает:
Он ей помочь теперь не в состоянии. . .
Но вздрогнул государь, взглянул назад он
И увидал: там льются кровь и слезы.

Свистящий ветер раскидал, развеял
До самых облаков мостки крутые
Поднявшиеся тучи желтой пыли.
Проходят от утеса до утеса.
*Мечей там замок. А *Эмэй вершины
Лежат, дотоле людям недоступны.
У той вершины угасает солнце,
У той вершины знамя блеск теряет,
Там Шу, река, проносится, синяя,
Там темные вздымаются громады.
Владыка там тоскует дни и ночи.
Длинные они... Живет в дворце походном.
Он на луну глядит в тоске и горе, —
Скорбящему она терзает душу.
И колокольцев звон в ночи глубокой
Вновь бередит ему былую рану.

* * *

Быстро движется месяцев круговорот,
Государь возвратился обратно.
Он в раздумьи глубоком в Мавэе стоял, —
Разве сможет уйти он отсюда?
Как печальны высокие горы Мавэй!
Все тут ныне в пыли, в запустеньи,
И не видно нигде дорогого лица,
Только память в душе об убитой.
Царь и свита с тоской друг на друга глядят.
И от слез их намокли одежды...
Вот они направляют коней на восток
По знакомой дороге в столицу.
Он увидел, вернувшись, озера, сады —
Все попрежнему, все, как бывало.
Те же лотосы в озере были в *Тайи
Те же ивы — в *Вэйянском дворце.
Лотос — будто бессмертной любимой лицо,
Ива — будто бы брови любимой.
Если все на земле лишь о ней говорит,
Разве можно сдерживать свои слезы?
Слышно ветер весенний внезапно подул, —
Зацвели абрикосы и сливы...

Ночью дождик осенний в ветвях прошумел,
И осыпались листья *удуна...
Дни проходят, и в южных дворцовых садах
Вырастают осенние травы.
На ступенях опавшие листья шумят —
Их теперь выметать и не нужно.
«Сада груш» музыкантов уже не узнать —
Побелели их волосы ныне;
И в душистых покоях стареют теперь
Позабитые царские жены.
А по залам дворцовым летят светлячки...
Тяжелы государевы думы...
Догорает, почти потухает свеча,
Сон не трогает веки владыки...
Гулко, медленно колокол бьет вдалеке —
Это долгая ночь наступает...
Потухают последние звезды, и вновь
Появляется солнце на небе.
Вот уж *утки застыли в резьбе черепиц,
Давит иней на них серебристый...
Только кто же теперь, как в былые года,
Будет ложе делить с государем?
У живых и у мертвых различны пути,
Целый год с той поры миновал уж,
Но ни разу доныне любимой душа
Государю во сне не являлась.

* * *

*Линьцунский гость —
Даосский мудрый старец
Мог вызывать на землю души мертвых.
Он тронут был
Тоскою государя
И обещал
Мечту его исполнить.
Седлал эфир,
Пронесся по пустотам;
Как молния,
Прошел он землю, небо.
И синь небес,
И *желтые истоки

Прорезал он, —
Но не нашел любимой...
Вдруг услышал,
Что есть в туманном море
Гора бессмертных,
Скрытая в пещерах.
На той горе
Стоит дворец прозрачный,
А в замке том —
Бессмертные богини.
Одна из них —
Тай-чжэнь она зовется —
Лицом — цветок.
А кожей — чище снега.
Даос стучится
В яшмовые двери,
Он просит слуг,
Чтоб ей о нем сказали.
Тай-чжэнь спала,
Но, услышав о госте,
Поднялась и
Гонцу навстречу вышла.
Была у ней
Неубрана прическа,
Она рукой
Придерживала платье.
Вдруг вихрь подул,
Он рукава раздул ей,
Как будто в танце
Вновь она предстала...
Лицо спокойно,
Только слезы льются —
Так груши ветвь
Дождя роняет капли.
Сквозь грусть она
Благодарит владыку...
Передает:
Туман мешает встречам.
Любовь погибла
В замке *Чжаоянском,
А на *Пэнлае

Так длинны недели.
Она взглянула вниз,
Где жили люди,
*Чанъань исчез,
Пред нею пыль клубилась...
Так пусть царю
О чувствах скажут вещи!
Она дала даосу
Легкий ларчик.
Затем вручила
Шпильку золотую.
Себе от них
Кусочки отломил.
— Пусть помнит царь,
Что сердце тверже золота,
Мы встретимся
Не на земле, так в небе!
Он говорил
Слова любви когда-то,
Он клятву дал —
Лишь нам двоим известна!
Седьмой луною
В полночь в зале *Чаншэн
Он говорил, —
Никто нас не подслушал.
Нам в небе стать
Двумя крылами птицы,
А на земле —
Раздвоенною веткой.
Земли конец
Когда-нибудь настанет,
Тоске любви
Предела быть не может.

ЮАНЬ ЧЖЭНЬ
ПОВЕСТЬ ОБ ИН-ИН¹

В годы *«Чжэньюань» жил некий студент по фамилии Чжан. Это был человек мягкий, с утонченной душой; обладатель элегантной и красивой внешности; нравственные устои его были твердые и строгие: всего, что противоречило бы правилам достойного поведения, он чуждался.

Когда друзья Чжана устраивали прогулку и попойки, случалось и ему участвовать в них, но в то время, как другие шумели и буйно веселились, словно боясь упустить случай, Чжан только делал вид, что развлекается со всеми, на самом же деле никогда не забывался, как остальные. Так и получилось, что он достиг двадцати трех лет и никогда еще не был близок с женщинами. Знавшие об этом допытывались у него, в чем же причина. Чжан в свое оправдание отвечал им:

— Вот, скажем, *Дэн Ту-цзы, он ведь не то, чтобы по-настоящему любил женскую красоту, а просто-напросто был развратным человеком. Я же искренне люблю женскую красоту, но мне еще не случилось встретиться с такой, которая сумела бы покорить мое сердце. Как бы мне объяснить вам это? Попадись мне исключительная красавица, я бы никогда не отказался сохранить к ней привязанность в своем сердце. Из этого можете заключить, что я не из тех, кто легко забывает сердечные чувства.

И те, кто спрашивал его, удовлетворялись этим объяснением.

¹ Новелла помещена в 488-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

Как-то Чжан поехал в город *Пу. В десяти с чем-то *ли к востоку от Пу находился буддийский монастырь, носивший название обители Всеобщего спасения; *Чжан остановился там. Случилось так, что в это время некая вдова по фамилии Цуй, возвращаясь в *Чанбань, проезжала через Пу и остановилась в том же монастыре. Госпожа Цуй происходила из рода Чжэн. Мать Чжана тоже была из рода Чжэн. Проследив родство, выяснили, что вдова Цуй приходится Чжану теткой по женской линии.

*В том году в Пу умер полководец *Хун Чжэнь. Его помощник, некий Дин Вэнь-я, плохо обращался с воинами. Воспользовавшись похоронами полководца как удобным моментом для мятежа, воины подняли бунт и начали жестоко грабить жителей Пу.

Семья Цуй путешествовала в сопровождении большого количества слуг и везла с собой множество ценных вещей. Оказавшись проездом в чужом месте, путешественники дрожали от страха, не зная, к кому обратиться за помощью.

Еще до этого Чжан был в приятельских отношениях с друзьями командира войск в Пу. Через них он попросил, чтобы его родственникам дали надежную охрану, и, таким образом, беспорядки не коснулись их.

Дней десять спустя в Пу прибыл неподкупный уполномоченный императора Ду Цюэ и привез императорский указ, предписывающий ему взять в свое ведение все военные дела. Ду Цюэ издал приказ по войскам, и порядок был восстановлен.

Госпожа Цуй была бесконечно благодарна Чжану за оказанное благодеяние; она приготовила угощение, *приняла юношу в среднем зале и обратилась к нему:

— Я, ваша тетка, одинокая вдова, вопреки долгу супружеской верности пережившая своего мужа, осталась с малыми детьми на руках. К несчастью, я попала в страшный водоворот военного бунта и, конечно, никак не могла бы спастись; тем, что я, мой маленький сын и юная дочь остались живы, мы все обязаны вам. Разве можно такую услугу сравнить с обычным одолжением! Сейчас я позову моих детей, чтобы они засвидетельствовали свое уважение вам, их старшему брату

и благодетелю, и хоть в какой-то мере поблагодарили вас за милость к ним!

Она позвала сына Хуань-лина, милого, славного мальчика лет десяти. Затем позвала дочь:

— Выйди и поклонись твоему старшему брату, он спас тебе жизнь.

Прошло некоторое время, и тогда только Ин-ин, не выходя из-за перегородки, попросила извинить ее, ссылаясь на нездоровье. Мать сердито сказала:

— Твой старший брат Чжан спас тебя. Если бы не он, тебя бы похитили. Как же ты можешь отказываться выйти к нему, боясь того, *что тебя осудит людская молва!

Немного погодя Ин-ин вышла, скромная, в будничном платье, без всяких украшений; волосы не были закручены в прическу, брови нахмурены, румяна со щек сошли. Лицо ее было прекрасно, прелесть ее волновала сердце. Пораженный Чжан приветствовал ее. Так как Ин-ин вышла по принуждению, то, сев рядом с матерью, она устремила вперед остановившийся взор и выглядела такой расстроенной, что казалось вот-вот упадет без чувств. Чжан спросил сколько ей лет. Мать ответила:

— Она родилась в седьмом месяце *пятого года правления нынешнего императора, так что *сейчас ей семнадцать лет.

Чжан старался понемногу вовлечь Ин-ин в разговор, но девушка молчала. Так и кончилось это первое знакомство.

С этого времени совершенно покоренный ею Чжан все думал о том, как бы дать ей понять о своих чувствах, но не имел возможности сделать это.

Служанку семьи Цуй звали Хун-нян. Когда никого кругом не было, Чжан не раз здоровался с ней и, наконец, улучил случай излить ей свою печаль. Ошеломленная служанка от смущения лишилась дара речи и убежала. Чжан уже пожалел о том, что сделал. На следующий день служанка опять пришла. Чжан чувствовал себя неловко и, извинившись перед ней, больше уже не заговаривал о том, что волновало его. Но служанка сама сказала ему:

— Ваши слова, сударь, я не посмела передать барышне и не решусь повторить их никому другому. Но ведь ваше родство с семьей Цуй установлено совершенно точно. Так почему бы вам не воспользоваться этим счастливым обстоятельством и не посвататься?

Чжан ответил на это:

— С детства у меня не было стремления к сближению с женщинами; даже когда я находился в компании молодых кутил, и то никогда не заглядывался на женщин. До последнего времени я избегал этого; но тут при первой же встрече я почти не мог владеть собой. В последние дни, когда я иду — забываю, где остановиться, когда ем — забываю насытиться. Боюсь что не смогу и дня прожить. Если же устроить свадьбу через сваху, то *обмен брачными подарками и именами займет месяца три, и к тому времени я утоплюсь с тоски и мои останки придется искать по лавкам, торгующим сушеной рыбой. Зачем же ты даешь мне такой совет!

На это служанка ответила:

— Защитой барышни служат ее целомудрие и сдержанная осторожность; даже те, к кому она относится с почтением, не смеют оскорбить ее неподходящим словом, советы же простой служанки очень трудно заставить ее выслушать. Но она искусно сочиняет стихи и постоянно повторяет их нараспев, печально устремив вдаль скорбный и горящий взор. Попробуйте, сударь, смутить ее покой чувствительными стихами. Если не это, то другого способа я не вижу.

Чжан очень обрадовался; тут же написал два станса *«Весенних строф» и отдал их Хун-нян.

В тот же вечер служанка снова пришла к Чжану и вручила ему изящный листок тонкой бумаги, сказав при этом:

— Барышня велела передать вам.

На листке были написаны стихи:

Ясная луна ночью пятнадцатого числа:

Под западным флигелем жду я луны,
Ветром слегка приотворена дверь.
Двигутся тени цветов на стене,
Кажется мне — дорогая идет.

Чжану показалось, что он понял, что этим хотела сказать Ин-ин. В этот вечер было четырнадцатое число второго месяца. К востоку от помещения, занимаемого семьей Цуй, росло абрикосовое дерево, по которому можно было забраться на стену.

И вот вечером пятнадцатого числа Чжан влез на дерево и перескочил через стену. Когда он подошел к западному флигелю, то оказалось, что дверь была приоткрыта. Хун-нян спала на своей постели. Чжан разбудил ее.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила в испуге Хун-нян.

Тут Чжан обманул ее:

— Письмо твоей барышни приглашало меня. Пойди, скажи ей, что я здесь.

Чжан, и радуясь, и волнуясь, надеялся, что непременно добьется успеха. И вот вошла Ин-ин; она была строго одета, лицо было полно достоинства. Она обратилась к Чжану с суровой отповедью:

— Благодеение, оказанное старшим братом, спасшим нашу семью, конечно; огромно! Поэтому-то моя добрая матушка и доверила вам своих детей и заставила нас выразить вам свою признательность лично. Зачем же вы прибегли к услугам бессовестной служанки и прислали мне непристойные стихи? Вы начали с того, что проявили благородство, защищая нашу семью от надругательства, а кончаете тем, что сами наносите мне оскорбление. Это значит надругательство заменить позором. Какая между ними разница? По правде сказать, я хотела было скрыть посланные вами стихи, но прикрывать безнравственность неправильно. Показать их матери значило бы причинить неприятность человеку, сделавшему нам добро, — и это нехорошо. Я собиралась послать ответ вам через служанку, но побоялась, что она не сможет передать моих истинных мыслей. Хотела прибегнуть к коротенькому письму, чтобы изложить все, но опять-таки побоялась, что вы будете колебаться; поэтому я и написала эти грубые, рискованные стихи, чтобы заставить вас непременно придти. Я стыжусь того, что мне пришлось поступить так неприлично; но единственно, чего я хотела, — это, чтобы вы сдерживали себя приличиями и не позволяли себе распушенности.

Сказав это, Ин-ин повернулась и ушла. Чжан долго стоял в растерянности. Наконец он перелез через забор и ушел, потеряв всякую надежду.

Прошло несколько дней. Как-то вечером Чжан в одиночестве спал на веранде; внезапно кто-то разбудил его. Вскочил в испуге, оказалось — Хун-нян. Держа одной рукой подушку и перекинув сложенное одеяло на другую руку, она слегка коснулась плеча Чжана и сказала: — Идет, идет! Чего же вы спите?!

Положила подушку рядом с подушкой Чжана, накинула одеяло поверх его одеяла и ушла. Чжан, протирая глаза, сел и принял приличную, строгую позу; долгое время ему казалось, что это сон, и все же он настороженно сидел и ждал.

Но вот пришла Ин-ин, поддерживаемая служанкой. Она подошла, обаятельно застенчивая, обворожительно прекрасная, такая хрупкая, словно у нее не было сил двигаться, совсем не похожая на ту сурово-торжественную, какой была в прошлый раз.

Это был вечер восемнадцатого числа. Косые лучи луны, сияющие как хрусталь, освещали половину постели. Чжану, охваченному неопишмым восторгом, казалось, что его посетила небесная фея, а не простая смертная. Вскоре ударил колокол в монастыре — наступил рассвет. Хун-нян торопила Ин-ин с уходом, и та тихо заплакала и медленно пошла, поддерживаемая под руки Хун-нян, так и не сказав ни слова за всю ночь. Чжан поднялся, когда стало светло, и спросил себя в сомнении: «Не сон ли это?». Когда совсем рассвело, он заметил пудру у себя на плече; аромат духов еще оставался у него на одежде, а слезы ее, блиставшие как жемчужины, все еще были видны на постели.

После этого больше десяти дней от нее не было никаких вестей. И вот однажды Чжан принялся сочинять стихи из тридцати строк на тему «Встретил небесную фею». Не успел еще закончить, как вдруг пришла Хун-нян, и он вручил ей стихи, чтобы она передала их Ин-ин. С этих пор Ин-ин снова стала принимать его. Утром тайком уходил от нее, вечером тайно входил к ней; почти целый месяц наслаждались они счастьем в западном флигеле, о котором ранее уже шла речь. Когда Чжан спрашивал, как относится к этому ее мать, Ин-ин отвечала:

— Мне все равно! Я уже не могу ничего поделывать! — и выражала желание прекратить разговор на эту тему.

В скором времени Чжан собрался ехать в *Чанъань; перед отъездом он предупредил об этом Ин-ин. Она выслушала его без всяких возражений, но печальный вид ее тронул бы любого человека. Обе ночи, предшествующие отъезду Чжана, ему не удавалось повидаться с ней; так он и уехал на запад.

Прошло несколько месяцев. Чжан снова приехал в Пу и некоторое время жил в семье Цуй.

Ин-ин была превосходным каллиграфом и отлично владела литературным стилем. Однако, когда Чжан пытался было попросить у нее образцы ее почерка и стиля, она отказала наотрез. Он неоднократно пробовал своими стихами вызвать ее на ответ, но Ин-ин обращала очень мало внимания на его творчество. Вообще говоря, ее превосходство над другими заключалось в следующем: обладая выдающимися талантами, она делала вид, что ничего не знает; будучи красноречива, она редко вступала в разговор; питая глубокие чувства к Чжану, она не давала им выражения в словах. Когда ее охватывала сильная тоска, она умела казаться безразличной, и выражение радости или гнева редко появлялось на ее лице.

Однажды ночью Ин-ин в одиночестве играла на лютне; мелодия была так печальна, что вызывала сердечную боль. Чжан подслушал и попросил продолжать, но она наотрез отказалась. Это еще больше усилило его страсть.

Вскоре Чжан снова должен был ехать на запад, так как близился срок государственных экзаменов. В вечер, накануне своего отъезда, он не говорил больше о своем чувстве, а грустно вздыхал, сидя рядом с Ин-ин. Она же, зная, что наступает разлука, кротко взглянула на него и мягко сказала:

— Начал с того, что обольстил, кончил тем, что покидаешь. Так оно и должно было случиться. Я не смею роптать на это! Но если вы, обольстивший меня, окончите теперь дело подобающим образом, это будет поистине милостью с вашей стороны. Тогда мы сдержим нашу клятву о верности до гроба. Зачем же печалиться об этой поездке?

Однако вы так расстроены, а мне нечем вас успокоить. Вы, бывало, говорили, что я хорошо играю на лютне, а я до сих пор стыдилась и не могла играть при вас. Но теперь вы уезжаете, и я исполню ваше желание.

Приказала вытереть лютню и начала играть; вскоре в мелодию * «Платье из радуги, одежда из перьев» проникли скорбные ноты, так что более нельзя было узнать первоначального мотива. Все, до кого доносилась музыка, грустно вздыхали. Ин-ин порывисто прервала игру, бросила лютню; слезы лились по ее щекам; убежала в комнату матери и больше уже не выходила.

На рассвете Чжан уехал.

В следующем году, потерпев неудачу на экзаменах, Чжан остался в столице; поэтому он послал Ин-ин письмо, где изложил все, что чувствовал. Ответ, присланный Ин-ин, в моем неискusstном изложении звучит так: «Я прочла Ваше письмо, полное глубокой любви ко мне. Мои чувства к Вам — это грусть, к которой примешивается радость. Вы были так внимательны, что вместе с письмом прислали мне в подарок коробку с искусственными цветами и губную помаду, чтобы я украшала себя. Конечно, я благодарна Вам за большую любовь, но кто же есть еще, кроме Вас, для кого бы я стала украшать себя? Я гляжу на Ваши подарки, и меня охватывают все нарастающие думы о Вас, и тоска моя растет. Теперь, когда Вам нужно готовиться к экзаменам в столице, путь Ваш к успеху, конечно, заключается в том, чтобы оставаться там. Но я-то, не стоящая Вас, ведь должна вечно оставаться в одиночестве, вдали от Вас. Такова судьба, и что же я еще могу сказать!

С прошлой осени я живу как в тумане, как будто утратила что-то. Среди веселья и шума я заставляю себя говорить и улыбаться, но ночью, когда я остаюсь одна, слезы текут, не переставая. Даже во сне грезы мои полны слез. Печальные мысли о разлуке, когда мы во сне окажемся на какое-то время близки как прежде, пугают душу, и видение прерывается прежде, чем окончится наше тайное свидание. Половина постели еще кажется теплой, но тот, о ком я думаю, очень далеко.

Как будто вчера мы расстались, а новый год уже пришел на смену старому. Чанъань — город удовольствий, где все привлекает молодого человека. Какое счастье, что Вы не забыли меня, недостойную, и постоянно вспоминаете! За это я, ничтожная, никогда не сумею отблагодарить Вас. Клятву же нашу о вечной верности я никогда не нарушу! Прежде, благодаря нашему родству, нам с Вами довелось повстречаться у моей матери. Служанка уговорила меня повидать Вас, и это привело к тайным свиданиям. Я не сумела сдержать своих чувств. Вы вели себя как *тот, кто увлек девушку своей игрой на лютне, у меня же, презренной, не хватило сил *бросить в Вас челнок. Став *служанкой у Вашей цыновки и подушки, я была полна глубокой преданности. По своей наивности и простоте думала, что так будет всегда. В счастливый день, когда узнала Вас, я не смогла совладать с собою; дошла до такого позора, что отдала себя Вам и не смогу уже *держать полотенце и гребень. До смерти своей я не перестану себя упрекать в этом, что же еще говорить, сдерживая рыдания!

Если Вы по своей сердечной доброте снизойдете до того, чтобы поступить так, как хотела бы я, одинокая и ничтожная, то и после смерти я буду благодарна как при жизни. Но даже если Вы как человек, считающий себя выше мелких условностей, пренебрежете любовью, покинете малое, преследуя большое, сочтете прежнюю напущенность позорной для себя, а наши клятвы — достойными пренебрежения, то и в этом случае, даже когда мои кости истлеют и тело исчезнет, искреннее чувство мое не ослабнет и душа моя, носясь по ветру и бродя по росе, будет вечно верна Вам. В жизни и после смерти моя любовь к Вам неизменна. Больше я ничего не могу сказать! Я пишу Вам и плачу, не в силах излить свое чувство. Берегите себя! Умоляю Вас, берегите себя!

Яшмовое кольцо — игрушку моего детства — я посылаю Вам, чтобы Вы его носили. Пусть будете Вы тверды и чисты, как яшма, пусть Ваши чувства будут цельны, как круг кольца. Еще я посылаю Вам моток спутанного шелка и мельницу для чая из *пятнистого бамбука. Эти вещи не стоят Вашего взгляда, но они выражают мое желание, чтобы Вы были неподдельны, как яшма, чтобы воля Ваша была не-

рушима, как это кольцо. Следы моих слез — на этом бамбуке, смятые моих печальных мыслей — этот спутанный моток шелка. Я посылаю эти вещи как символ моих чувств, которые навсегда останутся неизменными. Сердце мое с Вами, хотя телом я далеко и нет надежды на встречу. Если наши тайные мысли сосредоточатся на одном и том же, то и на расстоянии тысячи ли дух наш сможет соединиться. Берегите себя! Весною ветер пронизывает насквозь, надо как следует есть, чтобы не простудиться! Будьте осторожны в своих словах и берегите себя; обо мне же не беспокойтесь».

Чжан показал это письмо своим приятелям, так что многие из его современников узнали об этом. Друг его *Янь Цзю-юань, хорошо писавший стихи, написал на эту тему четверостишие «Барышня Цуй», гласившее:

Снег уже стаял, уже расцвели орхидеи,
Юноша, *Паня затмивший своей красотой,
Ныне охвачен весенним, любовным томленьем:
Душу тревожит красавицы *Сяю посланье.

Юань Чжэнь из *Хэнани написал продолжение к поэме Чжана — «Встретил небесную фею». Стихи Юань Чжэня гласили:

Струится лунный свет через решетку,
Мерцают звезды светлякам подобны.
Простор бескрайний мглой уже оделся,
Внизу чернеют травы и деревья.

Дракон свистит в саду среди бамбука,
И феникс ветви песнею колышет...
Подвески эхом ветру отвечают,
Лежит тумана дымка кружевная.

*Златая мать пурпурный жезл проносит,
И виден в небе юноша-красавец.
Ночь поздняя, и человек тоскует,
А мелкий дождь стучится на рассвете.

На туфлях жемчугом узор блистает,
Дракон расшитый — всех цветов красивой;
Заря таится в шелковой нарядке,
Как радуга, играют светом шпильки.

Сказала ты: покинув сад бессмертных,
Иду я ныне во дворец из яшмы.
Я город Ло проехал, и дорога
От дома Сун вела меня к востоку.
Ты шутки принимала благосклонно,

Любовь в моей душе ты пробудила.
Как тень цикады, трепетал твой локон,
И яшмовая пыль у ног лежала.

Ты повернешь лицо — плывут снежинки,
Я обнимаю стан твой — нивы тонкой,
А зимородки в клетке запевают,
И *юань-янь сплетают шеи в танце.

В смущеньи брови черные ты сводишь,
Пунцовые уста от страсти тают,
От орхидей струится запах чистый,
Сияет кожа — лучших яшм нежнее.

Изнемогаешь ты от наслажденья,
Лоб увлажненный — точно жемчуг светлый,
Волна волос, как тонкий шелк, струится,
Рукой пошевелить сейчас не можешь.

Едва познав блаженство первой встречи,
Услышали удары *пятой стражи.
Промчалась ночь мгновеньем быстротечным.
Как трудно расставаться нам с тобою!

Лицо твое исполнено печали,
Душиста клятва, данная тобою.
В знак вечных чувств и в знак судьбы единой
Любимая кольцо мне подарила.

Ты в зеркало взглянула: от печали,
От слез твоих растаяли румяна;
Плясали мотыльки у лампы блеклой,
Заря уже полнеба осветила.

Сев на коня, я в город Ло вернулся.
На *гору Сун поднявшись, на свирели
Я заиграл. Души таились в тканях,
Следы румян остались на постели.

Я шел плотиной, где трава густая.
Об *острове Пэнлай я долго думал.
Там Хань река о лебеде тоскует,
И лютя там об аисте рыдает.

Преодолеть просторы моря трудно,
Взлететь в глубины неба — невозможно.
У облаков бродячих нет приюта,
И *Сяо Ши стоит один на башне.

Друзья Чжана, узнавшие об этой истории, не могли скрыть удивления, но Чжан все же решил порвать связь с Ин-ин. Юань Чжэнь, близко знакомый с Чжаном, спросил его о причине.

— Всегда было так, — ответил Чжан, — что все, кого небо одарило особой красотой, приносили беду, если не себе, так уж обязательно другим. Если Ин-ин встретится с каким-нибудь богачом и он полюбит ее за красоту, то она окажется или очаровательной любовницей, или же страшным чудовищем; я даже не могу себе представить, во что она превратится.

Некогда *Синь при династии Инь и *Ю при династии Чжоу хотя и были правителями большой империи и наслаждались огромной властью, а все-таки были погублены простыми женщинами, которые заставили весь их народ пойти против них и привели их к гибели. Это и до наших дней все еще является предметом насмешек. Моих сил недостаточно, чтобы побороть чарующее наваждение, поэтому я и подавил свое чувство.

Все, присутствовавшие при этом разговоре, глубоко вздохнули.

Год с лишним спустя Ин-ин вышла замуж, Чжан тоже женился. Случайно он как-то оказался по соседству с домом Ин-ин и попросил ее мужа передать ей, что двоюродный брат хочет повидать ее. Муж сказал ей об этом, но Ин-ин так и не вышла. Лицо Чжана выражало искреннее огорчение. Узнав об этом, Ин-ин тайно написала стихи, в которых говорилось:

Чажну, бледнею,
Красы моей нет и в помине.
Лень мне подняться с постели,
Плачу я целые дни.

Мне посторонних не стыдно, —
 Вам же боюсь я и ныне
 Все показать разрушенья, —
 Вызваны вами ж они.

А все-таки не встретила с ним.

Через несколько дней, когда Чжан собрался уезжать, она снова написала ему стихи на прощанье:

Бросил меня ты,
 Это без слов нам понятно.
 Только недавно
 Мы крепко любили друг друга.
 Прошлые чувства
 Уже отошли безвозвратно,
 Их захватила
 Твоя молодая подруга.

С этих пор они ничего уже не знали друг о друге.

Большинство современников Чжана хвалило его за то, что он сумел исправить свою ошибку.

На дружеских встречах я постоянно заводил разговор на эту тему для того, чтобы знавшие об этом случае не вели себя так же, а поступающие так же не упорствовали бы в своем заблуждении.

В девятой луне года «Чжэньюань» управитель *Ли Гун-чуй ночевал у меня в Цзиньань-ли, и разговор коснулся этой истории. Ли Гун-чуй считал ее необычной и написал «Песнь об Ин-ин», чтобы сделать эту историю широко известной.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР
ПОВЕСТЬ О ФАВОРИТКЕ МЭЙ¹

Фаворитка Мэй по фамилии Цзян родом была из *Путяня. Отец ее, Чжун-сунь, был врачом, как и его предки. Когда Мэй было девять лет, она уже умела читать наизусть *«Чжоунань» и «Чжаонань».

— *Хоть я и девочка, но мечтаю всю жизнь заниматься учением, — сказала она отцу.

Удивляясь ей, отец прозвал ее Цай-пинь в память об одной из героинь, воспетых в книге стихов.

В середине годов правления *«Кайюань», когда *Гао Ли-ши был послан искать красавицу для императорского гарема в районы *Минь и *Юе, Мэй только что *стала закалывать волосы на затылке. Увидев, как она молода и прекрасна, Гао Ли-ши выбрал ее и на обратном пути увез с собой, чтобы она служила императору *Мин Хуану; увидев ее, император удостоил ее своей любви. Сорок тысяч женщин, находившихся в трех дворцах *Чанъяня («Данэй», «Дамин» и «Синцин») и в двух дворцах *Восточной столицы («Данэй» и «Шанъян»), все ничего не стоили по сравнению с Мэй, да и сами гаремные красавицы понимали, что не могут с ней равняться.

Мэй любила литературу и сама сравнивала себя с поэтессой *Се. Она носила простые светлые одежды, внешность ее и манеры были настолько очаровательны, что превосходили всякое описание. Мэй любила цветы сливы, поэтому там, где она жила, посадили несколько сливовых деревьев, и император назвал это место «Сливовым па-

¹ Новелла помещена в сб. «Танжэнь шохуй».

вильоном». Когда деревья эти покрывались цветами, Мэй воспевала в стихах их красоту, до поздней ночи смотрела на свои любимые цветы и не могла оторваться от них. Император, которому это очень нравилось, в шутку прозвал ее «фаворитка *Мей». Она сочинила семь поэм: «Орхидеи», «Грушевый сад», «Цветы сливы», «Бамбуковая флейта», «Стекланный бокал», «Ножницы» и «Цветное окно».

В то время, когда мир уже долго царил в стране и на границах не было никаких беспорядков, император, бывший в дружбе со своими братьями, ежедневно пировал с ними. На пирах Мэй обязательно находилась рядом с императором. Как-то раз он приказал Мэй угостить его братьев апельсинами. Когда она подошла к принцу Хань, тот исподтишка наступил ей на ногу. Мэй немедленно удалилась к себе. Император приказал позвать ее, но она велела ответить:

— Я пришиваю оторванные от туфли жемчужины; пришью — тогда приду.

Прошло довольно много времени; император сам пошел за ней. Подбрав полы своего платья, Мэй поднялась навстречу императору и сказала, что она не может идти с ним, так как у нее болит грудь. Так и не вышла: вот как она была уверена в любви императора. В другой раз император и Мэй *состязались в приготовлении чая в присутствии братьев императора, наблюдавших за этим состязанием. Император в шутку сказал братьям:

— Она — дух сливового дерева. Когда играет на флейте из белой яшмы и исполняет танец «Встревоженного лебедя», равных ей не найдешь. А теперь победила меня в приготовлении чая!

— В этих забавах среди деревьев и цветов я случайно побеждаю вас, мой повелитель, но усмирить всех *меж четырех морей, поддерживать постоянный порядок, издавать законы для этих огромных владений — может ли в этом победить вас такое ничтожество, как я? — немедленно возразила Мэй. Император пришел в восторг от ее ответа.

Когда *Тай-чжэнь из рода Ян появилась при дворе, она с каждым

днем все больше входила в милость императора, хотя он и не соби-
рался отдавать от себя Мэй. Обе женщины ненавидели друг друга и
всячески старались избегать встреч. Император ставил им в пример
*Ин и Хуан, но сплетники говорили, что тут совсем другое дело,
и потихоньку подсмеивались над ними.

Тай-чжэнь была ревнива, но очень умна, Мэй была мягка и уступ-
чива и в конце концов потерпела поражение. Кончилось тем, что
Тай-чжэнь сослала ее в *восточный дворец Шанъян. Потом император
вспомнил о Мэй; как-то ночью он велел молоденькому внуку поту-
шить свечи и приказал специальному гонцу тайно привезти Мэй
в западный дворец Императорского знамени. Говоря о былой своей
любви, император и Мэй не могли справиться с охватившей их пе-
чалью. Они и глаз не сомкнули в эту ночь. На рассвете испуганный
слуга разбудил императора:

— Ян Тай-чжэнь прибыла во дворец, как быть?

Накинув на себя одежду, император отнес Мэй за двойные ширмы
и спрятал ее там. Вошла Тай-чжэнь:

— Где эта самая чертовка Мэй? — спросила она.

— В восточном дворце, — ответил император.

— Прикажете ей явиться сюда, — сказала Тай-чжэнь, — я наме-
рена купаться с ней сегодня в *Теплых источниках.

— Но ведь она уже отстранена моим повелением, и не к лицу тебе
идти с ней вместе, — возразил император.

Тай-чжэнь стала настаивать, император отводил глаза в сторону,
ничего не отвечая ей.

Тогда Тай-чжэнь, придя в ярость, стала кричать:

— Здесь еще остались закуски, а под вашей кроватью забыта
кем-то женская туфля; кто прислуживал у вашей постели сегодня
ночью, что вы, опьянев от наслаждения, не *держали поутру аудиен-
ции? Государь, вы должны сейчас же выйти к своим сановникам, ко-
торые ждут ваших повелений, а я останусь здесь и подожду вашего
возвращения.

Сильно смутившись, император натянул на себя одеяло и сказал:

— Я нездоров сегодня, не могу давать аудиенцию.

Еще больше рассердившись, Тай-чжэнь ушла и вернулась в свой дворец. Император же немедленно осведомился, где Мэй; оказалось, что молодой евнух проводил ее пешком обратно в восточный дворец. Император, разгневавшись, приказал его казнить. Забытая Мэй туфелька и головные украшения были доставлены ей вместе с другими подарками от императора.

— Император совсем покинул меня? — спросила Мэй у императорского посланца.

Тот ответил:

— Император не покинул вас. По правде говоря, он боится вызвать ярость против вас у Тай-чжэнь.

Мэй усмехнулась:

— А бояться любить меня, чтобы не затронуть чувств этой толстухи, разве не значит покинуть меня?

Мэй подарила Гао Ли-ши тысячу золотых, чтобы он отыскал поэта, который смог бы, подражая *Сыма Сян-жу, сочинить ей песню в стихах *«Там, где длинные ворота», намереваясь этим привлечь к себе императора.

Гао Ли-ши, который служил Тай-чжэнь и боялся ее влияния при дворе, сказал в ответ:

— Никто не сумеет написать такую песню.

Тогда Мэй сама сочинила песню в стихах «К востоку от башни», которая гласила:

«Покрылось пылью зеркало мое, в шкатулках ароматы все иссякли; рукой небрежною расчесываю локон, простое платье, легкое надев. Тоскливо, холодно в дворце моем лилейном, а мысль моя к тому дворцу несется, где орхидеи есть. Цвет сливы опадает, ведь это символ верности твоей; нас разлучили «Длинные ворота», и встречаем нашим больше не бывать. А тут еще глядит цветок с досадой; как будто забавляется моей печалью ива и теплый ветер мягко шелестит, щебечут птицы радостно, весну встречая.

И в сумерках на башне я стою; услышав флейту, голову склоняю. Уж облака темнеют, день идет к закату; на чистую луну свой взор я устремляю.

Нет больше доступа к Источникам мне теплым; воспоминанья лишь остались мне о том, как развлекалась там я прежде. «Ворота длинные» наглухо заперты, забыта я навеки государем.

Еще я вспоминаю, как было прежде чисто озеро *Тайи, когда по глади вод его я плавала, купаясь; как музыка и песни звучали на пирах, куда тебя всегда сопровождала. Теперь конец всему: и песни те, и дивные напевы — на лодке расписной, что предназначена лишь для бессмертных. Но были ведь любовь твоя и нежность и глубоки, и постоянны, когда горами клялся ты и морем на веки вечные со мною быть, как солнце и луна, что отдыха не знают.

Зачем ревнивица к тебе попала в милость и, ревностью своей ослеплена, похитила любовь твою и верность, меня изгнала в дальний сей дворец? Я знаю, не видать уж радостей мне прежних. Мечты мои и грезы тьмой покрыты. Одна я коротаю и ночи лунные, и ясные рассветы, стыдясь встречать весенний ветер. Хотела я, чтоб мне поэт такую создал оду, как некогда писал Сян-жу, но нет ему талантом в мире равных. Еще не кончил песнь тоски он, а эхо колоколом дальним прозвучало. Я понапрасну плачу и вздыхаю, лицо закрывши длинным рукавом, и медленной, усталою походкой иду обратно во дворец, что на восток от башни».

Услыхав об этом, Тай-чжэнь сказала императору:

— Это ничтожество из семьи Цзян в своих худосочных стишках говорит о своей обиде и разочаровании, я бы хотела, чтобы вы ее казнили. Император промолчал.

Узнав, что едет посланец из *Линбяо, Мэй спросила у своих приближенных:

— Откуда прибыл посол, не посылали ли его за мною?

— Это едет посланец с данью из далеких стран, он везет фаворитке Ян *личжи, — сказали в ответ.

Мэй заплакала от обиды.

Когда император принимал чужеземных послов во дворце Венчиков цветов, он приказал запечатать в пакет одно *ху жемчуга и потихоньку отвезти Мэй. Но она не приняла подарка и, передав посланцу стихи, сказала:

— Отдайте от меня государю.

Стихи гласили:

Листьям ивы подобные брови не крашу,
Пудрой влажной от слез я испачкала платье.
В этих «Длинных воротах» я не наряжаюсь,
Жемчугами ли можно меня успокоить?

Прочтя это, император сильно опечалился; он приказал музыкантам сочинить для этих стихов мелодию. Отсюда и ведет свое название «Одно ху жемчуга».

Впоследствии, когда восстал *Ань Лу-шань, император отправился на запад, а Тай-чжэнь умерла. Вернувшись обратно, император разыскивал Мэй, но не мог ее найти. Опечалившись, он решил, что во время мятежа она бежала в другие места. Был издан специальный указ, обещающий тому, кто ее найдет, повышение на два ранга по лестнице чинов и миллион медных монет. Но поиски ни к чему не привели. Тогда император приказал монахам-волшебникам подняться на воздух, лететь в обитель духов и найти ее там. Ее искали на небе и на земле, но найти не смогли.

Какой-то евнух поднес императору портрет Мэй. Император, сказав, что портрет очень похож, но ее уже нет в живых, написал на нем следующие стихи:

Я тебя вспоминаю в Пурпурном дворце —
Как была безыскусна твоя красота!
Хоть рисунок на шелке и очень похож, —
Но чудесные очи не видят людей.

Прочтя вслух свои стихи, он заплакал и приказал выгравировать портрет Мэй на камне.

Как-то летом император заснул среди белого дня и вдруг словно увидел Мэй, которая, плача, стояла среди бамбуков, закрыв лицо руками; она была похожа на цветок, покрытый росой и туманом.

— Когда вы скрылись, государь, — сказала она, — меня убили мятежники. Люди из жалости похоронили мои останки у сливового дерева, к востоку от озера.

Испуганный император проснулся весь в поту. Он немедленно приказал раскопать землю у озера Тайи, но там ничего не нашли. Сильно опечаленный, император вдруг вспомнил, что у озера Теплых источников растет больше десятка сливовых деревьев; не там ли она лежит? Император приказал подать колесницу и сам отправился туда. Между деревьями в чане со спиртом, зарытом в землю на глубину всего лишь три *чи, нашли ее тело, завернутое в парчевый покров.

Император был совершенно убит горем, приближенные не могли поднять на него глаз; он стал искать рану на теле Мэй и увидел след меча под ребром.

Император сам сочинил эпитафию и похоронил Мэй со всеми почестями, полагающимися при погребении фаворитки.

*Похвальное слово ей гласило:

«С тех пор, как Мин Хуан уехал из *Лучжоу, он славу приобрел великую повсюду; охотился в районах *Ху и *Ду. Дружил он смолodu с героями, с их помощью поднялся и трона он достиг; он царствовал лет пятьдесят; народ поддерживал и уважал его. Широко жил он и богато, имел он сотни сыновей и внуков и тысячи красавиц во дворцах. Уж к старости он встретил Ян гуй-фэй; из-за нее он изменил *трем великим основам жизни; покой смутил в стране, себя сгубил и трон свой обесславил; жалел об этом, только поздно было! Все потому, что ею покорен был, о ней одной мечтал. Еще до Ян, среди его подруг любовью прежде пользовалась Цзян, чья красота внушила злобу Ян; об этом государь, казалось, мог бы знать. На языке у всех лишь было, что поступил он против воли неба, что изменил заветам предков царских и виноватыми считали фаворитку и самого его. Никто не знал тогда, что Мин Хуан на старости жестоким станет, что в день один трех сыновей своих убьет, как будто муравьев ногой раздавит. Бежал, скрывался он, потом вернулся, власть сыну передал, сам разума лишился, всех убивал, один лишь жить хотел; он одинокое влачил существованье, и весь народ его скорбел об этом. И в Толкованиях к канону мудреца ведь сказано:

«Участь тех, кого не любишь, постигнет тех, кого ты любишь» — вот так карает небо!

Закон возмездья нерушим. Неужели только эти две особы виновны в том, что с ним случилось?».

* * *

Когда к власти пришла династия *Хань, в особом почете была книга *«Чуньцю», и все конфуцианцы носились с *толкованиями к этой книге, составленными Гун и Гу, а толкование Цзо Цю-мина было забыто и лишь впоследствии заняло свое место. Со времен глубокой древности было очень много тех, кто распространял древние учения. А ныне нарисуют красавицу с веткой сливы в руках, назовут ее фавориткой Мэй, скажут в двух словах, что была она современницей Мин Хуана, и никого не интересуют подробности о ней. Вину в том, что Мин Хуан утратил престол, целиком возлагают на Ян гуй-фэй, вот почему так любят о ней писать. Но ведь и Мэй своей красотой пленила государя, и между ними разница не более, как между ясным днем и темной ночью. Где же тут справедливость!..

С Е Т Я О

ИСТОРИЯ У-ШУАН¹

Ван Сянь-кэ был племянником сановника Лю Чжэня, служившего в годы правления *«Цзяньчжун». Когда отец Ван Сянь-кэ умер, мальчик вместе с матерью вернулся в семью матери.

У Лю Чжэня была дочь по имени У-шуан; она была моложе Ван Сянь-кэ на несколько лет. Оба были еще детьми, играли вместе и очень сдружились. Жена Лю Чжэня часто в шутку называла Сянь-кэ «женишок Ван». Так прошло несколько лет, и все это время Лю Чжэнь заботливо поддерживал свою овдовевшую сестру и воспитывал ее сына Сянь-кэ.

Как-то сестра Лю Чжэня, госпожа Ван, заболела. Когда ей стало хуже, она позвала к себе брата, чтобы договориться с ним.

— У меня единственный сын, — сказала она, — вполне понятно, что я забочусь о нем. Ах, если бы мне увидеть его женатым! У-шуан скромна, хороша собой, умна и рассудительна. Когда вырастет, не отдавай ее замуж в чужую семью. Я прошу тебя, выдай ее за Сянь-кэ. Дай мне свое искреннее согласие, и я закрою глаза без всяких огорчений.

— Сестра, ты должна спокойно лежать и поправляться, не тревожь себя излишними заботами, — отговорился Лю Чжэнь.

Но сестра его так и не поправилась.

Ван Сянь-кэ отвез останки матери на родину в *Сяндэн и похоронил там.

¹ Новелла помещена в 486-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

Когда кончился срок траура, он сказал сам себе:

— Теперь, когда я остался сиротой, мне нужно жениться, чтобы дать продолжение своему роду. У-шан уже взрослая. Неужели дядя нарушит прежнее обещание только потому, что он знатный сановник?

Недолго думая, Сянь-кэ собрался и поехал в столицу.

К тому времени Лю Чжэнь был уже главным начальником податного управления, ведал налогами и пошлинами. Дом его был роскошен и всегда полон знатных гостей.

По приезде Ван Сянь-кэ засвидетельствовал дяде свое почтение, и его сразу же засадили за ученье вместе с сыновьями Лю Чжэня. Отношения дяди и племянника остались теми же, что и до разлуки, но о браке речь не заходила.

Как-то Вань Сянь-кэ подглядывал за У-шуан в оконную щель.

Прелестная, изящная, она была похожа на бессмертную фею. Сходя с ума от любви, Сянь-кэ боялся только, что дело со сватовством может расстроиться. Он продал свое имущество и выручил за него несколько миллионов медных монет. Он щедро одаривал близких к дяде и тетке слуг за все услуги и очень сдружился с ними. Он пользовался также большим уважением со стороны двоюродных братьев, которые во всем угождали ему.

В день рождения тетки Сянь-кэ поднес ей диковинные безделушки и головные украшения из яшмы и бивней носорога. Тетка была в восхищении.

Дней через десять Сянь-кэ подслал одну старуху поговорить с теткой о его брачных намерениях.

— Я этого тоже хочу, — ответила тетка, — надо будет обсудить это. Несколько дней спустя служанка сказала Сянь-кэ:

— Госпожа только что говорила с хозяином о вашей, сударь, женитьбе, а он ответил: «Я ему ничего раньше не обещал». Раз он так говорит, пожалуй, выйдет иначе, чем вы предполагали.

Услышав это, Сянь-кэ пришел в отчаяние. Он до утра не мог сомкнуть глаз и все боялся, что дядя прогонит его. С этой поры он уже не осмеливался быть небрежным в своих занятиях.

Как-то раз Лю Чжэнь с ночи отправился ко двору на утренний прием, но едва взошло солнце, как он неожиданно примчался обратно домой. Весь в поту и задыхаясь, он только и смог проговорить:

— Закройте главные ворота! Закройте главные ворота!

Все испугались, не понимая в чем дело. Немало времени прошло, пока Лю Чжэнь смог, наконец, объяснить:

— *Цзинюаньские войска восстали. *Яо Лин-янь ввел свои войска во дворец Ханьюань. Император бежал через северные ворота дворцового парка, чиновники в панике. Беспokoясь о жене и дочери, я поспешил домой, чтобы принять необходимые меры. Сянь-кэ, помоги мне в устройстве семейных дел, тогда я отдам У-шуан за тебя.

Услыхав это, Сянь-кэ пришел в восторг и бросился благодарить дядю. Приказав упаковать двадцать тюков золота, серебра, парчи и шелка, Лю Чжэнь сказал Ван Сянь-кэ:

— Переоденься и вывези эти вещи из Кайюаньских ворот; разыщи какую-нибудь тихую, уединенную гостиницу и найми там помещение, а я с твоей теткой и У-шуан выберусь из ворот Цися и, объехав городскую стену, присоединюсь к тебе.

Ван Сянь-кэ поступил так, как ему было приказано.

Солнце уже село. Он долго ждал дядю с семьей в гостинице за городом, но никто из них не появлялся.

После полудня городские ворота закрыли наглухо, а Ван Сянь-кэ все всматривался в сторону от них к югу, откуда из-за стены должен был показаться дядя. Когда стемнело, Ван Сянь-кэ вскочил на коня и с факелом в руке поехал вдоль городской стены до ворот Цися; они тоже оказались на запоре. Множество стражников с белыми жезлами в руках стояло и сидело у ворот.

Ван Сянь-кэ спешился и, приняв равнодушный вид, стал не спеша расспрашивать, почему заперты городские ворота и не выезжал ли кто сегодня через эти ворота.

Привратники рассказали ему, что Сыном Неба уже стал правитель области *Чжу, что после полудня какой-то человек с большим багажом в сопровождении четырех женщин хотел было выехать из этих ворот, но прохожие узнали его и заявили, что это начальник по налогам и

пошлинам Лю Чжэнь. Начальник охраны не решился выпустить его. А к вечеру за ним примчались всадники, но он скрылся от них на север.

Заплакав от горя, Ван Сянь-кэ вернулся в гостиницу. Когда *третья стража близилась к концу, неожиданно открылись городские ворота, и от факелов стало светло, как днем. Из городских ворот выбежали воины в полном вооружении, с обнаженными клинками в руках и кричали, что им дано право разыскивать всех сбежавших за город сановников и прикончить их на месте.

Бросив в испуге вещи и экипаж, Сянь-кэ вернулся в родной *Сяндэн. Там он прожил три года. Узнав, что восстание подавлено, в столице восстановлен порядок, и что во всей стране все успокоилось, Ван Сянь-кэ поехал в столицу раздобыть сведения о своем дяде.

Приехав на улицу Синьчан, Сянь-кэ остановил лошадь и в нерешительности стал осматриваться вокруг. Вдруг к нему подъехал какой-то всадник и вежливо приветствовал его. Внимательно взглядевшись, Сянь-кэ узнал Сай Хуна, старого слугу своего дяди. Прежде Сай Хун служил в семье Ван Сянь-кэ, но дядя часто пользовался его услугами и в конце концов оставил его у себя. Схватившись за руки, оба заплакали.

— Живы ли почтенные дядя и тетя? — спросил Сянь-кэ.

— Они живут на улице Синхуа, — ответил Сай Хун.

Обрадовавшись, Ван Сянь-кэ воскликнул:

— Я сейчас же поеду к ним.

— Я женился на бывшей певице, — сказал Сай Хун, — у нее есть маленький домик, и мы живем продажей разрисованного шелка. Сейчас уже почти ночь. Завтра утром тоже не поздно будет пойти к ним. Заночуйте-ка, сударь, у нас.

Сай Хун привел Сянь-кэ к себе домой, поставил перед ним богатое угощение. Когда совсем стемнело, он сказал Сянь-кэ:

— Ваш дядя Лю Чжэнь перешел на службу к мятежникам, и за это он и его супруга были казнены императором. У-шуан забрали в императорский гарем.

Жалобные крики и рыдания Сянь-кэ растрогали даже соседей. Немного придя в себя, он сказал Сай Хуну:

— Китай так велик, но у меня в целом Китае нет ни одного родственника и не знаю, где мне преклонить голову.

Немного погодя, он спросил:

— Кто же еще остался жив из старых слуг?

— Осталась только Цай-пинь, служанка У-шуан, — ответил Сай Хун, — сейчас она в доме воеводы Ван Суй-чжуна, что служит в личной охране императора.

— У-шуан повидать, конечно, невозможно, — сказал Сянь-кэ, — но если бы я увидел хоть Цай-пинь, то умер бы спокойно.

Ван Сянь-кэ отправился к Ван Суй-чжуну и попросил его принять солидный выкуп за служанку Цай-пинь. Он изложил от начала до конца всю историю со своим дядей, а также выразил свое желание исполнить последний долг племянника перед покойным дядей.

Ван Суй-чжун оказался очень отзывчивым. Он был растроган рассказом Ван Сянь-кэ и согласился исполнить его просьбу.

Сянь-кэ нанял дом и поселился в нем вместе с Сай Хуном и Цай-пинь.

Сай-хун часто говорил ему:

— Вы, сударь, уже взрослый человек, надо вам искать службу. Зачем же проводить время в горести и скорби?

Согласившись с ним, Сянь-кэ снова обратился за помощью к Ван Суй-чжуну; тот рекомендовал Сянь-кэ правителю столичного округа Ли Ци-юню. Благодаря происхождению и рангу Сянь-кэ, Ли Ци-юнь назначил его начальником *Фупина и смотрителем почтовой станции в *Чанлэ.

Месяц спустя пришло известие о том, что дворцовые гонцы везут тридцать женщин из императорского гарема в императорский мавзолей для подготовки к *обряду «обметания могил». Женщины, которые должны были провести ночь на станции Чанлэ, уже выходили из девяти крытых войлоком экипажей.

Ван Сянь-кэ сказал Сай Хуну:

— Я слышал, что большая часть наложниц императора, которых

выбрали для этой поездки, — из знатных семей. Может случиться, что и У-шуан здесь. Не мог бы ты для меня поразведать?

— У императора несколько тысяч наложниц, — возразил Сай Хун, — разве можно найти У-шуан?

— Все-таки пойди, — настаивал Сянь-кэ, — не всегда ведь человеческие дела можно предугадать.

Затем он приказал Сай Хуну надеть форму станционного слуги и кипятить чай перед занавесом; дал ему три тысячи медных монет и сказал:

— Занимайся чаем и ни на минуту не оставляй этого дела. Но если что-нибудь вдруг заметишь, немедленно беги сообщить мне.

Сай Хун на все согласился и ушел. Женщины находились за занавесом и увидеть их было невозможно, только слышна была их болтовня. Поздней ночью все стихло; все улеглись спать. Сай Хун вымыл посуду, задул огонь, но не смел ложиться. Внезапно из-за занавеса послышался голос:

— Сай Хун, Сай Хун, как ты узнал, что я здесь? Здоров ли молодой барин? — и послышались рыдания.

Сай Хун ответил:

— Молодой барин — начальник этой станции. Он думал, что вы можете оказаться сегодня здесь и приказал мне приветствовать вас за него.

— Я не могу долго разговаривать с тобой, — сказала У-шуан, — завтра после моего отъезда у дверей северо-восточной комнаты, под красной подушкой ты найдешь письмо для твоего господина.

Сказав это, У-шуан отошла. А за занавесом раздались шум и возгласы:

— Ей дурно!

Дворцовый курьер побежал за лекарством. Оказалось, что У-шуан упала без чувств.

Сай Хун поспешил сообщить обо всем Сянь-кэ; тот спросил в тревоге:

— Как бы мне хоть разок взглянуть на нее?

— Сейчас чинят мост через реку Вэй, — ответил Сай Хун. — Когда экипажи поедут через мост, вы под видом надсмотрщика за работами можете стать поближе к ним. Если У-шуан узнает вас, она, наверно, раздвинет занавески экипажа, — тогда вы и увидите ее.

Ван Сянь-кэ последовал его совету. Когда третий экипаж поравнялся с ним, занавески его действительно были отдернуты, и, заглянув во внутрь, Сянь-кэ увидел, что там сидела У-шуан.

Охваченный тоской и любовью Ван Сянь-кэ не мог справиться со своим волнением.

Сай Хун нашел письмо У-шуан к Сянь-кэ под красной подушкой у дверей. На пяти изящных листках тончайшей бумаги почерком У-шуан была рассказана ее судьба в таких печальных выражениях, что Сянь-кэ, читая письмо, рыдал от жалости. Она прощалась с ним навсегда. В конце письма она говорила: «Я часто видела указы, в которых упоминался военачальник Гу, родом из Фупина, человек находчивый и смелый. Не могли бы Вы обратиться к нему?».

Ван Сянь-кэ тотчас же подал прошение об освобождении его от обязанностей начальника станции и вернулся к своей должности начальника уезда Фупин. Там он разыскал военачальника Гу, который жил в своем поместье. Сянь-кэ навестил его и познакомился с ним. Все, чего бы Гу ни захотел, Сянь-кэ подносил ему: парчу, шелка, драгоценности, яшму; но в течение года ни разу не заговаривал о цели своих посещений.

Отслужив свой срок и освободившись от службы, Сянь-кэ поселился в уезде, как частное лицо.

Как-то вдруг к нему пришел Гу и сказал:

— Я простой солдат, уже старый годами, на что я гожусь? Вы, сударь, делали все для меня. Я понимаю, что у вас есть просьба ко мне. У меня доброе сердце. Тронутый вашим хорошим отношением, я готов дать растереть себя в порошок ради вас, сударь.

Сянь-кэ со слезами поклонился Гу и рассказал ему все.

Подняв глаза к небу, Гу похлопал себя несколько раз по голове и сказал:

— Это нелегкое дело. Но все-таки попробую помочь вам, хоть это займет и не один день.

Ван Сянь-кэ поклонился ему:

— Только бы увидеть ее, а там разве посмею я ограничивать вас сроком.

Полгода прошло без всяких известий. Как-то раз постучали в дверь, пришло письмо от Гу, где говорилось: «Вернулся посланец с *горы Мао. Приезжайте ко мне скорей!».

Ван Сянь-кэ вскочил на лошадь и помчался к Гу. Тот не говорил ни слова. Когда Сянь-кэ спросил о посланце, Гу мимоходом ответил:

— Убит, — и сейчас же предложил: — Выпейте еще чаю.

Лишь поздней ночью он спросил Сянь-кэ:

— Есть ли у вас в доме какая-нибудь женщина, знакомая с У-шуан?

Ван Сянь-кэ назвал Цай-пинь и помчался за ней.

Пристально посмотрев на нее, Гу улыбнулся и радостно сказал:

— Оставьте ее здесь на три-четыре дня. А вы, сударь, возвращайтесь домой.

Через несколько дней внезапно пронесся слух: «Особа высокого происхождения будет похоронена в императорском мавзолее».

Сильно встревожившись, Сянь-кэ приказал Сай Хуну выяснить, кто умер; оказалось, что У-шуан.

Ван Сянь-кэ вне себя закричал:

— Я надеялся на Гу. Теперь она мертва! Что же он сможет сделать?

Он плакал, стонал, никак не мог успокоиться.

Поздно вечером он услышал настойчивый стук в дверь. Открыл, оказалось, что пришел Гу с трупом, завернутым в цыновку.

— Это У-шуан, — сказал он Сянь-кэ, — сегодня она умерла, но под сердцем еще тепло. Завтра она оживет, дайте ей лекарство и храните все в тайне.

Сянь-кэ внес У-шуан в комнату и один сторожил ее. На рассвете тело ее стало теплеть, затем появилось дыхание. Увидев Сянь-кэ, она зарыдала и упала в обморок. Весь день он приводил ее в сознание, наконец, к ночи она совсем пришла в себя.

Явился Гу и сказал:

— Отпустите со мной вашего Сай Хуна, чтобы вырыть яму за домом.

Когда была вырыта глубокая яма, Гу отрубил мечом голову Сай Хуна и бросил ее в яму. Сянь-кэ пришел в ужас, но Гу сказал ему:

— Не пугайтесь, сударь. Сегодня я отблагодарил вас за ваши милости. Я слышал, что *даосы на горе Мао обладают чудесным лекарством; тот, кто примет это лекарство, немедленно умрет, а через три дня оживет. Я послал человека специально за этим лекарством и получил одну пилюлю. Вчера я приказал Цай-пинь принять вид дворцового курьера и поднести эту пилюлю У-шуан, чтобы она покончила с собой, как участница мятежа. После этого я пришел в помещение, где лежало тело умершей и, выдав себя за родственника, выкупил труп У-шуан за триста свитков шелка. Всю дорогу сюда я щедро одаривал всех, чтобы пресечь распространение слухов, могущих раскрыть вашу тайну. Гонца, ездившего на гору Мао, и людей, несших цыновку, в которой завернута была У-шуан, я убил на пустыре за городом. Самого себя я тоже убью ради вас, сударь. Вам же здесь оставаться нельзя. За воротами вас ждут десять носильщиков, при них пять лошадей и двести тюков шелка. В *пятую стражу возьмите У-шуан и уезжайте. Перемените свою фамилию, имя и скройтесь, чтобы избежать беды.

Сказав это, Гу выхватил меч. Сянь-кэ бросился к нему, но голова Гу уже лежала, отрубленная, на земле. Сянь-кэ зарыл труп в ту же яму, где лежало уже тело Сай Хуна.

Еще не рассвело, как Ван Сянь-кэ уехал вместе с У-шуан. Проехав через ущелья *Сычуани, они поселились в *Чжугуне.

Не слыша никаких откликов из столичного округа об этой истории, Сянь-кэ решил вернуться в Сяндэн и заняться там каким-то ремеслом. Он прожил там с У-шуан до глубокой старости и имел много сыновей и дочерей.

Да! В человеческой жизни много бывает встреч после разлуки, но такие, как эта, редки! Можно сказать, что такой больше не было ни в древности, ни в наши дни.

У-шуан потеряла во время мятежа своих родителей, свою родословную, словом, все, тем не менее Ван Сянь-кэ питал к ней такую сильную любовь, что даже смерть не смогла отнять ее у него.

Наконец, он встретился с Гу, который чудом помог ему осуществить заветное желание, за которое, правда, невинно пострадало более десяти людей. После долгих невзгод, скрываясь от властей, Ван Сянь-кэ и У-шуан все же пробрались на родину и прожили там пятьдесят лет вместе как муж и жена. Ну, не удивительно ли все это?

Ф А Н Ц Я Н Ь - Л И
И С Т О Р И Я Г Е Т Е Р Ы Я Н¹

Гетера Ян была самой красивой женщиной в веселых кварталах *Чанъаня. Она любила и умела всячески украсить свою и без того очаровательную внешность. Князя, вельможи, именитые приезжие — все наперебой приглашали ее на пиры. Даже непьющие люди с радостью осушали чарки в ее честь. Вся молодежь Чанъаня толпилась в ее доме и готова была пустить по ветру свое состояние и даже отдать за нее жизнь без всяких сожалений. Имя ее стало широко известно жителям столицы, и многие стремились побывать у нее.

В то время военачальником был один гуляка, очень знатный, родом из *Линнаня. Жена его, происходившая из тех же мест, была очень ревнива; давно уже она предупредила мужа о том, что если он увлечется какой-нибудь другой женщиной, она покончит с собой. Супруг же ее, будучи знатен, с юных лет привык посещать гетер и певичек, постоянно огорчал ее, но никак не мог удержаться от этой слабости.

Он тайком внес большой выкуп, чтобы Ян вычеркнули из списков гетер, и перевез ее в *Наньхай, поселив в отдельном доме. Все свободное от службы время проводил с ней, а ночью потихоньку возвращался к себе домой.

Ян, женщина умная, служила ему преданно и почтительно, вела себя как достойная супруга, никогда не нарушая приличий. Она щедро одаривала всех приближенных этого военачальника, и они старались вызвать его расположение к ней; поэтому он все больше привязывался к ней.

¹ Новелла помещена в 491-й главе (раздел «Повести») сб. «Тайпин гуанцзи».

Прошло около года с момента их встречи. Но вот однажды военачальник сильно заболел и не мог подняться. Ему очень хотелось повидать хоть разок Ян, но он боялся жеиы. Тогда он поведал свое желание своему подчиненному, с которым был дружен, и попросил придумать, как бы осуществить его.

Подчиненный сказал жене больного:

— Супруг ваш очень тяжело болен, думается мне, что нужно найти искусную сиделку для ухода за ним, тогда он скоро поправится. У меня на примете есть прекрасная служанка, которая давно уже прислуживает в знатном доме и очень хорошо умеет обслуживать больных. Прошу вас позволить ей ухаживать за вашим супругом. Как вы на это посмотрите?

— Если эта служанка служила в знатном доме, значит ей можно доверять, и, верно, вреда от этого не будет. Ну что же, можно пригласить ее к мужу, — ответила жена военачальника.

Подчиненный велел Ян принять вид служанки и идти к больному. Но не успели они еще осуществить замысел, как все обнаружилось.

Ревнивая жена собрала несколько здоровенных служанок, раздала им палки, поставила в прихожей котел с кипящим жиром и стала ждать прихода Ян, намереваясь бросить ее в котел. Узнав об этом, больной пришел в ужас и тотчас же послал предупредить Ян, чтобы она не приходила.

При этом он сказал:

— Желая исполнить мою просьбу, она чуть не попала в большую беду. Счастье, что я еще жив и смог спасти ее из пасти этой тигрицы; иначе уже было бы поздно.

Он послал Ян в подарок редкостные драгоценности и приказал мальчику-слуге нанять легкую джонку и отвезти Ян к ее родным далеко на север. С этих пор огорчение и досада больного все росли; не прошло и десяти дней, как он скончался.

Ян как раз в это время доехала до *Хунчжоу. Узнав о смерти своего возлюбленного, Ян вернула все его подарки. Затем она *поставила перед собой поминальную дощечку и, рыдая, произнесла:

— Ты умер из-за меня, зачем мне жить? Разве могу я оставаться одна, без тебя? — и, разломив дощечку, она тотчас покончила с собой.

Обычно гетеры, торгуя своей красотой, сходятся с мужчинами только из-за выгоды. Ян же смогла решиться на смерть, чтобы отблагодарить этим своего возлюбленного, — вот это сознание долга! Вернула его подарки, — вот это бескорыстие! Хоть и гетера, а насколько же отличается от всех других!

ДУ ГУАН-ТИН

ЧУЖЕЗЕМЕЦ С КУРЧАВОЙ БОРОДОЙ¹

Когда *Янди, император династии *Суй, отправился в *Цзянду, он поручил надзор за *Западной столицей своему приближенному *Ян Су, который в то время ведал всеми гражданскими и земельными делами империи.

В те годы *смуты потрясли всю страну, и надменный Ян Су, кичась своим высоким положением, вообразил, что во всей Поднебесной больше нет никого равного ему; он *вел непомерно роскошный образ жизни и держал себя не так, как подобает верноподданному сановнику. Когда к нему являлись высшие должностные лица с докладами или когда приезжали знатные гости из далеких стран, он посылал им навстречу своих красавиц, а сам оставался во внутренних покоях и принимал их, даже не приподымаясь со своего ложа. Толпы разряженных слуг и служанок окружали его и лебезили перед ним.

Как-то раз вэйский князь *Ли Цзин, тогда еще не имевший этого титула, пришел обсудить одно очень важное предложение. Ян Су слушал его, развалившись на диване. Совершив поклон, Ли Цзин сказал:

— В стране — хаос и волнение, разные удальцы поднимаются на борьбу со всех сторон. Вам, видному сановнику нашей империи, следовало позаботиться, как бы привлечь на свою сторону сердца этих удальцов, а не принимать гостей, сидя в небрежной позе на диване.

¹ Новелла помещена в 193-й главе (раздел «Удальцы») сб. «Тайпин гуанцзи».

Приняв торжественный вид, Ян Су поднялся с дивана, поблагодарил Ли Цзина за совет и начал беседовать с ним. С восторгом он принял это замечательное предложение и вежливо простился с ним.

Во время их беседы присутствовали служанки; одна из них, красивая девушка, державшая в руках красное опахало, не спускала глаз с Ли Цзина. Когда тот вышел из дома Ян Су, девушка выбежала к экипажу, подошла к слуге и спросила:

— Кто этот вельможа, уезжающий от нас, и где он живет?

Ли Цзин сам ответил на вопрос девушки. Повторив его имя и адрес, девушка ушла. Ли Цзин вернулся на подворье. Ночью, в начале *пятой стражи неожиданно раздался тихий стук в дверь. Ли Цзин поднялся, чтобы узнать, в чем дело. За дверью оказался молодой человек в пурпурном одеянии и шапке, с тюком на палке через плечо.

— Кто ты такой? — спросил Ли Цзин.

— Это я, служанка с красным опахалом из дома Ян Су.

Ли Цзин тотчас же пригласил ее войти. Сбросив мужское одеяние и шапку, она оказалась очаровательной девушкой лет восемнадцати-девятнадцати. С серьезным видом она расправила одежду и поклонилась; изумленный Ли Цзин поклонился в ответ.

— Я долго служила сановнику Яну, — сказала девушка, — и видела много славных мужей, но никто из них не может сравниться с вами, сударь. Лиана не может жить одна, она должна обвиваться вокруг дерева, вот почему я и пришла к вам.

— Но сановник Ян пользуется большим влиянием в столице, — возразил Ли Цзин, — как же можно?

— Он уже почти при последнем издыхании, нечего его бояться. Все служанки знают, что он уже бессилен, и многие убежали от него. Он даже и не пытается преследовать их. Я все обдумала как следует и прошу вас не беспокоиться, — ответила девушка.

Ли Цзин спросил ее фамилию, она ответила:

— Чжан.

Спросил, *какая она по счету в семье:

— Самая старшая из сестер, — ответила та.

Увидев, что внешность ее, манеры, речи и характер поистине, как у небесной феи, Ли Цзин, которому она досталась таким неожиданным образом, был и обрадован, и встревожен. В один миг на него свалилась тысяча волнений и забот, а тут еще все время народ подглядывал в щелку дверей.

Прошло несколько дней. Они узнали, что девушку разыскивают, но, видимо, не особенно усердно. Тогда они переоделись, оседлали коней и уехали, намереваясь вернуться в *Тайюань. По дороге остановились в гостинице, в местечке *Линьши; постель была уже приготовлена, варившееся в очаге мясо было готово. Чжан, стоя перед кроватью, расчесывала свои длинные, достигавшие земли волосы; Ли Цзин в это время чистил лошадей во дворике у открытой двери. Внезапно на хромом ослике подъехал мужчина среднего роста с рыжей курчавой бородой. Бросив кожаный мешок перед очагом, он прилег на изголовье и стал смотреть, как Чжан причесывается.

Ли Цзин очень рассердился, но не зная, как поступить, продолжал чистить лошадей. Внимательно посмотрев в лицо чужеземцу, Чжан, придерживая одной рукой волосы, другой рукой делала за спиной знаки Ли Цзину, чтобы он не сердился. Быстро приведя в порядок прическу, она подобрала полы своего платья и, подойдя к чужеземцу, спросила, как его зовут. Тот ответил:

— Моя фамилия Чжан.

— Я тоже из рода Чжан, значит, я прихожусь вам младшей сестрой, — сказала она и, поклонившись, спросила, какой он по счету в семье.

— Третий, — ответил он, и в свою очередь спросил, какая она по счету.

— Старшая из сестер.

Чужеземец обрадовался:

— Я счастлив, что повстречал сегодня свою младшую сестру.

— Господин Ли, идите сюда, познакомьтесь с моим третьим старшим братом! — позвала девушка.

Ли Цзин поспешил поклониться. Когда все уселись, чужеземец спросил:

— Что за мясо у вас там варится?

— Баранина; должно быть, уже готова.

— Я очень голоден, — сказал чужеземец.

Ли Цзин пошел на рынок за печеными лепешками. Чужеземец снял с пояса нож и разрезал мясо. Все вместе принялись за еду. Когда ужин был окончен, чужеземец раскромсал остатки пищи и накормил ими своего осла. Затем обратился к Ли Цзину:

— Судя по всему, господин Ли, вы — ученый из бедной семьи. Как же досталась вам такая красавица?

— Хотя я и беден, — ответил Ли Цзин, — но я не ищу богатства. Если бы меня спросил кто другой, я бы не стал отвечать ему, но раз вы, почтенный старший брат мой, спрашиваете, не стану скрывать. И все рассказал.

— Ну, и что вы теперь намерены предпринять? — спросил чужеземец.

— Да вот собираюсь бежать в Тайюань, — ответил Ли Цзин.

— Так, так! Но зато моя история совсем в другом роде, — заметил чужеземец; затем спросил: — Скажите, нет ли у вас вина?

— Рядом есть винная лавка, — ответил Ли Цзин и пошел туда. Принес целый *доу. Когда вино обошло вокруг, чужеземец сказал:

— У меня тут есть кое-что к вину, согласится ли господин Ли разделить это со мной?

— Не посмею отказаться, — ответил Ли Цзин.

Тогда чужеземец раскрыл свой кожаный мешок и вынул из него голову, сердце и печень человека. Бросив голову обратно в мешок, он разрезал ножом сердце и печень и, поделившись с Ли Цзином *съел их. Затем он сказал:

— Это был самый мерзкий человек во всей Поднебесной. Десять лет его не удавалось поймать, теперь вот поймал его, и, наконец, на сердце стало легче.

Помолчав немного, он продолжал:

— Вижу я по вашим, сударь, манерам, лицу и осанке, что вы благородный муж. Не слышали ли вы о каком-нибудь выдающемся человеке в Тайюани?

— Я знавал только одного, — ответил Ли Цзин, — которого я бы мог назвать настоящим человеком, а все остальные — военачальники, чиновники да и только.

— Как его фамилия? — спросил чужеземец.

— Он мой однофамилец, — ответил Ли Цзин.

— А сколько ему лет?

— Только двадцать.

— Кто он такой?

— Сын областного военачальника.

— Похоже, что это он. Мне нужно его повидать, не можете ли вы, сударь, помочь мне в этом?

— Мой приятель *Лю Вэнь-цзин очень близок с ним. Через Лю Вэнь-цзина и можно будет устроить встречу. Но зачем это вам? — спросил Ли Цзин.

— Один предсказатель, угадывающий судьбу по облакам, — ответил чужеземец, — говорил мне о том, что в городе Тайюань есть место, где из земли восходит к небу воспарение, и послал меня разузнать об этом. Скажите, сударь, — когда вы предполагаете приехать в Тайюань, если отправитесь завтра?

Когда Ли Цзин рассчитал время своего прибытия, чужеземец сказал:

— На следующий день после вашего приезда, когда начнется восход солнца, ждите меня у *моста Фэньян.

Затем он сел на своего ослика и умчался так быстро, что вскоре его уже не было видно.

Ли Цзин и девушка Чжан были сильно встревожены, но в то же время радовались. Долго они не могли опомниться и, наконец, решили:

— Дух убитого негодяя, сердце и печень которого мы ели, не станет мстить нам. Ясно, что нам нечего бояться.

Они подхлестнули своих лошадей и поехали. В назначенное время они прибыли в Тайюань и действительно снова встретились с чужеземцем. Обрадовавшись друг другу, все вместе направились в дом Лю Вэнь-цзина.

Ли Цзин солгал Лю Вэнь-цзину:

— Я привел к вам искусного физиогнома, который хочет повидать вашего почтенного друга; прошу вас пригласить его.

Узнав, что чужеземец искусный физиогном, Лю Вэнь-цзин, обожавший своего друга, немедленно послал за ним. Тот явился по приглашению, но без халата, без башмаков, в простой куртке; держался он с большим достоинством и внешность его была далеко не обычная. У чужеземца, сидевшего молча на последнем месте, при виде его оборвалось сердце; помолчав немного, он выпил несколько чарок вина и сказал Ли Цзину:

— Вот настоящий император!

Ли передал эту фразу Лю Вэнь-цзину; тот очень обрадовался, так как это совпадало с его мнением.

Выходя из дому, чужеземец сказал:

— Я почти совсем убедился, но все же мне надо повидать моего старшего брата — *даоса. Вам, господин Ли Цзин, и моей младшей сестре следовало бы вернуться в столицу и в назначенный день, ровно в полдень, встретиться со мной подле винной лавки, что к востоку от улицы Масин. Если внизу будут привязаны этот хромоу осел и еще один, тощий, значит мы с даосом наверху, в лавке. Поднимитесь к нам, туда.

На этом они расстались.

Ли Цзин и девушка Чжан снова сделали, как было им сказано, и вернулись в *Чанъань. В назначенный день Ли Цзин пришел в указанное место и увидел двух ослов. Придерживая руками полы своей одежды, он поднялся вверх. Чужеземец и даосский монах сидели там друг против друга и пили вино; увидев Ли Цзина, они обрадовались ему и пригласили сесть с ними за стол.

Когда вино раз десять обошло всех, чужеземец сказал:

— Внизу, под прилавком спрятано сто тысяч медных монет. Выберите какое-нибудь уединенное, скрытое от всех место и поселитесь там с моей младшей сестрой. В определенный день мы с вами снова увидимся в городе Тайюань у моста Фэньян.

В назначенный день чужеземец явился на свидание вместе с даосским монахом. Втроем они отправились к Лю Вэнь-цзину, который

в это время играл в шахматы. Лю Вэнь-цзин приветствовал гостей и, побеседовав с ними, послал записку юноше Ли, приглашая его прийти посмотреть на игру в шахматы. Даосский монах уселся играть с Лю Вэнь-цзином, а Ли Цзин и чужеземец сидели рядом, наблюдая за игрой.

Вскоре пришел юноша Ли; великолепная внешность его поразила присутствующих. Низко поклонившись, он уселся, лицо его приняло ясное и светлое выражение. Все присутствующие ахнули: в глазах его сверкал огонь. Посмотрев на него, даос опечалился, сделал один ход и воскликнул:

— Проигрыш! На этот раз все потеряно! Выхода нет! Нечего больше и говорить!

Отказавшись играть, он попросил разрешения удалиться. Выйдя же из дома Лю Вэнь-цзина, сказал чужеземцу:

— Эта империя не может быть твоей. Есть другие места, попробуй там свои силы, а об этой нечего и думать.

Затем все вместе отправились в путь. Чужеземец сказал Ли Цзину:

— Такого-то числа ваша поездка кончится; прошу вас вместе с моей младшей сестрой на следующий день по приезде посетить мой скромный дом в таком-то переулочке. У вас в доме бедно, как в пустом сосуде. Я хотел бы устроить ей, вашей молодой супруге, удобное жилье. Прошу вас, не отказывайтесь!

Сказал это, вздохнул и уехал.

Ли Цзин подхлестнул коней, и они поехали своим путем. Прибыв в столицу, он вместе с Чжан отправился к чужеземцу. Подъехали к небольшим деревянным воротам, постучались; слуга вышел к ним и сказал с поклоном:

— Третий господин давно уже приказал ожидать господина Ли и его супругу.

Слуга провел их через ряд ворот, одни величественнее других. Сорок служанок, одетые в шелка, стояли рядами во дворе. Двадцать рабов провели гостей в восточный зал. Вся обстановка в зале была редкостная, исключительно дорогая; множество сундуков, туалетных

шкатулок, зеркал, головных украшений, какие редко увидишь в мире смертных.

Когда Ли Цзин и Чжан привели себя в порядок после путешествия, им предложили переодеться в роскошные одежды. Только они кончили свой туалет, раздался возглас:

— Прибыл Третий господин!

Появился чужеземец в высокой шапке и простом наряде, величественный, словно дракон или тигр. Все очень обрадовались встрече. Он приказал своей жене выйти поклониться гостям; она была прекрасна, как небесная фея. Прошли в другой зал; там были расставлены такие закуски, каких не подавали и наследным принцам. Все четверо уселись за стол. Стоя перед ними, двадцать музыкантов играли арии неземной красоты, казалось, это была небесная музыка. Окончили еду, подали вино. Слуги вынесли из восточного зала двадцать диванов в вышитых парчевых чехлах. Расставив диваны в ряд, слуги сняли чехлы; под ними оказались документы, счета и ключи.

Чужеземец сказал:

— Здесь все мои сокровища и богатства. Все, что имею, я даю вам. — Почему? Если хочешь успеха в этом мире, то надо бороться лет двадцать-тридцать, и все равно много не достигнешь. А теперь, когда я узнал, что здесь есть настоящий герой, *Ли из Тайюаня, могу ли я стоять у него на дороге? Через три-четыре года воцарится великий мир. Вы, господин Ли Цзин, устремите все свои выдающиеся способности на служение делу мира. Если все свои силы и помыслы устремите на это, то непременно станете крупным сановником. И моя младшая сестра, с ее красотой небожительницы и невиданными в мире смертных дарованиями, вслед за вами удостоится высоких милостей и будет счастлива. Только она узнала в вас человека исключительного благородства, только вы можете дать ей настоящее счастье. Время, когда вы подниметесь ввысь из низов, уже близко, так ветер поднимается, когда ревет тигр, так сгущаются облака, когда гремит дракон; одно является следствием другого. Примите мой подарок и используйте эти богатства для служения истинному Владыке; добейтесь успеха, употребите на это все свои силы! Если через десять лет

произойдут большие события на юго-востоке, за несколько тысяч *ли отсюда, это будет значить, что я добился успеха в своих начинаниях. Тогда младшая сестра и вы, господин Ли, сможете *вылить вино в юго-восточном направлении, чтобы поздравить меня.

Затем он приказал всей домашней прислуге поклониться новым господам. Сказав это, он сел на лошадь и уехал, сопровождаемый женой и одним слугой. Проехав несколько шагов, они исчезли из вида.

Приняв во владение дом, Ли Цзин стал очень богат и смог представить новому государю средства для спасения и установления империи.

В десятом году правления *«Чжэньгуань» Ли Цзин был пожалован титулом Вэйского князя.

В это время пришло сообщение от южных инородцев, гласившее: «Тысяча лодок и сто тысяч вооруженных воинов вторглись в *Фуюй; правитель убит и трон его захвачен чужеземцем. Образовано новое государство».

Ли Цзин понял, что чужеземец с курчавой бородой добился своего.

Вернувшись домой, он рассказал об этом своей жене Чжан. Надев парадные платья, они принесли жертву вином, вылив его на землю в юго-восточном направлении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 316 г. северная часть Китая подпала под власть завоевателей-кочевников. С этого времени обе половины страны стали жить каждая своей обособленной государственной жизнью, начался период Южных и Северных династий, как обычно именуется в традиционной историографии это время.

Разделение страны на два отдельных государства продолжалось почти три столетия: только в 80-х годах VI в. государственное единство Китая было восстановлено, страна снова стала единой империей, с 589 г. управляемой императорами из дома Суй, с 618 г. — из дома Тан.

Восстановлению государственного единства Китая способствовало то обстоятельство, что пришельцы на севере — представители различных кочевых и полукочевых племен — за эти столетия полностью ассимилировались с коренным китайским населением, среди которого они стали жить. Они восприняли образ жизни этого населения, смешались с ним посредством браков, приняли китайский язык, стали называться китайскими именами. Да и в то время, когда этого смешения еще не было, север продолжал оставаться китайским, поскольку основную массу населения составляли китайцы, и их образ жизни, их культура продолжали господствовать даже под властью завоевателей. Поэтому, когда в 80-х годах VI в. один из феодалов севера — Ян Цзянь, китаец по происхождению, — захватил в свои руки престол в северном государстве, ему было не трудно объединить под своей властью и всю страну. Завершение объединения относится к 589 г. Еще раньше, в 581 г., Ян Цзянь объявил себя императором всего Китая, дав своей династии наименование Суй.

Экономической основой, на которой произошло объединение страны в одно государство, была установившаяся в этот период феодализма в Китае однообразная в своих важнейших чертах система надельного землепользования, начавшая складываться на севере, но постепенно распространившаяся и на юг. При надельной системе собственником земли считалось государство (в лице императора), а участки, находившиеся у населения, рассматривались как надельные, получаемые от государства. Эксплуатация крестьянства осуществлялась в форме натурального налога, вносимого держателями надельных земель государству в качестве платы за пользование государственной землей. Держатели надельных, — а основная масса их была, естественно, крестьяне, — были лишены права ухода с закрепленных за ними участков, но лично крестьянин все же оставался свободным, сохранял собственность на жилище, на орудия производства и на свое имущество.

Феодальный правительственный аппарат состоял из государственных чиновников — представителей правящего класса. В их обязанности входило распределение присваиваемого продукта и поддержание самой системы эксплуатации. Была создана обширная, разветвленная сеть иерархически подчиненных правительственных учреждений — деревенских, уездных, окружных, областных и центральных, первичным из которых было пятидворье — административное объединение пяти соседних дворов, высшим же — три палаты, в ведении которых было восемь ведомств, своего рода министерств, разделявших между собой области управления. Верховная власть была сосредоточена в руках императора. Армия, составленная из рекрутов, набираемых среди надельного крестьянства на основе воинской повинности, находилась под командованием военных чинов и существовала не только для внешних войн, но и для поддержания установившейся системы феодальной эксплуатации.

Присвоение правящим классом прибавочного продукта при этой системе осуществлялось через государство. Все налоги поступали в казну и затем распределялись среди гражданских и военных чинов в форме жалованья за службу. Размер жалованья определялся должностью, чином, рангом. Но, кроме жалованья, государственные чины

получали доход и непосредственно — с участков, находившихся в их распоряжении. Эти участки также считались наделами, но не подушными, а присвоенными по должности и рангу.

Крестьяне, обрабатывавшие эти участки, вносили налоги не в казну, а непосредственно держателю должностного или рангового надела.

Такая система распределения дохода обуславливала имущественное неравенство среди правящего класса. Знать, с давних пор захватившая в свои руки важнейшие посты в правительстве, фактически — под видом должностных, ранговых наделов, наделов по знатности — владела обширными земельными угодьями с прикрепленными к ним крестьянами. Но было и мелкое чиновничество, занимавшее низшие должности в правительственном аппарате. Для этих чиновников, имевших полагавшийся им подушный надел, главным источником средств была государственная служба. Правящая верхушка господствующего класса следила за надлежащим подбором кадров для аппарата управления, для чего была установлена более строгая, чем прежде, система государственных экзаменов на получение степеней, дающих право на занятие должности. Поэтому все усилия будущих чиновников были направлены на получение такой степени.

Такое положение низшего слоя господствующего класса делало его представителей зависимыми от знатных и влиятельных лиц, что порождало среди этого слоя различные настроения: в одних случаях — сервильизм, угодничество, в других — возмущение и протест. Поскольку эти слои господствующего класса были вместе с тем и наиболее образованными — хотя бы потому, что получение образования было необходимо для занятия должности, — постольку именно из их среды вышло большинство деятелей культуры того времени, в том числе ученые и литераторы. В творчестве ряда танских литераторов нашла свое отражение и указанная двойственность в их отношении к окружающему миру: угодничество перед властью имущими — с одной стороны, протест против несправедливости — с другой.

Династия Суй не долго продержалась на троне. Ян Цзянь и его преемник Ян Гуан (605—616) должны были вести борьбу с нежелающими признать власть новых императоров феодалами. Начались непрерывные завоевательные походы за рубежи страны, особенно в Корею. Проводились обширные строительные работы; достаточно сказать, что был создан Великий канал — целая сеть оросительных сооружений. Много средств и сил тратилось на возведение дворцов, устройство парков. Средства же добывались постоянными поборами с населения. Это и вызвало ряд крестьянских восстаний против новых правителей. Недовольством населения воспользовался другой владетельный дом, глава которого Ли Юань, до этого — военачальник на службе у Ян Гуана, — с помощью вспомогательных отрядов из тюрков в 618 г. захватил престол, тем самым положив начало новой династии, названной им Тан.

Первым танским императором — Ли Юаню (гаоцзю) и сыну его Ли Ши-мину (тайцзун) — пришлось вести упорную борьбу за укрепление своей власти, за подчинение себе местных правителей, отказывавшихся признавать новую династию. Преодолев сопротивление феодалов на местах военными силами, Ли Ши-мин провел ряд реформ, призванных не допускать усиления местных феодалов и в дальнейшем. С этой целью была ликвидирована самостоятельность князей в управлении отдельными районами и введена система административного управления страной, руководимого центральной властью. Страна была разделена на области, области — на округа, округа — на уезды, уезды — на волости. Во главе управления каждой из этих административных единиц стоял назначенный императором чиновник как представитель центральной власти.

Стремясь к укреплению своей власти, первые танские императоры провели также мероприятия, которые в какой-то степени улучшили положение крестьянства. Так, были снижены налоги, установленные при Суй; в местностях, где положение крестьян было особенно тяжелым, сбор налогов временно отменялся. В неурожайных районах крестьянам выдавались ссуды. Отменена была государственная монополия на соль и железо. Проводя эти мероприятия, вызываемые на-

стоятельной необходимостью повышения производительности сельского хозяйства, подорванного в предшествующие годы, танские императоры в то же время жестоко расправлялись со всякими проявлениями недовольства.

Объединение страны, прекращение феодальных междоусобиц, введение организованного управления, регулируемого законами, некоторое улучшение положения основных производителей — крестьян — все это в течение определенного времени способствовало развитию производительных сил, политическому и экономическому расцвету танского государства.

Усиление императорской власти позволило Ли Ши-мину вести активную внешнюю политику, тем более, что им была осуществлена военная реформа на основе рекрутской повинности крестьян, которая дала возможность императорам сосредоточить в своих руках всю воинскую силу в стране. Армия была разделена на отдельные части по родам войск, создана была военная школа. Реорганизовав таким образом армию, Ли Ши-мин начал свои завоевательные походы. Эти походы широко раздвинули границы танского Китая: на востоке империя граничила с Желтым морем, на западе — с Аральским, с севера на юг китайские владения простирались от Монголии до Индокитая.

Экономический подъем способствовал быстрому развитию торговли как внешней, так и внутренней; росли и укреплялись связи Китая с западными странами через Восточный Туркестан, а также посредством южного морского пути. Китайские торговцы добираются до Персидского залива. В Кантоне появились торговые фактории иностранных, главным образом арабских, купцов.

Отмена особенно стеснительных ограничений во внутренней торговле способствовала развитию промыслов и ремесла, привела к зарождению цеховых организаций как купцов, так и ремесленников.

Все это превратило танский Китай в VII—VIII вв. в величайшую — по размерам территории, экономическому развитию, организованности управления, материальной культуре — империю феодального средневековья.

* * *

Приблизительно со второй половины VIII в. в Танской империи выявляются первые признаки экономического кризиса. Основной причиной этого кризиса был распад надельной системы, вызванный ростом крупного феодального землевладения: происходит процесс концентрации земли, создаются крупные поместья, государственные надельные преобразуются в частную собственность феодалов. Концентрация земли, переход ее вместе с обрабатывающими ее крестьянами в собственность феодала подрывали экономический базис центральной власти, уменьшая государственные доходы, способствуя усилению влияния феодалов на местах. Вместе с тем процесс концентрации земли, купля-продажа ее приводили к обезземеливанию крестьян, разорению основных производителей, подрыву производительных сил страны, обострению классовой борьбы.

Неизбежным следствием экономического кризиса был кризис политический. Уже в середине VIII в., в конце царствования императора Сюаньцзуна (713—755), произошло событие, показавшее, насколько была ослаблена императорская власть. В 755 г. военный губернатор провинции Шаньдун Ань Лу-шань поднял мятеж, после смерти Ань Лу-шаня возглавленный Ши Сы-мином. Предводители мятежа преследовали свои личные цели, и мятеж ни в коем случае не был массовым народным движением. Китайский народ рассматривал продвижение армии Ань Лу-шаня как нашествие чужеземцев, поскольку в войсках Ань Лу-шаня было много отрядов, сформированных из кочевых племен.

Хотя в лагере мятежников начался разлад, тем не менее правительство все же не могло подавить мятеж своими силами и было вынуждено обратиться за помощью к наемным отрядам из уйгуров и тибетцев, которые и помогли расправиться с мятежниками. В 763 г. мятеж был подавлен.

Мятеж Ань Лу-шаня способствовал росту независимости отдельных военачальников и князей, показал кочевым соседям Китая слабость империи, чем они и не замедлили воспользоваться. Уйгуры и тибетцы после подавления мятежа отказались покинуть территорию Китая. Началась война между ними; столкновения частично происхо-

дили на китайской земле. Возобновились и набеги кочевников на границы страны. Эти набеги разоряли пограничные области и способствовали в то же время росту самостоятельности военачальников пограничных войск, которые, не получая помощи от центральной власти, были вынуждены своими силами отражать нападения кочевых народов.

В этой обстановке распалась та форма экономической основы феодализма — надельная система землепользования, на которой утвердилась в конце VI в. восстановленная единая китайская империя. В свое время надельная система способствовала росту земледелия, развитию производительных сил средневековой деревни. Она в какой-то мере ограничивала эксплуатацию крестьянина. Но вместе с тем система строго определенных наделов стесняла инициативу и возможности расширения хозяйства. Поэтому крестьянство стало тяготиться надельной системой, и часть его охотно переходила на земли феодалов. С другой стороны, и правящий класс, укрепивший свою экономическую мощь путем эксплуатации крестьян через государство, стал предпочитать непосредственную форму эксплуатации. Под действием этого двустороннего процесса и рухнула надельная система. Официальным признанием ее краха был опубликованный в 780 г. закон, изменивший систему налогового обложения: был введен единый налог с имущества, в том числе и с земли. Это означало, что земля стала признаваться частной собственностью. Этот акт устранял последние препятствия к росту крупного землевладения и начинал собой новый этап в истории феодализма в Китае — этап феодального поместья. Но пока экономическая жизнь Китая окончательно перестроилась в этом направлении, страна пережила ряд сильнейших потрясений. На все усиливавшийся налоговый гнет со стороны правительства крестьянство ответило восстаниями, вылившимися в крестьянскую войну 874 г., возглавленную крестьянскими вождями Хуан Чао и Ван Сянь-чжи, которая и привела к гибели танской династии и к распаду государства (906).

* * *

Эти события по-разному отражались на всей жизни страны. В частности, они не приостановили обозначившегося с самого восстановления империи роста городов и развития городской жизни и культуры.

В танском Китае было уже много больших и малых городов. Самым крупным городом была столица империи Чанъань (современный Сиань в пров. Шэньси). В первой половине VIII в. в нем насчитывалось более миллиона жителей. Это был крупнейший политический и торговый центр, связанный многочисленными нитями с рынками Восточной, Юго-Восточной и Средней Азии. Внешний облик и быт его населения — разноплеменного и разноязычного — придавали городу особый колорит, выделявший его среди других городов империи.

Вторая столица империи — Лоян (современный Хэнань в пров. Хэнань) — также была крупным торговым центром с большим количеством населения. Как в Западной столице, как назывался Чанъань, так и в Восточной столице, как назывался Лоян, было множество увеселительных кварталов, о которых так часто упоминается в танских новеллах.

В южных портах, как, например, в Гуанчжоу (современный Кантон), имелись многочисленные колонии иностранных купцов. Сюда съезжались люди из разных стран: арабы, персы, японцы, корейцы, индусы и даже греки.

С развитием городов начинает развиваться и городская культура.

В Чанъане — этом не только политическом, но и культурном центре тогдашнего Китая — имелись школы, библиотеки. Здесь была создана Академия Ханьлинь — средоточие ученых, бывших как бы советниками императора, здесь находилась школа певцов и музыкантов — «Грушевый сад» («Лиюань»), придворный театр. Здесь начала издаваться первая китайская газета. Сюда съезжались лица, рассчитывавшие путем сдачи государственных экзаменов получить право на занятие чиновничьей должности. В городах концентрировалась интеллигенция того времени: ученые, писатели, художники. В этой среде и сложились классическая средневековая китайская поэзия, публицистика и художественная проза.

* * *

Как по своей форме, так и по содержанию танская поэзия была качественно новым и, безусловно, глубоко прогрессивным явлением. Она стремилась к выражению простых человеческих чувств, к описанию событий действительной жизни.

Если в первую половину существования Танской империи, в период ее экономического и политического расцвета основными темами крупнейших поэтов (Ван Вэя, Мэн Хао-жэня, Гао Ши, Ли Бо и др.) было описание природы, настроений и переживаний самого поэта, лирического героя произведения, воспевание дружбы поэтов-ученых; если в произведениях этих поэтов лишь иногда звучали ноты протеста против несправедливостей и произвола господствующего класса, протеста большей частью пассивного, ведущего не к борьбе со злом, а к уходу от него в отшельничество, то, начиная со второй половины VIII в., с того времени, когда империя Тан стала неуклонно идти к упадку, когда начали обнаруживаться резкие социальные противоречия, ранее менее ощущаемые, в стихотворениях поэтов начинают звучать ноты подлинного протеста. Это особенно заметно в произведениях поэтов так называемой «общественной группировки» («Шэхуэйпай»).

Первым танским поэтом, во весь голос заговорившим о социальной несправедливости, о роскоши знати и нищете народа, об ужасах войны, был Ду Фу (712—770). Многие стихотворения Ду Фу («Песня о хижине, разрушенной осенним ветром», «В годы Цяньюань¹ живу в уезде Тунгу и сочиняю песнь в семи стансах», «Северный поход», «Сто печалей», «Синьяньский чиновник», «Разлука новобрачных», «Разлука бездомных» и т. п.) отражают страдания народа, изнемогающего под тяжестью непосильных налогов, голодающего и нищенствующего. Особенно же резкий протест у Ду Фу вызывают рекрутские наборы. В ряде стихотворений, посвященных этой теме, Ду Фу показывает картины опустевших деревень, в которых почти не осталось мужчин, что не мешает наборщикам рекрутов ежедневно приходить в поисках новых жертв. Поля зарастают дикими травами; женщины обрабаты-

¹ 758—759 гг.

вают землю, но она не дает всходов; урожая не хватает и на несколько месяцев жизни, а надо ведь еще платить налоги. Женщины и дети обречены на голодную смерть. Вербовщики не щадят ни старых ни малых. Если в семье остается старик-кормилец, то и ему грозит опасность быть угнанным на войну. И старики уходят из дому, бросая свои семьи и земли. Юношей, почти мальчиков, тоже берут на войну. В походах и на страже границ они проводят десятки лет.

Народ бедствует, но знати живется превосходно: двор утопает в роскоши, чиновники наживаются на народных бедствиях.

Еще резче о социальном неравенстве говорил Бо Цзюй-и (772—846). Особенно типичны в этом отношении его «Циньские напевы», в которых поэт беспощадно разоблачает роскошь чиновников и знати, противопоставляя их жизни нищету и страдания народа. В «Новых народных песнях» поэт устами обнищавшего народа говорит о его страданиях.

Та же тема проходит и в поэзии Юань Чжэня (779—831), протестующего против бесконечных войн, критикующего полководцев-честолюбцев, рассказывающего о тяжелой жизни народа.

Поэт и прозаик Хань Юй (768—824), пользовавшийся большим влиянием в танскую эпоху, выступал против буддизма, против растущего церковного землевладения, прямо говоря о тяжелом положении народа.

Вместе с Хань Юем выступил Лю Цзун-юань (773—819), ряд эссеёв которого посвящен критике чиновников, доводящих крестьян до голодной смерти.

Все эти примеры говорят об одном: передовые люди танского Китая не хотели мириться с социальной несправедливостью и смело поднимали свой голос протеста.

Основные воззрения поэтов «общественной группировки», отраженные в их поэтической практике и в теоретических высказываниях¹,

¹ Переписка Бо Цзюй-и с Юань Чжэнем; «Предисловие к песням в народном стиле на новые темы» Бо Цзюй-и; «Предисловие к эпиграфии Ду Фу» и «Предисловие к «Песням в народном стиле на старые темы» Юань Чжэня; доклады и обращения к трону Юань Чжэня; эссеи Лю Цзун-юаня и т. д.

сводились к тому, что литература должна быть насыщена общественным содержанием, что ценна только та поэзия, которая является носителем общественного мнения, что язык должен быть выразителен, прост и понятен читателю из любых слоев общества.

В качестве реформатора художественной прозы выступил блестящий публицист танского периода Хань Юй, положивший начало «движению за возврат к древности»¹. Отрицательное отношение Хань Юя к современной ему литературе объясняется резким расхождением между запросами, которые предъявлялись к литературе жизнью страны и которые отражал он сам, и состоянием литературы, ее бессилием эти запросы удовлетворить.

Хань Юй и его сторонники (Лю Цзун-юань, Мэн Дун-е, Чжан Цзи, Хуан Фу-чжи, Ли Хань, Ли Ао), выступая за уничтожение условностей, словесных украшений, искусственных параллелизмов, присущих произведениям литературы периода Южных и Северных династий, выдвигали в качестве образцов произведения древних. Обращение к «гувэнь» (древней литературе) по существу было борьбой за создание литературы большого общественного содержания, борьбой за произведения, написанные простым, ясным языком, в которых главным является идея, а не способ ее выражения, содержание, а не форма.

Современный историк китайской литературы проф. Чжэн Чжэнь-до рассматривает «движение за возврат к древности» как «прогрессивное движение», направленное против вычурности литературы периода Южных и Северных династий, как «движение за возвращение к простоте». Хотя это движение имело ограниченный характер², но в то время оно действительно было прогрессивным. Оно оказало большое

¹ «Фугу юньдун», или «Гувэнь юньдун».

² Эту ограниченность использовали потом реакционные китайские ученые XVIII—XIX вв., выхолостившие из теории Хань Юя ее основную идею общественной действительности литературы и стремившиеся путем «возврата к древности» удержать Китай в состоянии феодального застоя. Речь идет о так называемой «гунчэнской группировке» и в особенности о ее идейном последователе Цзэн Го-фане

влияние на развитие повествовательной литературы. Призывавшее к возрождению философской и художественной прозы глубокой древности «движение за возврат к древности» фактически знаменовало собою переход к созданию качественно новой литературы. С этим движением связано и появление литературного рассказа, художественной новеллы.

* * *

Ранние новеллы (VI и первой половины VII в.) были еще многими своими характерными чертами связаны с легендами (гуши) периода Южных и Северных династий, берущими свое начало в фольклоре и произведениях писателей глубокой древности, которые также восходили к фольклору своей эпохи. Элементы повествования — в форме легенд, притчей, коротеньких рассказов — имелись уже в философских трактатах Ле-цзы (V—IV вв. до н. э.), Чжуан-цзы (IV—III вв. до н. э.), Хуай Нань-цзы (II в. до н. э.) — писателей, относимых к даосской школе, а также Хань Фэй-цзы (III в. до н. э.)¹ — представителя так называемой школы «законников».

В географическом трактате «Шань-хай цзин»² часто встречаются описания сверхъестественных явлений природы, необычайных растений и существ. Крупнейший исследователь китайской литературы Лу Синь указывал, что «при династиях Цинь и Хань было много рассказов о сверхъестественном, а проникновение буддизма в Китай еще более способствовало увеличению их числа»³. Все эти легенды, мифы и предания не имеют индивидуальных авторов, а созданы народом.

¹ Например, у Хуай Нань-цзы рассказ о легендарном «Коне Фэйхуане, мчащемся галопом в необъятных пространствах». У Хань Фэй-цзы есть рассказ о птице «с тяжелой головой и изогнутым хвостом»: «Если захочет напиться в реке, то обязательно ложится навзничь, берет в клюв свои перья и пьет через них».

² «Книга о горах и реках». Несмотря на сомнения в ее аутентичности, китайские литературоведы считают, что она была произведением V—IV вв. до н. э.

³ Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной литературы (Чжунго сяошо ши люе). Юбилейное издание собр. соч. Лу Синя за тридцать лет (Лу Синь саныши-няньцзи), т. IX. Дальний, 1946, стр. 47.

Однако уже в I в. до н. э. встречаются и индивидуальные авторы рассказов о необычайном. До нас дошло восемь таких рассказов. Героями их являются различные фантастические персонажи. Сюжет этих рассказов подается в дидактическом плане, почему и не подвергается авторами сколько-нибудь существенной разработке.

Повествовательная литература в собственном смысле слова создается позднее. Одним из первых ее представителей был Гань Бао (IV в. н. э.)¹, автор книги «Поиски духов» («Соу шэнь цзи») — сборника коротких рассказов о добрых и злых духах, о драконах и тиграх, о сверхъестественных рождениях и воскрешении из мертвых. В V в. появилось дополнение к «Соу шэнь цзи», приписываемое знаменитому поэту Тао Цяню.

В первой половине VI в. были созданы «Записки о чудесах» («Шу-и цзи») Жэнь Фана.

Все это, конечно, еще не новеллы, а отдельные коротенькие морализующие рассказы с мало развитым сюжетом, лаконичские записки о чудесных происшествиях и исторических героях. Но основные темы этих первых повествовательных произведений вошли в новеллы танских писателей. «Новеллы идут от старых рассказов о чудесах... большая часть из них связана со старыми преданиями о чудесах своим интересом к необычайному», — пишет Лу Синь².

Китайская новелла в более развитом виде появляется в конце VI в., но окончательное ее формирование и первоначальный расцвет падают на вторую половину VIII и первую половину IX в., т. е. на середину танского периода истории Китая³.

¹ Гань Бао — историограф, написавший «Историю династии Цзинь» («Цзиньшу»).

² Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной литературы, стр. 76.

³ Чжэнь Чжэнь-до относит расцвет новеллы к периоду между 766 и 821 гг. Лу Синь — к периоду 765—800 гг.

Лу Синь считал, что именно в это время произошел поворот от короткого рассказа с неразвитым сюжетом к сюжетно разработанной и литературно отделанной новелле.

* * *

По признаку жанра танские новеллы можно разделить на следующие три категории: 1) фантастическую, 2) любовно-бытовую, 3) героическую (иногда историческую).

На ранних ступенях развития сюжеты танских новелл в основном были фантастические, но уже и в этих фантастических новеллах можно встретить то, что характеризует танскую новеллу на более высокой ступени ее развития: обрамление фантастического сюжета реальными рамками времени и места действия и введение в новеллу реальных персонажей — людей танской или предшествующей эпохи.

Попадая — во сне или в грезах — в мир фантазии, герой повествования видит, что этот мир, в сущности, мало чем отличается от мира реальных людей.

«В годы правления «Ифэн» некий ученый Лю И, потерпев неудачу на государственных экзаменах, решил вернуться домой к берегам реки Сян», — так начинается новелла Ли Чао-вэя «История Лю И». Таким началом автор вводит читателя в мир реальных людей и конкретных событий. Затем герой новеллы Лю И встречает дочь Дракона — Владыки озера Дунтинху и, выполнив ее поручение, попадает во владения ее отца — подводное царство. Если отвлечься от необычайной роскоши этих владений, здесь все так же, как у людей: те же общественные отношения, те же чувства, развлечения, те же дома и дворцы и т. д.

Мастер жанра фантастической новеллы Ли Гун-цзо обрамляет фантастический сюжет совершенно реальными рамками. В начале новеллы «Правитель Нанькэ» герой засыпает, и все чудеса происходят с ним во сне. Это — менее фантастическое происшествие, чем прогулка в подводное царство в рассказе Ли Чао-вэя или путешествие в далекое прошлое в рассказе Нью Сэн-жу. Все, с чем встречается герой новеллы Ли Гун-цзо, очень похоже на то, с чем ему приходилось иметь дело

в реальном мире: та же система управления, те же интриги и междоусобные войны, то же чиновничество, те же наказания и обряды.

Характерны в этом отношении и новеллы другого крупного танского новеллиста — Шэнь Цзи-цзи. Его новелла «Изголовье» является примером этого: жизнь, которую прожил юноша Лу во сне, могла быть жизнью любого чиновника того времени. Дидактическая концовка новеллы, как и у Ли Гун-цзо, только усиливает общую реалистичность повествования. Вместо сухого, отвлеченного нравоучения конфуцианского эссея, который обычно пишется ради этого нравоучения, автор дает увлекательный, живой рассказ о необычайном происшествии, но в конце новеллы делает чисто житейский вывод: слава и знатность — вещи ненадежные. Такой же вывод следует и из новеллы «Правитель Нанькэ»: «... если кому-нибудь из потомков посчастливится очутиться в положении правителя Нанькэ, пусть не вздумает кичиться перед другими»¹.

Другая новелла Шэнь Цзи-цзи — «История Жэнь» — рассказ о лисе, превратившейся в красавицу-женщину. Все повествование ведется в реалистических тонах, что делает эту вещь близкой к любовно-бытовой новелле более позднего времени. Восхищаясь верностью, умом и добродетельностью Жэнь, автор противопоставляет свою героиню современным ему женщинам.

Близок к любовной новелле «Рассказ о том, как душа покинула тело» Чэнь Сюань-ю, основанный на веровании в то, что у человека две души, одна из которых может покинуть тело и вести самостоятельное, отдельное от него существование, в то время как другая душа остается в теле, пребывающем в состоянии сна, летаргии или болезни.

¹ Здесь имеет место разграничение общественной и личной жизни, являющееся одним из принципов даосской философии, весьма популярной среди танских поэтов. Характерный для даосизма призыв к уходу от общественной жизни на лоно природы мы находим в новелле «Изголовье», где простая, трудовая жизнь крестьянина оценивается выше обеспеченной, полной успехов жизни чиновника; в новелле «Правитель Нанькэ» все почести чиновника оказываются фикцией, поскольку само общество приравнено к суетливому муравейнику.

В новелле Бо Син-цзяня о вещих снах «Три сна» действуют современники и друзья автора, совершающие и во сне поступки, ничем не отличающиеся от обычных.

Все это свидетельствует о том, что даже те новеллы танских авторов, которые имеют фантастический сюжет, перестают быть фантастическими в точном смысле слова. Фантастический сюжет в них обычно сочетается с вполне реалистическими характеристиками персонажей и чисто бытовыми описаниями. Фантастическая новелла является поэтому как бы преддверием к новелле реалистической.

В реалистической новелле сюжеты подсказаны самой жизнью, герои новеллы действуют в реальной обстановке. Поскольку авторы танских новелл в большинстве своем были чиновниками, то и героями их произведений обычно являлись представители служилой интеллигенции или люди, добывающиеся ученой степени или уже получившие ее (сюцай Хань И, цзиньши Ли И, прибывшие в Чанъань на государственные экзамены Чжан и герой «Повести о красавице Ли»).

Вопрос карьеры — один из главных в танской новелле. Послужные списки героев занимают иногда целые страницы («Изголовье», «История Лю»). Взлеты и падения героев составляют пафос новеллы, и только особые обстоятельства выводят повествование за рамки послужного списка. Для китайского чиновника главное в жизни — это сдать государственные экзамены, занять достойное место в государственном аппарате, быстро продвигаться по ступеням общественной лестницы и, наконец, жениться на богатой красавице. И только когда чиновник, вследствие опалы или неудачи на государственных экзаменах, временно оказывался вне той общественной среды, к которой он принадлежал, с ним происходили всякие удивительные истории, которые являются сюжетом большинства танских новелл. В частности, именно в это время он влюбляется в гетеру или незнатную девушку. Но любовь не совместима с карьерой¹, достижение которой

¹ Влюбившись в гетеру или певицу, юноша, приехавший в столицу сдавать государственные экзамены, временно забывает о чиновничьей карьере («Повесть о красавице Ли», «История Хо Сяо-юй»).

является основным стремлением в жизни героя, поэтому любовная связь скоро прекращается¹.

Любовная тематика редко встречается в старой китайской поэзии. Самый распространенный вариант этой темы в поэзии — жена, тоскующая по ушедшему на войну мужу, — несомненный отголосок народной песенной поэзии, народных «рекрутских причетов».

В прозе любовный сюжет появляется значительно позже, чем фантастический и исторический. Отчасти это объясняется подчиненным положением женщины в старом Китае. В семьях имущих слоев населения девушки жили почти затворницами, в специальных помещениях в обособленной части дома; они получали незначительное, по сравнению с юношами, образование. Выйдя замуж, они становились, в сущности, привилегированными служанками в доме мужа, безропотно должны были терпеть его измены, сами строго соблюдая целомудрие и верность. Брак заключался по воле родителей² и не был основан на любви. Любовные отношения имели место главным образом вне семьи, в виде связи с гетерами — женщинами, стоящими вне общества. В средневековом Китае такие связи с гетерами были распространенным и естественным явлением: гетеры были свободны от гнета семьи, хорошо образованы, интересны как собеседницы; к ним относились не только как к женщинам, но и как к друзьям³. В танской любовной новелле героиней обычно является гетера⁴, певица⁵, наложница⁶, фаворитка императора⁷, служанка⁸. Когда же любовные отношения касались девушки из хорошей семьи, то любовь обычно кончалась трагически. Так, трагически для Ин-ин кончается ее любовь к Чжану

¹ См. «Повесть об Ин-ин», «История Хо Сяо-юй».

² См. «Рассказ о том, как душа покинула тело», «История У-шуан», «История Хо Сяо-юй».

³ «Повесть о красавице Ли», «История Жэнь».

⁴ «Повесть о красавице Ли», «История гетеры Ян».

⁵ «История Хо Сяо-юй».

⁶ «История Лю».

⁷ «Повесть о бесконечной тоске», «Повесть о фаворитке Мэй».

⁸ Например, любовная ситуация в героической новелле «Чужеземец с курчавой бородой».

(«Повесть об Ин-ин»), потребовалось вмешательство «героя» и волшебных сил, чтобы сохранить дочь министра У-шуан для ее возлюбленного Ван Сянь-кэ («История У-шуан»).

В любовной новелле, героиней которой является женщина, стоящая вне общества, особенно сильна гуманистическая струя. В основе лежит идея о всеисилии любви, стирающей сословные грани. Сами авторы этих новелл выше сословных предрассудков, они проводят мысль, что личные качества человека — из каких бы слоев общества он ни происходил — ценны сами по себе.

Рассмотрим поступки некоторых героинь подобных новелл.

Лю («История Лю») — наложница поэта Хань И — горячо любит своего покровителя, в самых сложных ситуациях она остается верна Хань И. «Благодаря своей красоте и образцовому поведению Лю могла бы стать женой даже одного из тех вельмож, которые имеют право сопровождать императора в его колеснице».

Бо Син-цзянь начинает свою «Повесть о красавице Ли» следующей фразой: «Красавица Ли, родом из Цзяньго, была гетерой в городе Чаньвань. Образцовое поведение и необычайное ее благородство достойны всяческой похвалы». Тронутый душевным благородством Ли, отец героя дает согласие на брак сына с ней; гетера входит в семью князя: «... была ведь когда-то гетерой, а стала женой, да еще какого образцового поведения! Даже самые образцовые женщины прежних времен, и те не могли бы сравниться с ней!».

Фань Цянь-ли кончает «Историю гетеры Ян» следующим панегириком: «Обычно гетеры, торгуя своей красотой, сходятся с мужчинами только из-за выгоды. Ян же смогла решиться на смерть, чтобы отблагодарить этим своего возлюбленного, — вот это сознание долга! Вернула его подарки, — вот это бескорыстие! Хоть и гетера, а насколько же отличается от всех других!».

В «Истории Хо Сяо-юй» побочная дочь князя Хо, Сяо-юй, ставшая певицей, сходитя с Ли И, юношей из знатной семьи. Ли И клянется ей в вечной любви, но через два года уезжает на место службы и бросает ее. С этих пор Хо Сяо-юй не имеет никаких известий о своем возлюбленном. Она попрежнему любит его, ждет, надеется, живет вос-

поминаниями, ловит слухи о нем, ищет вестей, продает последние вещи, чтобы что-нибудь узнать о нем. В конце концов, увидевшись с Ли в последний раз, и то против его воли, она умирает.

Героини этих новелл наделены самыми лучшими душевными качествами: они бескорыстны, преданы, верны, нежны, готовы на любое самопожертвование; их отличает от других женщин сила их любви. Интересен тот факт, что в любовно-бытовой новелле автор, как правило, симпатизирует гораздо больше героине, чем герою; образ женщины всегда тоньше очерчен, наделен высокими моральными качествами, индивидуализирован, в то время как герои похожи друг на друга и не имеют индивидуальных черт.

Особый интерес представляют собой те новеллы, где оба влюбленных равны по своему социальному происхождению, где героиней является девушка из знатной семьи¹. В «Истории У-шуан» автор еще скован сословными предрассудками: для того, чтобы оправдать любовь У-шуан (дочери советника) и Сянь-кэ (бедного племянника этого советника), на брак которых отец У-шуан не дает согласия, автору приходится в какой-то мере «деклассировать» У-шуан. Отец ее оказывается государственным преступником, девушка попадает в императорский гарем и тем самым становится недостижимой. Осложнившуюся ситуацию автор распутывает с помощью военачальника Гу (прототип «героя» героической новеллы).

Уже здесь дана завуалированная критика патриархальных форм жизни. Но гораздо ярче и своеобразнее эта критика общественных устоев, общественной морали дается в новелле Юань Чжэня «Повесть об Ин-ин». Основная идея этой повести — конфликт между свободным человеческим чувством и устоями общества, основанными на конфуцианской догме. Уже сама постановка вопроса о том, чему следовать, голосу сердца или конфуцианской морали, была безусловно, прогрессивна в то время.

Юань Чжэнь пытался найти какие-то новые нормы отношений, обосновать право человека на личную жизнь без гнета этой конфуциан-

¹ «История У-шуан», «Повесть об Ин-ин».

ской морали, без вмешательства общественного мнения. Но он не сумел пойти против этого общественного мнения, и повесть его — апология свободного чувства — кончается продиктованной конфуцианской моралью все той же ссылкой на зло, приносимое мужчине женщиной¹. И все же, несмотря на то, что финал повести — уступка общественному мнению и привычным нормам морали, в целом, по своей жизненности, остроте, интересу к реальному миру, к описанию человеческих переживаний, к бытовым подробностям, новелла Юань Чжэня — огромный шаг вперед в истории повествовательной литературы средневекового Китая, знаменующий собой становление реалистической новеллы². В то время как в других любовных новеллах любовь, показываемая как могучая сила, влияющая на поступки героев, не интерпретируется психологически, в новелле Юань Чжэня дана сложная психологическая картина внутренних переживаний героини, образ которой становится идеалом для автора (несмотря на вынужденное осуждение Ин-ин в традиционной концовке новеллы).

Если в фантастической новелле танских авторов вымысел переплетается с реальностью, то в любовной новелле элемент фантастики встречается сравнительно редко и выполняет чисто служебную роль, помогая возлюбленным соединиться («История У-шуан», «Повесть о бесконечной тоске») или являясь как бы коррективом жестокой действительности, например, «История Хо Сяо-юй», где героиня, покинутая возлюбленным, умирает от отчаяния; здесь автор призывает на помощь вымысел, чтобы восстановить справедливость: проклятие Хо Сяо-юй и после ее смерти преследует Ли³.

¹ При династии Юань, в период завоевания Китая монголами, когда конфуцианские устои были поколеблены, драматург Ван Ши-фу дал счастливую развязку своей драме «История западного флигеля», являющейся драматургической обработкой «Повести об Ин-ин».

² Лу Синь писал: «Появление этой новеллы с огромной силой потрясло литературный мир» (Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной литературы. Пекин, 1926, стр. 84).

³ Примером использования вымысла в качестве такого корректива действительности в фантастической новелле может явиться следующее место в новелле Ню Сэн-жу «Путешествие в далекое прошлое». Ню Сэн-жу, который не сдал госу-

В танской любовной новелле присутствует известный элемент куртуазности. Это определялось бытом самой эпохи, ролью двора, при котором процветали изящные искусства и в особом почете были музыка и поэзия. Создавался определенный идеал героя — юноши из знатной семьи, изящного, элегантного, талантливого ученого, сочинителя прекрасных стихов¹. Однако в отличие от куртуазного романа Западной Европы, где в лице рыцаря героический идеал сочетался с эстетическим, в танской новелле герой-любовник отъединен от героя-храбреца, авантюриста — героя героической новеллы. Герой любовно-бытовой новеллы слабоволен, нерешителен, непостоянен, игрушка в руках судьбы и родителей; он не может найти выхода из создавшегося затруднительного положения, не в силах противостоять условностям; он целиком в тисках обычаев и современной ему морали. Часто герой-храбрец помогает ему обрести утраченную возлюбленную (отважный военачальник Гу в «Истории У-шуан», Сюй Цзюнь в «Истории Лю») или выступает в роли судьи в своей попытке восстановить справедливость, исправить зло, причиненное непостоянством юноши (вмешательство храбреца-незнакомца в «Истории Хо Сяо-юй»). В любовной новелле героический тип стоит на втором плане, и автор, восхваляя его смелость, предприимчивость, благородство («История Лю»), готовность к самопожертвованию («История У-шуан»), все же основное внимание уделяет лирическому герою (в некоторых случаях являющемуся портретом самого автора или его друзей и современников²).

дарственных экзаменов, попадает в общество бессмертных, где его называют «знаменитым ученым династии Тан». В героической новелле «История Се Сяо-э» с помощью вымысла (явление во сне Сяо-э ее мужа и отца) Ли Гун-цзо восстанавливает справедливость, и в конце концов добро торжествует над злом.

¹ «Юноша... еще в ранней юности отличался талантливостью, и литературные произведения его считались непревзойденными по изяществу стиля и красоте выражений» (Ли И из «Истории Хо Сяо-юй»); «Одаренный сочинитель изысканных стихов» («Повесть о красавице Ли»); «Хань И из Чанли прославился своим дарованием» («История Лю»); «... студент... Чжан... человек мягкий, с утонченной душой, обладатель элегантной и красивой внешности...» («Повесть об Ин-ин»)

² «Повесть об Ин-ин», «История Лю», «История У-шуан», «История Хо Сяо-юй».

Примерно со второй половины IX в. утверждается жанр героической новеллы — апология волевого, предприимчивого, сильного человека. В описаниях необычайных, исключительных качеств героя преобладает элемент вымысла, часто затмевающий описания чудес, происходящих с этим героем.

Если в любовной новелле действующие лица — императоры, сановники, ученые, поэты, фаворитки, гетеры, певицы, то в героической новелле появляются представители и других социальных кругов: мелкие чиновники, военные, купцы, жители торговых городов и т. п. Иногда героические поступки совершаются женщинами; так, например, дочь купца, Се Сяо-э, мстит разбойникам, убившим ее отца и мужа («История Се Сяо-э»). В ряде героических новелл вводится исторический персонаж. Особенно типична в этом отношении новелла Ду Гуан-тина «Чужеземец с курчавой бородой» — рассказ о человеке, намеревавшемся захватить власть и уступившем право бороться за нее Ли Ши-мину (сыну Ли Юаня — основателя танской династии). Эта новелла появилась в конце IX в., когда ослабевшие органы власти уже не могли справляться с крестьянскими волнениями, с одной стороны, и с недовольством феодалов — с другой. Этому времени вполне соответствует описание обстановки, в которой происходит действие новеллы Ду Гуан-тина: «В стране — хаос и волнение, разные удалы поднимаются на борьбу со всех сторон». В таких условиях естественно появление новеллы об объединителе страны, о человеке, который смог бы повести страну по пути мирного развития.

В ряде новелл этого типа мы видим критику современных авторам общественных порядков, завуалированную обращением к истории или вымыслу, попытку внести корректив в действительность, одернуть зарвавшихся чиновников, неправедных судей, как-то исправить существующее положение вещей. Впоследствии героическая новелла дает начало роману о «благородных рыцарях», о «рыцарях долга» и т. п.

Обычно место действия танских новелл указывается вполне точно, иногда оно настолько локализовано, что называется даже квартал Чанъяня, где происходит действие («История Жэнь», «Повесть о красавице Ли» и др.). Действие танских новелл, как правило, происходит

в крупных городах Китая, часто в самой столице¹, так как сдача государственных экзаменов, являющаяся одним из основных сюжетных стержней танских новелл, происходила в главных городах провинций, а экзамен на высшую, третью ученую степень (цзиньши) производился в столице танской империи Чанъане.

Героями танских новелл часто являются действительные лица — современники авторов. Бо Син-цзянь выводит в новелле «Три сна» своего брата, поэта Бо Цзюй-и и их общих друзей — поэта и новеллиста Юань Чжэня и поэта Ли Шао-чжи. Герой повести Сюй Яо-цзо «История Лю» — танский поэт Хань И, герой «Истории Хо Сяо-юй» Цзян Фана — поэт Ли И, в «Повести о бесконечной тоске» фигурирует Бо Цзюй-и, в «Повести об Ин-ин» — поэт Ян Цзю-юань. Иногда авторы новелл сами оказываются действующими лицами своих произведений (Ли Гун-цзо в «Истории Се Сяо-э», Ню Сэн-жу в «Путешествии в далекое прошлое»).

* * *

Подавляющее большинство танских новеллистов — выходцы из чиновничьей среды, выразители идеологии, господствовавшей в передовых слоях этой среды. Они были широко образованными людьми, живо откликавшимися на общественные события своего времени. Наиболее известные авторы танских новелл — Юань Чжэнь, Бо Син-цзянь, Ли Гун-цзо, Чэнь Хун были непосредственно связаны с «движением за возврат к древности». Юань Чжэнь, бывший активным членом «общественной группировки» поэтов, и в своей новеллистической практике проводил в жизнь идею общественной значимости литературы.

Активность и целеустремленность общественной деятельности танских новеллистов не могла не сказаться на характере их произведений. Танская новелла была новым жанром, влившим живую струю в китайскую литературу. Она порвала со старой схоластической литературой, вышла за рамки неподвижных догм конфуцианства, всту-

¹ «История Жэнь», «История Хо Сяо-юй», «Повесть о красавице Ли», «Повесть о фаворитке Мэй».

пила в конфликт с господствующей моралью, с конфуцианскими запретами и ограничениями, с сословной идеологией. Она утверждала новое, жизненное, реалистическое начало. Танскую новеллу характеризует интерес к человеку, к его душевным переживаниям, к быту. Новеллы танских авторов — «первый случай тонкого и свободного описания человеческих чувств и событий»¹. В них реалистически показывается жизнь, нравы, раскрывается понятие этики того времени и, наконец, освещаются общественные отношения.

Авторы некоторых новелл были людьми, потерпевшими неудачу на государственных экзаменах. Часто это объяснялось тем, что они не соблюдали установленной формы экзаменационных сочинений с их условным языком, стремились освободиться от скованности речи, от обязательных конфуцианских цитат и намеков. Это позволяло им обращать особое внимание на фабулу и пользоваться индивидуальным, ярким и в то же время простым и точным литературным стилем.

Танская новелла оказала большое влияние на развитие китайской повествовательной литературы и драмы. Целый ряд новелл явился предметом дальнейших подражаний и переделок в форме народных рассказов и песен, темы многих новелл (в основном любовных) легли в основу драм XIII—XVII вв. Так, на сюжет «Рассказа о том, как душа покинула тело» в XIII в. была написана драма «Душа Цзянь покидает тело» (автор Чжэн Гуан-цзю); «История Лю» послужила канвой для драмы XV в. «Шелковый кошелек» (У Чжан-жу) и драмы XVII в. «Чжангайская ива» (Чжан Го-шоу); на сюжет «Истории Лю И» была написана драма «Лю И передает письмо» (Шан Чжунсянь); на тему «Правитель Нанькэ» — одноименная пьеса (Тан Сяньцзю); сюжет «Повести о красавице Ли» лег в основу драмы XIII в. «Пруды Цзюй-цзяна» (Ши Цзюнь-бао) и драмы XV в. «Вышитая накидка» (Сюй Цзин-кэнь); под влиянием «Повести о бесконечной тоске» созданы популярные в Китае драмы «Дождь в листьях удуна» (Бо Пу) и «Обитель вечной жизни» (Хун Шан); на сюжет «По-

¹ Ч ж э н Ч ж э н ь - д о. История китайской литературы. Пекин, 1932, стр. 495.

вести об Ин-ин» создана знаменитая драма Ван Ши-фу «История западного флигеля»¹.

То обстоятельство, что старое китайское литературоведение игнорировало повествовательную литературу и не включало ее образцы (новеллу, роман, драму) в понятие литературы, помогает нам уяснить причины, по которым ряд новелл танских авторов до нас не дошел. Авторство одних новелл осталось неустановленным, по вопросу об авторстве других существуют разногласия. Так, не установлены авторы новелл «Белая обезьяна, об истории которой Цзян Цзун умолчал», «Музыка из царства мертвых», «Повесть о фаворитке Мэй»².

В большинстве источников и историй китайской литературы в качестве автора новеллы «Чужеземец с курчавой бородой» выступает Ду Гуан-тин, но существует еще мнение о том, что автором этой новеллы является Чжан Юе³. Имеются разногласия и по вопросу об авторе новеллы «Путешествие в далекое прошлое». Наиболее авторитетные историки китайской литературы (Лу Синь, Чжэн Чжэнь-до), а также такой источник, как сборник «Танжэнь шохуй», считают автором этой новеллы Ню Сэн-жу; но есть мнение о том, что эту новеллу написал Вэй Ван-цюань (например, так считает литературовед Тан Чжэнь-би).

В сборнике «Танжэнь шохуй» новелла Шэнь Цзи-цзи «Изголовье» приписывается Ли Би. В ряде источников упоминаются названия новелл, до нас не дошедших.

Те из танских новелл, что уцелели, собраны в специальных сборниках, наиболее полным и авторитетным из которых можно считать огромный свод «Тайпин гунцзи»⁴. В составлении этого свода участвовало около двух десятков ученых-литераторов X в., в том числе и два новеллиста — Сюй Цянь и У Шу. Свод вышел в 977 г. и был переиздан в 1755 г. Новеллы расположены в нем по сюжетам и делятся на 92 отдела (бессмертные, люди необычайные, предзнаменова-

¹ Эта пьеса в русском переводе идет на сцене советских театров под названием «Пролитая чаша».

² В сб. «Тандай цуншу» автором последней новеллы считается Цао Е (IX в.).

³ Под этим авторством новелла включена в сборник «Танжэнь шохуй».

⁴ Сюда вошли произведения 344 авторов времени династий от Хань до Тан.

ния, гадания, сны, дружба, чувства, женщины, наваждения, сверхъестественное, лисы, повести¹ и т. д.). Этим сводом пользовался Лу Синь при составлении «Сборника новелл времен Тан и Сун»², представляющего собой переиздание 39 танских и 9 сунских новелл с библиографическими заметками и предисловием. Лу Синь проявлял большой интерес к истории китайской повествовательной литературы³ и, в частности, к танской новелле⁴. Он был одним из первых современных литераторов Китая, поставивших вопрос о необходимости изучения повести, драмы и романа, наряду с народной поэзией, исключенных реакционными китайскими литераторами XVII—XIX вв. из сферы литературы.

Самый факт внимания к танской новелле этого великого основоположника современной реалистической литературы Китая, высокоценяемого китайским народом и его Коммунистической партией, является свидетельством того большого интереса, который представляют для современного читателя эти памятники классической китайской литературы.

В нашей стране танские новеллы почти не известны. Настоящее издание ставит своей целью восполнить этот пробел и познакомить советского читателя с этими своеобразными и интересными образцами художественной литературы средневекового Китая.

¹ В большинстве случаев название «повести» имеют любовно-психологические новеллы, повествующие о реальных, а не вымышленных людях и событиях.

² Лу Синь. Тан Сун чуаньци цзи. Юбилейное издание собр. соч., т. XIX. Дальний, 1946 (наши переводы сделаны по этому изданию).

³ Лу Синю принадлежит ряд работ по истории китайской повествовательной литературы: «Краткая история китайской повествовательной литературы», первая часть «Очерков по истории литературы периода Хань», библиографические заметки в «Сборнике новелл времен Тан и Сун», статья «Особенности новелл периода Шести династий и Тан», неопубликованные «Материалы к сборнику древних новелл» и др.

⁴ О чем свидетельствует самый факт составления им «Сборника новелл времен Тан и Сун».

ПРИМЕЧАНИЯ

Ань Лу-шань — монгол по происхождению, занимавший при танском императоре Сюаньцзуне должность военного губернатора провинции, ныне носящей название Шаньдун. Воспользовавшись тяжелым положением китайской армии в войне с королевством Наньчжао (на территории современной провинции Юньнань) в 754 г., Ань Лу-шань в 755 г. поднял мятеж и повел свои войска на столицу Чанъань, чтобы захватить императорский престол. Император Сюаньцзун бежал в провинцию Сычуань. Мятеж был подавлен в 763 г. с помощью наемных войск из пограничных племен уйгуров и тибетцев.

Афан — название огромного дворца, построенного в 212 г. до н. э. (в нын. пров. Шэньси).

Бо — уезд (в нын. пров. Аньхуэй).

Бо Лэ-тянь — прозвище выдающегося поэта танской эпохи Бо Цзюй-и (772—846).

Бохай — уезд (в нын. пров. Хэбэй).

бросить в вас челнок. Так поступила красавица древности: она бросила в лицо назойливому влюбленному челнок и выбила ему зубы.

Бяньчжоу — нын. уезд Кайфан в пров. Хэнань.

в возрасте, когда начинают носить шапку совершеннолетия — т. е. в двадцать лет.
в том году в Пу умер... — в 789 г.

Ван Чжао-цзюнь (Ван Цянь) — Юаньди.

Ваньнань — уезд (в нын. пров. Шэньси).

в войсках началось замешательство. Имеются в виду войска, сопровождавшие императора Сюаньцзуна в его бегстве в Сычуань.

вер, выброшенный осенью — поэтический образ покинутой женщины. Образ этот идет из стихотворения поэтессы I в. до н. э. Бань Цзе-юй, которая в течение долгого времени была любимой наложницей ханьского императора Чэнди (32—6 гг. до н. э.), а затем была смелена знаменитой «Летящей ласточкой», ставшей впоследствии императрицей.

Нежного, тонкого шелка
Белый, как снег или иней,

Новый был вырезан веер,
 Круглый, как абрис луны.
 Он на груди государя
 Нежной сверкал белизною,
 Он навевал вам прохладу
 В жаркие летние дни.
 Осень подходит печально,
 Жары сменяются ветром;
 Веер ненужный отброшен,
 В сердце не стало любви.

вел непомерно роскошный образ жизни и держал себя не так, как подобает верноподданному сановнику. Нужно учесть, что конфуцианство строго регламентировало взаимоотношения между различными социальными категориями людей. Огромное внимание уделялось внешнему оформлению этих отношений в виде различного рода «установлений», «правил», «обрядов», «церемоний». В основе этого лежала конфуцианская теория «выправления имен» (чжэн мин), сводившаяся к тому, что жизнь человека должна соответствовать его фактическому положению в обществе; и это относилось не только к тому, чтобы занимать те или иные должности в государственном управлении, но и к строгой регламентации положения человека в семье, образа жизни и т. п. Так, например, резкую критику Конфуция вызывало присвоение сановником (пусть даже крупным) императорских прав на жертвоприношения в храме предков с особыми церемониями («Лунь юй», III, 1), на жертвоприношения Священным горам («Лунь юй», III, 6) и т. п. В этом же, примерно, плане надо понимать и характеристику поведения министра Ян Су, который жил, как говорится, по-царски, а не так, как подобает жить подданному государя.

Великая река — Янцзыцзян, имеющая в длину до 5300 км.

великая праведница (Тай-чжэнь) — прозвище Ян гуй-фэй (см. *Тай-чжэнь*).

Верховный владыка — Шанди; по древнекитайским верованиям — верховное божество, отождествляемое с небом.

«Весенние строфы» — стихи на любовную тему.

«ветер (не поет уж)... о весне» — весенний «благодетельный ветер», несущий радость.

Властитель ханьский. Так Бо Цзюй-и называет танского императора Сюань-цзуна. Определение «ханьский» соответствует прилагательному «китайский».

внутренние покои. В старом Китае женщины жили в специально отведенных для них помещениях.

возлияние земле — распространенный в старом Китае жертвенный обряд.

восемнадцатый год «Чжэньюань» — 802 год.

Восточная столица — г. Лоян (в нын. пров. Хэнань).

восточнее — *каменные ворота*. Обычно в Китае стороны и направления обозначаются по странам света: южная, северная, а не — направо, налево и т. п.

восточный дворец Шанъян — в г. Лояне.

восьмой год правления «Юаньхэ» — 813 г. «Юаньхэ» — название годов правления танского императора Сяньцзуна (806—820).

время, когда он познал волю неба — т. е. в пятьдесят лет.

встречи на горе У — иносказательное обозначение тайного свидания и соединения возлюбленных. Выражение это идет из поэмы Сун Юя (IV в. до н. э.) «Гяутан-фу», в которой есть следующее место: «Когда-то князь, один гуляя в Гаотане, вдруг утомился и среди бела дня заснул. Приснилось ему, что дева перед ним явилась, ему сказавшая: «Я — фея горы У; гощу я в Гаотане. Узнала, что гуляете вы здесь, — хотела бы служить вам у подушки и постели». И осчастливил князь ее тогда».

второй год правления «Цзянчжун» — 781 г.

Бэй — старое название княжества, занимавшего территорию нын. пров. Хэбей и Хэньчэнь.

Вэйнань — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Вэйянский дворец — к северо-западу от г. Чаньянь.

Вэньди — император Первой (Западной) династии Хань, правивший со 179 по 157 гг. до н. э.

вылить вино — см. *возлияние земле*.

Гао Ли-ши (683—762) — евнух, любимец танского императора Сюаньцзуна; крупный политический деятель своего времени.

гаоцзу (гаоди) — основатель династии. Ханьский гаоцзу правил с 206 по 195 гг. до н. э.

Го — танский император Дэцзун (780—804).

год под циклическими знаками «Дин» и «Чоу» — 797 год.

год под циклическими знаками «И» и «Хай» — 795 год.

годы правления. До установления народной республики в Китае даты обозначались либо циклическими знаками, либо специальным названием годов правления (няньхао) данного императора, либо годами первой республики (с 1911 г.).

годы под названием «Чжэньюань» — название годов правления танского императора Дэцзуна (785—804).

годы правления «Ифэн» — т. е. между 676 и 678 гг. «Ифэн» — одно из названий годов правления танского императора Гаоцзуна (650—683).

гора Ли — в нын. пров. Шэньси.

гора Мао (Цзюдянь) — в нын. пров. Цзянсу; согласно поверьям, на этой горе пребывают даосские маги, владеющие секретом бессмертия.

гора Сун — самая высокая из пяти Великих гор Китая (в нын. пров. Хэнань).

Горный дворец (дворец на горе Ли) — дворец Пышности и чистоты, построенный танским императором Тайцзуном на горе Ли, к югу от Чанъяня.

«*Грушевый сад*» — название школы, где обучались певцы, музыканты и актеры организованной по приказу танского императора Сюаньцзуна. Создание этой школы положило начало театру в Китае.

Гуанлин — уезд (в нын. пров. Цзянсу).

Гуанхань — уезд (в нын. пров. Сычуань).

Гуаньинь (Гуань-ши-инь Пуса) — буддийская богиня милосердия.

Гуаша — древняя территория области Дуньхуан (в нын. пров. Ганьсу).

Гуйлинь — город в одной из южных провинций Китая (в нын. пров. Гуанси)

гуй-фэй — любимые наложницы императора.

Гун-цзо (Ли Гун-цзо) — друг писателя Бо Синцзяня, танский новеллист. автор новелл «Правитель Нанькэ», «История Се Сяо-э» и др.

Дайцзун — танский император, правил с 763 по 779 г.

«*Дали*» — одно из названий годов правления (766—779) танского императора Дайцзуна, правившего с 763 по 779 гг.

даос — последователь одной из древних школ китайской идеалистической философии. Даосизм — монистическая система, основным принципом которой является Путь истины — «Дао», понимаемое как абсолютное начало вселенной, порождающее все многообразие мира. Даосы понимали постижение Дао, как путь мистического созерцания; отсюда вытекает характерный для даосизма крайний квиэтизм, проповедь пассивного подчинения, «недеяния». Одним из принципов даосизма является разграничение общественной и личной жизни. Для даосизма характерен призыв к уходу от общественной жизни на лоно природы.

В период Первой Хань (206 (202) г. до н. э.—25 г. н. э.) даосизм эволюционирует в сторону мистицизма.

В I—II вв. н. э. возникает даосская религия, соединяющая в себе основные принципы древней даосской философии, мифологию и элементы народных верований.

даосский монах — см. *даос*.

«*Датун*» — название годов правления лянского императора Уди (535—545).

дворец на горе Ли — см. *Горный дворец*.

дворец Пышности и чистоты — см. *Горный дворец*.

девятое небо — по даосским и буддийским верованиям небо разделено на девять сфер. На девятом небе находится дворец Верховного владыки (Шанди) — верховного божества, отождествляемого с небом и стоящего во главе всех духов природы.

девять областей. Древний Китай первоначально был разделен на девять областей.

держать полотенце и гробень — т. е. стать женой.

держат поутру аудиенцию. Аудиенции при дворе в то время устраивались на рассвете.

десятый год правления «Чжэньгуань» — 636 г.

десятый год «Тяньбао» — 750 г.

десятый год «Юаньхэ» — 815 г.

«Деяния Сюаньцзуна» — речь идет о «Деяниях императоров» (Бэнь цзя), входивших в состав каждой династийной истории (Чжэн ши), состоявшей из хроники событий данной династии, монографий по вопросам традиционной культуры, биографий замечательных людей и т. д.

династия Хань — здесь Первая, или Западная, Хань — 206 г. (202) до н. э. — 25 г. н. э.

доу — мера объема, сейчас немного больше 10 л.

Ду — район к югу от Чанъяня (в нын. пров. Шэньси).

Дуаньчжоу — уезд (в нын. пров. Гуандун).

«Думы о возвращении» — пьеса для лютни. Существует рассказ о красавице из княжества Вэй (территория нын. пров. Хэбэй и Хэнань), которая жила в гареме вэйского князя Чжоу. Когда князь умер, его наследник хотел оставить девушку у себя, но она не соглашалась; тогда он заточил ее в темницу. Девушка все время думала о возвращении домой, но не могла вырваться из своей темницы. Взяв лютню, она заиграла песню «Думы о возвращении домой», а затем покончила с собой.

Дунпин — город (в нын. пров. Шаньдун).

Дунтинху — одно из самых больших озер Китая (на сев. нын. пров. Хунань).

Дух-покровитель земли. Согласно старым китайским поверьям, каждая местность имела своего духа-покровителя, которому приносились жертвы с просьбой о даровании урожая.

Дэн Ту-цзы... Чжан намекает здесь на поэму Сун Юя «Дэн Ту-цзы любит красавицу». Содержание поэмы следующее: Дэн Ту-цзы (имя которого стало нарицательным для развратника) служил при дворе чуского князя Сяна; он завидовал придворному поэту Сун Юю. Предостерегая князя от Сун Юя, Дэн Ту-цзы сказал: «Сун Юй красив, изящен, красноречив и остроумен, и любит он красавиц. Хотел бы я, чтоб, направляясь в женские покои, его с собою вы не брали». Князь передал слова Дэн Ту-цзы Сун Юю и потребовал объяснений. Сун Юй ответил: «Красота дарована была мне небом, учителям обязан красноречием всецело, что же до любви к красавицам, то это не водится за мною, государь!». В доказательство Сун Юй рассказал князю о том, как одна красавица в течение трех лет пыталась привлечь к себе его внимание, но не сумела этого добиться. «А вот, Дэн Ту-цзы не таков. Его жена... уродлива, хрома, горбата... Дэн Ту-цзы так влюблен в нее, имеет от нее пять сыновей... Прошу вас, рассудите, государь, кто же из нас «красавиц любит»».

Поэма Сун Юя, как и рассуждение Чжана, строится на игре слов: «Хао сэ» значит «любить красавицу» и «быть развратником».

Сун Юй намекает на то, что Дэн Ту-цзы не любитель красоты, а простой развратник, которому безразлично, красива или уродлива женщина, с которой он близок. Чжан, оправдываясь перед друзьями, объясняет им, что он не стал развратником потому, что по-настоящему любит красоту и ждет, пока ему не встретится истинная красавица.

Е — местность (в нын. пров. Хэнань).

желтые истоки — могила.

жертвы пяти Священным горам. Жертвоприношения духам пяти Священных гор, как и небу, и земле, и духам императорских предков и императорам прежних династий, являлись прерогативой императора (см. *пять Священных гор*).

Жу-и (князь Чжоу) — сын Ци, любимой наложницы ханьского императора гаоцзу, убитый, как и его мать, женой императора — Люй-ши (см. *Люй-ши*).

жуны и ди — западные и северные некитайские племена.

Западная столица — г. Чанъань (в отличие от второй столицы танского Китая — г. Лояна, называемого Восточной столицей).

Западный дворец — к северу от г. Чанъань.

захвачены разбойниками. Речь идет о мятеже 755—763 гг., поднятом Ань Лу-шанем (см. *Ань Лу-шань*).

Златая мать — мать западных царей — Си Ван-му, божество даосской мифологии.

«Золотая долина» (Цзиньгу) — к западу от г. Лояна (в нын. пров. Хэнань)

Ива Чжантая. Чжантай — предместье г. Чанъаня. Здесь игра слов: фамильный знак Лю — значит «Ива»; «Чжантай Лю» — «Ива из Чжантая» (откуда была родом героиня новеллы — Лю).

изголовье было сделано из фарфора. Вместо мягких пуховых подушек в Китае было принято пользоваться изголовьем из дерева или фарфора, сделанным по форме головы. В изголовье из фарфора, полом внутри, помещали магнит, полагая, что он оказывает благотворное действие на зрение.

игла для уколов. Очень распространенный в старом Китае способ лечения — прокалывание больного места раскаленной иглой.

избежала смертной казни. В старом Китае за убийство полагалась смертная казнь

император вернулся в столицу. Имеется в виду танский император Суцзун, в чью пользу Сюаньцзун отказался от престола.

Ич — река (в нын. пров. Аньхуэй).

Ин и Хуан — Нью Ин и Э Хуан — жены легендарного императора Шуня (XXIII в. до н. э.), жившие в дружбе и согласии и вместе оплакивавшие смерть мужа.

Индийский монастырь — буддийский монастырь в пров. Чжэцзян.

Инь — династия Инь (Шан), царствовавшая с 1766 по 1122 гг. до н. э.

Иньчуань — местность (в нын. пров. Хэнань).

искусство Ли Шао-цзюня — секрет бессмертия. Ли Шао-цзюнь, живший при дворе ханьского императора Уди (140—87 гг. до н. э.), утверждал, что открыл секрет бессмертия и побывал в обители бессмертных.

исполняете роль моей матери. Старухи-сводницы, которые жили в домах у гетер и вели их хозяйство, именовались их матерями.

Ицюе — город к югу от Лояна (в нын. пров. Хэнань).

«*Кайчэн*» — название последних лет правления танского императора Вэнь-цзуна (836—840).

«*Кайюань*» — название годов первой половины правления танского императора Сюаньцзуна (Мин Хуана) (713—741). Седьмой год «*Кайюань*» — 719 г.

какая она по счету в семье. В старом Китае девочек дома порой называли порядковыми числительными (Вторая девочка, Третья девочка и т. д.), ставя, в случае необходимости, впереди фамильное имя (в данном случае — Чжан первая).

красные ворота — жилище богатого и знатного человека; в данном случае — дворец.

красные и лиловые одежды — одежды знатных китайских сановников древности.

«*Кровавые слезы потоком бежали*» — т. е. «льются слезы и кровь». Ян Тайчжэнь была убита солдатами императорской охраны во время бегства императорского двора в 755 г. Все стихотворение, приписываемое автором новеллы Ян Тайчжэнь, перекликается с описанием ее смерти в поэме Бо Цзюй-и «Песнь о бесконечной тоске».

«*крушившая царство*» — см. *Ли* — супруга ханьского Уди.

«*Крылатые духи созвездий Лисицы и Мыши*». Китайцы в древности обожествляли животных и явления природы. В древней китайской астрологии созвездия Мыши и Лисы рассматривались как духи-покровители династии Инь (Шан).

Лайу — уезд (в нын. пров. Шаньдун).

Ланье — уезд (в нын. пров. Шаньдун).

летом того же года — т. е. 762 г.

ли — мера длины, сейчас равная 576 м.

Ли из Тайюаня — Ли Ши-мин (Тайцзун) — сын основателя танской династии Ли Юаня (гаоцзу), правивший с 627 по 649 гг.

Ли — супруга ханьского Уди. Ли Янь-нянь — придворный поэт ханьского императора Уди (140—87 гг. до н. э.) — прочел как-то императору стихи, в которых говорилось:

Красавица на севере живет,
Какой еще века не знали.
Раз взглянет — город упадет,
Другой — и государства пали.

Император выразил сомнение в том, что такая красавица существует на свете. Оказалось, что поэт имел в виду свою сестру. Уди взял ее себе в жены.

Ли Гун-чуй (Ли Шэнь) — ханьский поэт, друг танского поэта и новеллиста Юань Чжэня.

Ли Дэ-юй (787—849) — ученый, политический деятель и военный советник при нескольких императорах танской династии.

Ли Цзин (571—649) — крупный танский сановник, получивший титул князя Вэй за успешную борьбу с тюрками.

Ли Шао-чжи — танский поэт, друг знаменитого поэта Бо Цзюй-и и его брата — новеллиста Бо Син-цзяня.

Линбяо — южные провинции Китая (нын. пров. Гуанси и Гуандун).

Линнань — город (в нын. пров. Гуандун).

линчжи — растение, являющееся символом долголетия.

Линьчу — уезд (в нын. пров. Ганьсу).

Линьгао — город (в нын. пров. Хубэй).

Линьцун — уезд (в нын. пров. Сычуань).

Линьши — местечко (в нын. пров. Шаньси).

личжи — фрукты, растущие на юге Китая.

Лиан — уезд (в нын. пров. Аньхуэй).

Ло — река (в нын. пров. Шэньси).

Лочуань — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Лунси — уезд (в нын. пров. Ганьсу).

Лунчжоу — область (в нын. пров. Шэньси).

Лушюу — гора у г. Чанъань.

Луцзян — уезд (в нын. пров. Аньхуэй).

Лучжоу — область (в нын. пров. Шаньси).

Лэ Тянь (Бо Лэ-тянь) — Бо Цзюй-и, брат новеллиста Бо Син-цзяня — знаменитый танский поэт.

любовное зелье. В древнем Китае считали, что какое-то мясообразное вещество, якобы находимое у новорожденных ослов во рту, обладает магическими

свойствами. Женщины носили его на себе как талисман и употребляли как любовное зелье.

любовные семена — род чечевицы, якобы обладающей магическими свойствами.

Лю Вэнь-цзин — военачальник в конце царствования династии Суй; гаоцзю Ли Юань — первый император династии Тан — выдвинул его на пост министра финансов.

Люй-чжу — любимая наложница Ши Чуна (III в. н. э.) — участника заговора восьми князей против императора Хуэйди династии Западная Цзинь. Лун, князь Чжао, казнил князей-мятежников и жену императора Хой-ди, поддерживавшую их заговор. Арестовавший Ши Чуна Лун хотел отдать Люй-чжу своему любимцу Сюнь Сю. Ши Чун, воспротивившийся этому, был убит; Люй-чжу покончила с собой, бросившись с башни.

Люй-ши (Люй Хоу) — жена ханьского императора (гаоцзю), которая после его смерти захватила власть; она правила страной со 187 по 180 гг. до н. э.

Люхэ — уезд (в нын. пров. Цзянсу).

Лян — династия, правившая в Южном Китае с 502 по 557 гг.

Лянчжоу — область (в нын. пров. Сычуань).

Мавэй — местечко в горах вблизи г. Чанъань.

маленькое имя — имя, которое давалось в старом Китае при рождении ребенку и потом заменялось (мальчику) школьным прозвищем.

Мао Янь-шу — художник I в. до н. э. (см. *Юаньди*).

меж четырех морей — т. е. в Китае.

между Цинь и Цзинь — образное выражение, означающее заключение брака между знатными семьями.

между княжескими домами Цинь и Цзинь — см. *между Цинь и Цзинь*.

месяц жертвоприношений — двенадцатый месяц по лунному календарю; в это время приносили жертвы всем духам. Праздничный период начинался двадцатого числа двенадцатого месяца и длился около трех недель.

Мечей там замок — в горах нын. пров. Сычуань.

Мин Хуан — танский император Сюаньцзун (713—755).

Мингао — гора (в нын. пров. Хэнань).

Минь — местность (в нын. пров. Фуцзянь).

мост Фэньян — над озером в г. Фэньян (в нын. пров. Шаньси).

му — мера площади, равная 0,06 га.

Муцзун — танский император, правивший с 821 по 824 гг.

Мэй — слива.

на следующий год — т. е. в 745 г.

Нанькэ — вымышленная область, название которой можно перевести как «Южная ветвь».

Наньхай — город (в нын. пров. Гуандун).

наследник престола Шоу — восемнадцатый сын императора Сюаньцзуна.

начало пятой стражи — в три часа ночи. Время с семи часов вечера до пяти часов утра делилось на пять двухчасовых периодов — страж. Ударами в специальные колотушки сторожа извещали о наступлении новой стражи.

не успел еще доварить кашу. У знаменитого китайского новеллиста Пу Сунлина среди его рассказов «О людях необычайных» есть рассказ «Пока варилась каша», являющийся своеобразным продолжением и развитием новеллы Шэнь Цзи-цзи (в подзаголовке он назван «Продолжение старой истории»).

Нютоу — гора (в нын. пров. Цзянсу).

обе столицы танского Китая: Чанъань и Лоян.

обмен брачными подарками и именами. Речь идет о формальностях, с которыми было связано заключение брачного союза в старом Китае: обмен письмами, в которых сообщались имена жениха и невесты и даты их рождения, обмен брачными подарками и т. п.

обряд «обметания могил». Совершался три раза в год: в третьем, седьмом и девятом месяцах по лунному календарю. Семьи ездили на могилы предков, приводили могилы в порядок и приносили жертвы, в древности сопровождавшиеся ритуальными песнями и танцами. Могильные жертвоприношения покойным государям правившей династии приносились пять раз в год.

ожидая удара барабана. Удар барабана возвещал утро, с наступлением которого открывались городские ворота.

окликать (душу покойника) — древний обычай, связанный с верой в то, что у человека две души, из которых одна, когда человек умирает, остается в его трупе, а другая уходит на небо (ее-то и надо три раза окликнуть по имени и крикнуть: «Вернись!»).

он будет дружить с императором и прославит своих предков — намек на факт из биографии Оуян Сюна, бывшего в дружеских отношениях с Ли Ши-мином, т. е. Тайцзуном (вторым танским императором).

остров Пэнлай — см. *Пэнху*.

отвезти тело жены на родину. Гроб с телом покойного, если он умер в чужих краях, полагалось перевозить на его родину.

Пань — Пань Яо, поэт IV в. н. э. (прозвище Ань-жэнь), имя которого стало нарицательным для красивого, знатного юноши.

Пань Шу-фэй — любимая наложница Дун Хуня — правителя Ци (499—500); была убита в 501 г. по настоянию министра Ван Мао, считавшего ее виновницей гибели династии.

Пастух и Ткачиха приходят на свидание. Речь идет о древнем народном празднике в седьмой день седьмой луны, связанном со следующим преданием: когда-то Ткачиха, одна из семи звезд созвездия Лиры, была послана на землю с поручением; здесь она влюбилась в пастуха и вышла за него замуж. Вскоре ее вернули на небо. Пастух от горя умер, но за свою добродетельную жизнь был превращен в одну из звезд созвездия Водолей, расположенного напротив созвездия Лиры и отделенного от него Млечным Путем. В седьмой день седьмой луны Пастух наводит мост из цветочных гирлянд через Млечный Путь и идет по нему на свидание с Ткачихой.

первый год «Юаньхэ» — 806 г.

«Песнь о белом коне» — исполнялась при похоронах.

Пилин — город (в нын. пров. Цзянсу).

Пинкан — квартал в Чанъане, где жили гетеры. В период подготовки и сдачи государственных экзаменов молодые ученые ездили из одного дома в другой, пировали, сочиняли стихи, ухаживали за гетерами; поэтому район, в котором были расположены дома гетер, был как бы литературным центром Чанъаня.

Пинлу — военный округ танского времени (в нын. пров. Шаньдун).

«Платье из радуги, одежда из перьев» — популярный в танское время танцевальный мотив.

плохо одеты — т. е. одета, как служанка.

погадал о счастливом дне — сложный обряд гадания в древнем Китае, необходимый для выбора дня свадьбы.

подавать вам полотенце и гребень — т. е. стать вашей женой.

поздно питаться и до рассвета облачаться — т. е. вставать на рассвете и в течение дня быть настолько занятым, что на еду не остается времени (обычно говорилось об императоре).

«полководец — усмиритель юга» — почетное прозвище, данное за военные заслуги.

«поломынь» — название песни и танца.

получил первую степень — т. е. степень сюэя (см. *сюэяй*).

получили степень цзюйжэнь. В китайском тексте: «почтительный сын и прекрасный человек» — высокопарное обозначение лица, имеющего степень цзюйжэнь — вторую ученую степень в феодальном Китае.

поставила... поминальную дощечку — на домашнем алтаре установила таблицу предков — дощечку, на внешней стороне которой указывалось почетное прозвище покойного, данное ему после смерти, и имя родственника, установившего эту таблицу, а на обратной стороне — имя, должность покойного, даты его рождения и смерти и место погребения.

Похвальное слово — род письменного восхваления заслуг покойного, которое сжигалось на его могиле.

«*праздник холодной пищи*» — праздник поминания умерших, во время которого (в третьем месяце по лунному календарю) в течение трех дней запрещалось разводить огонь.

приняла юношу в среднем зале — т. е. приняла с почетом, как желанного гостя.

пробили в барабан. После того, как на городской башне пробьют в барабан, городские ворота запирались на ночь.

Пу — город (в нын. пров. Шэньси).

Путянь — уезд (в нын. пров. Фуцзянь).

Пэнлай — см. *Пэнху*.

Пэнху (или *Пэнлай*) — по даосской мифологии — обитель бессмертных в Восточном море.

пятая стража — время между тремя и пятью часами утра (см. *начало пятой стражи*).

пятнистый бамбук. Растет в Хунани и Гуанси. По преданию, на реке Сян жены легендарного государя Шуня (XXIII в. до н. э.) Э Хуан и Нью Ин оплакивали смерть мужа; следы их слез оставили пятна на росшем у реки бамбуке.

пять нравственных принципов. По конфуцианской этике, благородному мужу должны быть присущи: человеколюбие, справедливость, умение вести себя, мудрость и правдивость.

пять Священных гор — Тайшань в пров. Шаньдун, Хэньшань — в пров. Хунань, Хуашань — в пров. Шэньси, Хэншань — в пров. Хэбэй, Суншань — в пров. Хэнань.

пятый год правления нынешнего императора — 784 г.

река Ин — в нын. пров. Аньхуэй.

река Хуай — в нын. пров. Аньхуэй.

«*Родится дочь — так ты не огорчайся, а сын родится — ты не веселись*». Рождение мальчика являлось радостным событием, так как на сына смотрели как на продолжателя рода и хранителя могил предков, приносящего жертвы их духам. Девочки же рассматривались как лишний рот в бедной семье, как обуза, которую охотно сбывали с рук. В данном случае удивительная судьба Ян гуй-фэй послужила поводом к созданию приведенной песенки, которая воспринималась как парадокс.

«*Роса на стеблях*» — старинная похоронная песнь, известная еще в глубокой древности. Упоминание о ней мы находим у поэта Сун Юя (IV в. до н. э.).

связки — мелкие медные монеты (чохи) с отверстиями посередине, нанизывавшиеся в связки на определенные суммы.

Се — плеяда поэтов из семьи Се (IV в. н. э.).

седьмой год «Чжэньюань» — 791 г.

сейчас ей семнадцать лет. В 800 г. Ин-ин было 16 лет, но так как новорожденный в Китае считался уже годовалым, то вдова Цуй сказала, что ее дочери семнадцать лет.

Си Ши — знаменитая красавица древности (V в. до н. э.), имя которой стало нарицательным для красавиц.

Синь при династии Инь — Чжоу (Синь) — последний властитель династии Инь (Шан), правившей с 1766 по 1122 гг. до н. э.

Синьань — город (в нын. пров. Чжэцзян).

Синьчанли — квартал в г. Чаньань, где жили в танское время гетеры.

Синьчжоу — область (в нын. пров. Цзянси).

Синьян — местность в уезде Цзюцзян (в нын. пров. Цзянси).

Сицзян — река (в нын. пров. Гуанси).

сложил руки для приветствия — руки складываются в кулаки и поднимаются снизу вверх до лба или груди.

служить вам с плетушкой и метелкой — т. е. стать вашей женой.

служить вам, сударь, у вашей подушки и цыновки — т. е. стать вашей женой.

служить у подушки — т. е. стать любовницей. Образ этот идет из поэмы Сун Юя (IV в. до н. э.).

смуты потрясли всю страну. Речь идет о вспыхнувших в 616—617 гг. мятежах военачальников, приведших в 618 г. к установлению династии Тан.

события четырнадцатого года «Тяньбао» — т. е. мятеж Ань Лу-шаня, начавшийся в 755 г.

состоялись в приотвлении чая — распространенное в танском Китае развлечение.

стала закалывать волосы на затылке — т. е. ей исполнилось пятнадцать лет.

стала закалывать прическу — т. е. ей только что исполнилось пятнадцать лет.

студент. Понятие «студент» в старом Китае не соответствует нашему. По окончании школы или домашних занятий, претендент на занятие чиновничьей должности должен был подвергнуться государственному экзамену (система государственных экзаменов существовала со 121 г. н. э. по 1905 г.) и получить ученую степень; этих ученых степеней было три: сюцай (экзамен проходил в уездном городе), цзюйжэнь (экзамен проходил в главном городе провинции) и цзиньши (экзамен держался раз в три года в столице империи).

стэла — надгробный камень с высеченной на нем надписью («бэй»).

Суцзун — сын танского императора Сюаньцзуна, правивший с 756 по 762 гг. Ян Тай-чжэнь, фаворитка Сюаньцзуна, добилась того, что ее родня заняла высокие административные посты, а двоюродный брат Ян Го-чжун фактически правил страной. Близкие родные императора были оттеснены от власти; ходили даже слухи о том, что если у Тай-чжэнь будет сын, то он, а не Суцзун, станет наслед-

ником престола. Естественно, что это должно было вызвать ненависть Суцзуна к фаворитке Ян.

Суй — династия, правившая в Китае с 581 по 618 гг.

Сыбинь — город (в нын. пров. Аньхуэй).

Сыма Сян-жу — крупный ханьский поэт (179—117 гг. до н. э.), мастер жанра фу (стихотворных песнопений).

Сычжоу — город (в нын. пров. Аньхуэй).

Сычуань — провинция, лежащая на крайнем западе собственно Китая.

съел (сердце и печень) — по древнему китайскому поверью съесть печень человека значит стать намного храбрее.

сюцай — первая ученая степень (бакалавр) в старом Китае; экзамен происходил в уездном городе. Сдавшие экзамен на степень сюцая, получали назначение в отдаленные провинции Китая (см. *студент*).

Сян — река (в нын. пров. Хунань).

Сяндэн — город (в нын. пров. Хубэй).

Сяньцзун — танский император, правивший с 806 по 820 гг.

Сяньян — местность (в нын. пров. Шэньси).

Сяо — имя, ставшее нарицательным для красивой девушки.

Сяо Ши — музыкант древности, искусно игравший на свирели. По китайскому преданию он вместе со своей женой Нун-юй, тоже прекрасной музыканткой, улетел на небо.

Тайи — озеро к востоку от г. Чанъань (в нын. пров. Шэньси).

«*Тайхэ*» — название первых лет правления танского императора Вэньцзуна — 827—836 гг.

Тайцзун (Ли Ши-мин) — второй император династии Тан, правивший с 627 по 649 гг.

Тай-чжэнь (Великая, настоящая святая) — прозвище Ян гуй-фэй, известной наложницы танского императора Сюаньцзуна.

Тайюань — главный город нын. пров. Шаньси.

«*Там, где длинные ворота*» — одно из самых известных произведений поэта Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.), написанное им, как утверждает традиция, по заказу жены ханьского императора Уди, которая, попав в немилость, была сослана императором во дворец «Длинные ворота». В поэме описывается тоска одинокой женщины, долгие ночи, которые «тянутся, словно год, а не ночь» в ожидании возвращения любимого. Современники говорили, что Уди, прочтя поэму, вернул свою милость жене.

Таньло — сандаловое дерево, обвитое лианами; *Таньло* — вымышленная страна; эти два слова пишутся одинаково.

теплые источники — озеро с теплыми источниками во дворце Пышности и чистоты, на горе Ли, около г. Чаньбань.

толкования... Гуна и Гу — первые комментарии на летопись «Чуньцю», составленные учеными Гун Яном и Гу Ляном.

тот, кто увлек девушку своей игрой на лютне. Речь идет о поэте Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.), который увлек своей игрой на цине дочь богача-купца, ставшую женой поэта вопреки воле своего отца.

«Третий господин» — так называли родные и близкие императора Сюаньцзуна, потому что он был третьим сыном в семье.

третья стража — время между одиннадцатью и часом ночи (см. начало пятой стражи).

три великие основы жизни — государь, отец, муж; речь идет о том, что Мин Хуан (Сюаньцзун) изменил своему долгу: государя (так как традиционная историография возлагала всю ответственность за мятеж Ань Лу-шаня и беспорядки в стране на его фаворитку Ян), отца (отняв Ян у своего сына, в гареме которого она находилась) и мужа.

тринадцатый год (под названием «Юаньхэ») — т. е. в 818 г.

Тунгуань — горный проход, находящийся в западной части пров. Хэнань и ведущий к пров. Шэньси.

Тунчжоу — уезд (в нын. пров. Шэньси).

туфань — племя, жившее на территории нын. Синьцзяна.

«Туфли» — это «согласие» — игра слов, основанная на одинаковом произношении слов «туфли» (се) и «согласие» (се).

тысячеверстный скакун — иносказательное выражение, часто употреблявшееся в старой китайской поэзии и художественной прозе для обозначения многообещающего, высокоталантливого человека.

«Тяньбао» — вторая половина правления императора Сюаньцзуна (742—755). Девятый год «Тяньбао» — 749 г.

Тяньхоу (Ухоу) — вдовствующая императрица, царствовавшая с 684 по 704 гг.

«Тяньшоу» — одно из названий годов правления танской императрицы Ухоу. Третий год «Тяньшоу» — 692 г.

У — старое название пров. Цзянсу.

У — У Дао-цзы — художник VIII в. н. э., портретист, мастер изображений буддийских святых и росписей буддийских храмов.

«(встречи) у реки Ло» — иносказательное выражение с тем же смыслом, что и «встречи на горе У». Выражение идет из поэмы Цао Чжи (192—232 гг.) «Фей реки Ло», содержание которой сводится к следующему: Ми-сы — дочь легендарного императора Фу Си (XXIII в. до н. э.) — утопилась в реке Ло и стала феей

этой реки. Переправляясь через р. Ло, Цао Чжи, вдохновленный одой Сун Юя, написал, в свою очередь, поэму о том, как к нему явилась фея реки Ло и ошастливила его своей любовью.

убивший меня — «*обезьяна в повозке*...» — тип распространенных в Китае иероглифических шарад, строящихся на том, что большое количество китайских иероглифов состоит из сочетания нескольких простых знаков, имеющих самостоятельное значение.

Угун — уезд (в нын. провинции Шэньси).

удун — название дерева.

уезд Чжэнсян — в нын. пров. Хэнань.

Усин — уезд (в нын. пров. Чжэцзян).

утки застыли в резьбе черепиц — на крыше вырезаны птицы «юань-янь» (см. *юань-янь*) как символ супружеской верности.

Фаньян — город (в нын. провинции Шэньси).

Фупин — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Фуфэн — округ (в нын. пров. Шэньси).

Фууй — местность (на территории нын. Кореи).

Фэнъи — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Хань (Первая, или Западная) — династия, правившая в Китае с 206 (202) г. до н. э. по 25 г. н. э.

Ханьдань — уезд и город (в нын. пров. Хэбэй).

хоть я и девочка. До 1907 г. в Китае отсутствовало женское образование; девочки в знатных семьях старого Китая обучались музыке, пению, но не литературе, истории и т. п.

ху — мера сыпучих тел, равная приблизительно 51 л.

Ху — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Хуа — гора (в нын. пров. Шэньси).

Хуай — река (в нын. пров. Аньхуэй).

Хуайань — несуществующее княжество.

Хуайнань — область к северу от нын. пров. Хубэй.

Хуанхэ и *Хуаншуй* — имеются в виду западные окраины Китая, прилегающие к нын. пров. Синьцзян и к Тибету.

Хуаньчжоу — город в уезде Аньнань (в нын. пров. Гуйчжоу).

Хуачжоу — уезд в области Тунчжоу (в нын. пров. Шэньси).

Хун — Чэнь Хун — автор «Повести о бесконечной тоске».

Хуннун — область (в нын. пров. Хэнань).

Хунчжоу — ныне в уезде Наньчан пров. Цзянси.

Хун Чжэнь — правитель города Пу, известный военачальник VIII в., боровшийся против иноземных захватчиков.

Хэнань — центральная провинция Китая.

Хэнаньдао — город (в нын. пров. Хэнань).

Хэнчжоу — уезд (в нын. пров. Хэнань).

Хэсидао — область (в нын. пров. Шэньси).

«Цай пинь» — «собирать (рвать) водяные лилии» — выражение из песни «Шицзина» (1, 2, 4), рассказывающей о девушке, принесшей в храме предков жертву из водяных лилий.

Цзин — река (в нын. пров. Шаньси).

Цзинчжао — местность восточнее г. Чанъань.

Цзинчжоу — область (в нын. пров. Шаньси).

Цзинчжоу — область (в нын. пров. Ганьсу).

Цзинъян — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Цзинюань — уезд (в нын. пров. Ганьсу).

цзинь — мера веса, ныне равная 596 г.

Цзиньлин — старое название города Нанкина (в нын. пров. Цзянсу).

Цзиньу — город (в нын. пров. Шэньси).

Цзиньчан — уезд (в нын. пров. Ганьсу).

Цзиньчен — город (в нын. пров. Шаньси).

Цзиньчжао — уезд (в нын. пров. Шэньси).

Цзиньчэн — уезд (в нын. пров. Цзянсу).

цзиньши — третья (высшая) ученая степень в старом Китае. Выдержавшие этот экзамен по первому разряду зачислялись в придворную Академию Ханьлинь (см. студент).

Цзыцин — уезд и город (в нын. пров. Шаньдун).

цзюйжэнь — вторая ученая степень (лицензиат) в старом Китае (см. студент).

Цзюйяньшань — гора (в нын. пров. Ганьсу).

Цзян Цзун — государственный деятель и ученый VI в. Цзян Цзун воспитал Оуян Сюна — сына полководца Оуян Хэ, казненного императором Уди (см. чэньский Уди) за участие в мятеже. Оуян Сюн (557—645) — выдающийся ученый и каллиграф своего времени — занимал крупные должности при первых танских императорах. Завидовавшие ему люди, издеваясь над его обезьянообразной внешностью, распространили слух (в основу которого легли старые рассказы о человекообразных обезьянах, похищавших женщин) о том, что Оуян Сюн — сын обезьяны, и утверждали, что эта часть его истории доподлинно известна Цзян Цзуну, якобы скрывшему ее из дружбы к Оуян Сюну и его покойному отцу. Весьма неприкрытый намек на это мы находим в названии новеллы, автор которой остался неизвестен.

- Цзянду — уезд (в нын. пров. Цзянсу).
- Цзяннань — округ (в нын. пров. Сычуань).
- Цзяньго — старое название уезда (в нын. пров. Шэньси).
- Цзянье — местность (в нын. пров. Цзянсу).
- Цзяньмэнь — уезд (в нын. пров. Сычуань).
- «Цзяньчжун» — название первых лет правления танского императора Дэцзуна — 780—783 гг.
- Ци — династия, правившая в Китае с 479 по 502 гг.
- цин — мера площади, сейчас равная 6,5 га.
- Цинлю — город (в нын. пров. Аньхуэй).
- Цинхэ — уезд (в нын. пров. Хэбэй).
- цинь — струнный музыкальный инструмент — семиструнная лютя.
- Цинь — старое название нын. пров. Шэньси.
- цунь — мера длины, сейчас равная 3,2 см.
- Цюйцзян — река (в нын. пров. Шэньси).
- Цяньган — уезд (в нын. пров. Чжэцзян).
- Чанли — уезд (в нын. пров. Хэбэй).
- Чанло — город (в нын. пров. Фуцзянь).
- Чанлэ — почтовая станция на северо-западе Чаньяня.
- Чанчжоу — область (в нын. пров. Цзянсу).
- Чаншань — уезд (в нын. пров. Чжэцзян).
- Чаншэн — зал Долгой жизни во дворце Пышности и чистоты.
- Чанъань — столица танского Китая, ныне — Сиань, главный город пров. Шэньси.
- Чао Цо — советник ханьского императора Цзинди (156—141 гг. до н. э.). Когда в 154 г. до н. э. семь феодальных князей, создав лигу, выступили против империи Хань, причиной этого сочли неудачные мероприятия, предложенные Чао Цо, и он был казнен.
- четвертый год «Юаньхэ» — 809 г.
- Чжан остановился там. В монастырях обычно имелись помещения для гостей и путников.
- Чжао — область (в нын. пров. Шэньси).
- Чжао-и — область (в нын. пров. Шэньси).
- Чжаоян (Сверкающее Солнце) — название дворца, построенного при династии Первая Хань.
- «Чжоунань» и «Чжаонань» — из «Книги песен» («Шицзин») — одной из книг конфуцианского классического канона, составленной, примерно, в VI в. до н. э.
- Чжоу-у — уезд (в нын. пров. Шэньси).
- Чжу — область (в нын. пров. Ганьсу).

Чжу Цы — возглавил мятеж крупных феодалов на территории нын. пров. Хэбэй. В 783 г. он двинулся с большой армией на г. Чанъань, император Дэцзун бежал в г. Фэнтянь. Чжу Цы объявил себя императором новой династии Хань, но когда мятеж был подавлен, Чжу Цы был изгнан из столицы и убит.

Чжугун — местность (в нын. пров. Хубэй).

Чжулун — округ, существовавший во времена династии Тан (к юго-востоку от пров. Нинся).

Чжунлин — уезд (в нын. пров. Цзянси).

Чжэн-лю — букв. Чжэн шестой (по числу членов семьи).

Чжэн Чжу — чиновник, занимавший крупные посты при императоре Вэньцзуне; вел решительную борьбу с засилием евнухов при дворе.

Чжэнсянь — уезд (в нын. пров. Хэнань).

«**Чжэньгуань**» — одно из названий годов правления танского императора Тайцзуна (627—649).

«**Чжэньюань**» — одно из названий годов правления танского императора Дэцзуна (785—804).

чи — мера длины, сейчас равная 32 см (10 цуней).

что тебя осудит людская молва — за то, что Ин-ин вышла к постороннему мужчине, что категорически запрещалось девушке в старом Китае.

Чу — старое название пров. Хубэй.

«**Чуньцю**» («Летопись царства Лу») — историческая хроника, регистрирующая события между 722 и 481 гг. до н. э. (по традиции приписываемая Конфуцию), в которой путем особого выбора слов выносятся «похвалы» и «осуждения» поступкам и людям, их совершившим.

Чэнду — административный центр нын. пров. Сычуань. Во время бегства Сюаньцзуна в Сычуань Чэнду стал временной столицей Китая.

чэньский Уди (557—559) — император династии Чэнь, в южном Китае сменившей династию Лян. При смене династий обычно подвергались преследованиям приверженцы старой династии.

Шаньюань — уезд (в нын. пров. Цзянсу).

Шанъян — название дворца в г. Лояне (в нын. пров. Хэнань); построен танским императором Гаоцзуном.

Шаньдун — северная провинция Китая, занимающая весь полуостров Шаньдун и вдающаяся на западе в часть континента.

шесть дворцов — четыре императорских дворца в Чанъане и два — в Лояне.

Шу — древнее название нын. пров. Сычуань.

Шунь (2255—2205) — легендарный император, преемник Яо (см. Яо) «Музыка Шуня» — редчайшая по красоте музыка (Лунь-юй, VII, 23).

Шэнчи — уезд (в нын. пров. Хэнань).

«*Шэнь*» — циклический знак, которому соответствует знак «обезьяна».

Шэнь Яо — имя, данное основателю танской династии Ли Юаню (гаоцзю) после его смерти.

экипаж с крытым верхом и занавесками. В таких экипажах возили женщин.

Эмэй — горы (в нын. пров. Сычуань).

Ю (Ю-ван) — последний правитель династии Западное Чжоу (1122—770 гг. до н. э.), правивший в годы 781—770 до н. э.

Юань (Юанься) — местность (в нын. пров. Хэнань).

Юань Вэй-чжи — известный танский поэт и новеллист Юань Чжэнь (779—831), автор «Повести об Ин-ин».

Юаньди — ханьский император, правивший с 48 по 33 гг. до н. э. В гареме его было очень много красавиц, и Юаньди, не имея возможности побывать у всех их, приказал художникам написать их портреты. Каждая женщина старалась подкупить художника, чтобы он приукрасил ее, одна лишь красавица Ван Цянь (Ван Чжао-цзюнь) не хотела унижить себя и не дала взятки; разозленный художник Мао Янь-шу изобразил ее уродом. Обманутый император не пожелал дать свидания Ван Чжао-цзюнь и (в 33 г. до н. э.), когда вождь племени сюнну (гунны) Ху Хань захотел породниться с императором Китая, отдал Ван Чжао-цзюнь ему в жены, считая ее самой уродливой из всего гарема. Только перед самым отъездом Ван Чжао-цзюнь предстала перед императором, который был потрясен ее красотой и огорчен своей утратой. Жизнь свою Ван Чжао-цзюнь провела на чужбине, где тосковала по родине и писала печальные стихи, представляющие интерес описанием местных обычаев и природы. Судьба ее была темой многих произведений китайской литературы, особенно в танское время.

«*Юаньхэ*» — название годов правления танского императора Сяньцзуну (806—820).

юань-янь — птицы, всегда летающие парами, — символ супружеской любви и верности.

Юе — местность (в нын. пров. Гуандун).

Южный дворец — в г. Лояне.

Юйчжан — местность (в нын. пров. Цзянси).

Юйянь — местность (в нын. пров. Хэбэй), где в 755 г. вспыхнул мятеж Ань Лу-шаня.

Юцзи — уезд (в нын. пров. Хэбэй).

я — автор новеллы Ли Гун-цзо.

Ян Су — крупный политический деятель, способствовавший возведению на трон Вэньди, первого императора династии Суй; он боролся с оппозицией внутри страны и совершил ряд походов за пределы Китая.

я навлекла на себя гнев... Суцзуна — см. Суцзун.

Янди (Ян Гуан) — второй император династии Суй, правивший с 605 по 616 г.

Янчжоу — область (в нын. пров. Цзянсу).

Янь — древний удел, занимавший территорию нын. пров. Хэбэй и Пекинского округа.

Янь Цзю-юань — танский поэт, современник Юань Чжэня.

Яо (2357—2205) — легендарный император, время правления которого, согласно конфуцианской традиции, являлось символом мира и всеобщего благоденствия.

Яо Лин-янь — губернатор уезда Цзинюань, поднявший мятеж в 783 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<i>Шэнь Цзи-цзи</i> . Изгололье	9
<i>Шэнь Цзи-цзи</i> . История Жэнь	15
<i>Чэнь Сюань-ю</i> . Рассказ о том, как душа покинула тело	27
<i>Ли Чао-вэй</i> . История Лю И	30
<i>Ли Гун-цзо</i> . Правитель Нанькэ	46
<i>Ли Гун-цзо</i> . История Се Сяо-э	59
<i>Неизвестный автор</i> . Белая обезьяна, об истории которой <i>Цзян Цаун</i> умолчал	65
<i>Ню Сэн-жу</i> . Путешествие в далекое прошлое	71
<i>Шэнь Я-чжи</i> . Записки об удивительных снах	79
<i>Неизвестный автор</i> . Музыка из царства мертвых	82
<i>Бо Син-цзянь</i> . Три сна	86
<i>Бо Син-цзянь</i> . Повесть о красавице <i>Ли</i>	90
<i>Сюй Яо-цзо</i> . История Лю	106
<i>Цзян Фан</i> . История Хо Сяо-юй	111
<i>Чэнь Хун</i> . Повесть о бесконечной тоске	124
<i>Юань Чжэнь</i> . Повесть об <i>Ин-ин</i>	136
<i>Неизвестный автор</i> . Повесть о фаворитке <i>Мэй</i>	149
<i>Се Тяо</i> . История <i>У-шуан</i>	157
<i>Фан Цянь-ли</i> . История гетеры <i>Ян</i>	167
<i>Ду Гуан-тин</i> . Чужеземец с курчавой бородой	170
Приложение	
Послесловие	181
Примечания	207

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Д. П. Лбова*. Технический редактор *Н. А. Невраева*

*

РИСО АН СССР № 5510 Сдано в набор 22/1 1955 г. Т-02466. Бумага 70 × 92. Подп. к печ. 21/IV 1955 г. Печ. л. 14,25=16,67. Учет.-изд. л. 11,4. Изд. № 919. Тип. заказ № 62. Тираж 15000.

Цена 8 р. 35 к.

1-я тип. Изд. Академии наук СССР Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
73	11 св.	Юань-ди	Юаньди
129	17 св.	Ланее	Ланье
132	3—4 св.	До самых облаков мостки крутые	Поднявшиеся тучи желтой пыли.
215	10 св.	Хой-ди	Хуэйди

Танские новеллы

